

Германская
история
эпохи
реформации:
исследования
и
документы

ВОЛОГДА
1993

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ
ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Межвузовский сборник научных трудов

ВОЛОГДА
1993

ББК
63.3 (40)
Г38

+ КММ

Печатается по решению редакционно-издательского совета Вологодского государственного педагогического института.

Германская история эпохи Реформации: исследования и документы: Межвузовский сборник научных трудов. — Вологда, ВГПИ, издательство «Русь», 1993.

В сборнике рассматривается ряд актуальных научных проблем и впервые публикуются переводы нескольких интереснейших документальных свидетельств реформационной эпохи. Переводы документов («Земского устройства» М. Гайсмайера, «свидетельств о вере» М. Затлера и Г. Шмида) сопровождается научный комментарий.

Сборник может быть полезен для студентов исторических факультетов вузов, преподавателей истории, научных работников и всех, кто интересуется историей.

Ответственный редактор — доктор исторических наук, профессор *Ю. К. Некрасов*.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *Н. Ф. Колесницкий*,

кандидат исторических наук, профессор *С. А. Фараджева*,

кандидат исторических наук, доцент *Ю. С. Васильев*.

Г 0503010000—031
Г76(03)—93

ISBN 5-87822-031-8

© Вологодский государственный педагогический институт, издательство «Русь», 1993.

РЕЙХСТАГ И ИМПЕРАТОР СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Настоящая статья преследует достаточно скромную и довольно ограниченную задачу: дать краткую характеристику высших властных структур Священной Римской империи германской нации (такое официальное название Германская империя получила в конце XV в.) эпохи Реформации. Представляется, что эта историческая справка может быть небесполезна как для специалистов, так и для широкого круга интересующихся историей читателей, которым более известна иная, идейная и социально-экономическая, сторона жизни немецкого народа того времени. Главной документальной основой для данного очерка послужили "Акты германских рейхстагов" (см.: 18), весьма обстоятельное издание, позволяющее с разных сторон рассмотреть внутривластную обстановку в Германии первой половины XVI в. Избранный автором жанр, по всей видимости, позволяет ему воздержаться от подробного историографического анализа трудов своих предшественников, ограничившись предельно сжатой аннотацией работ отечественных историков и необходимыми ссылками к другим исследованиям в тексте самой статьи.

Дело в том, что проблема структуры и взаимоотношения имперской власти с рейхстагом в эпоху Реформации фактически до сих пор не получила более или менее удовлетворительного освещения в отечественной историографии. Н.Ф.Колесницкий в одном случае лишь намечает достаточно отдаленную историческую перспективу изучения данной темы (см.: 8) или дает ее краткий обзор, доведенный только до конца XV в. (см.: 5, с. 240-265), в другом - рассматривает место ландтагов в эволюции системы государственности в Германской империи (см.: 7, с. 81-83). Взаимоотношения имперской власти и региональных политических собраний второй половины XIV в. изучил М.А.Бойцов (см.: 2, с. 39-52, 157-180); он же исследовал деятельность рейхстага на том же историческом отрезке времени, перевел на русский язык и опубликовал источники по истории имперских собраний (см.: 1, с. 220-246). Краткий обзор эволюции политического строя средневековой Германии содержится в очерке М.А.Когана (см.: 4, с. 50-78), анализ состояния этого строя и его связи с социальной структурой общества на рубеже XV-XVI вв. дан в учебном пособии Ю.К.Некрасова (см.: 9, с. 54-86). Политическому строю Германии XIV-XV вв. уделил внимание и А.И.Неусыхин (см.: 10, с. 348-388), который, однако, не отразил в достаточной мере деятельность рейхстага и его взаимоотношения с имперскими и

княжескими властями. Попытку "имперской реформы" конца XV в. в свое время исследовал М.М.Смирин (см.: 11, с. 234-281). И все же необходимо подчеркнуть еще раз, что о теме, поставленной в заглавие настоящей статьи, русский читатель имеет довольно приблизительное и поверхностное представление.

Рейхстаг (имперское собрание) в XVI в. состоял из трех курий. На Ворском рейхстаге 1521 г. был составлен новый имперский матрикул (список "имперских чинов"), позволяющий произвести количественный подсчет представительства в рейхстаге по куриям (см.: 18, т.2, с. 424-442). В связи с некоторыми неясностями в самом тексте матрикула, цифры, приводимые ниже по второй и третьей куриям, следует считать приблизительными. Данные по ним расходятся и у современных исследователей (13, с. 104-108; 21, с. 19).

Первая курия объединяла курфюрстов. Их было семь: три духовных - архиепископы Майнцкий, Трирский и Кельнский, четыре светских - король Богемии (Чехии), курфюрсты Саксонский, Пфальцкий, Бранденбургский. В первой половине XVI в их фактически осталось шесть: чешский король в заседаниях рейхстага участия не принимал, а когда в 1526 г. этот титул перешел к Фердинанду Габсбургу, последний также от участия в коллегии курфюрстов по существу устранился, предпочитая сохранить за собой более престижное положение брата императора, наместника последнего во время длительного отсутствия Карла V в Германии.

Вторая курия, в которую входили князья, имела более сложный состав, в ней можно выделить несколько различаемых в то время официальных групп: архиепископы, епископы, светские князья, аббаты (и аббатисы), прелаты церкви, комтуры Тевтонского ордена, графы, бароны. Представители этих групп были объединены в три малые курии, которые заседали отдельно друг от друга. В первой из них, княжеском совете, где руководящую роль играли четыре архиепископа (Магдебургский, Бременский, Зальцбургский и Безансонский), было представлено 50 духовных (архиепископы, епископы, аббаты крупных и богатых монастырей и влиятельные прелаты католической церкви) и более 20 светских князей. Князья имели право голосовать персонально и отстаивать свою точку зрения перед рейхстагом, поскольку каждый из них обладал так называемым "голосом князя". Остальные духовные лица (прелаты, аббаты, комтуры) - числом более 80 - заседали в курии прелатов и все вместе располагали двумя куриатными голосами в соответствии с двумя "скамьями" их малой курии - Швабской и Рейнской. 145 графов и баронов, заседавших совместно, также имели два голоса - от Швабской и Веттерауской "скамей". Члены двух последних малых курий правом подачи личного голоса не обладали, их мнение звучало на рейхстаге в форме голоса от "скамьи". Аббатисы, формально имевшие право уча-

ствовать в работе рейхстага, персонально на заседаниях не присутствовали, а либо направляли своих представителей (мужчин, обычно фогтов), либо уполномочивали представлять их интересы кого-либо из "имперских чинов".

Третья курия, в которой заседали представители городов, также имела собственные две "скамьи", Швабскую и Рейнскую, и два голоса в рейхстаге. Всего на заседаниях рейхстага в XVI в. было представлено около 85-ти имперских и вольных городов.

За исключением имперских и вольных городов, которые направляли на заседания имперского собрания, как правило, бургомистров или специально назначаемых магистратами (а иногда избираемых Большими советами) лиц, представители других курий не избирались, так как право участвовать в работе рейхстага имели владельцы ленов, считавшихся имперскими. Собственного чиновничества и делопроизводства рейхстаг не имел; роль имперской канцелярии выполняла канцелярия архиепископа и курфюрсты Майнцкого, по традиции числившегося имперским эрцканцлером. Все организационные вопросы (размещение делегатов, продовольствие, топливо, охранная служба и т.д.) находились в компетенции имперского эрцмаршала - курфюрста Саксонского. Курфюрсту, однако, эта обязанность виделась чрезвычайно обременительной; он назначил своим заместителем (маршалом) саксонского дворянина Паппенхайма, для семьи которого эта должность стала наследственной (13, с. 124-132). В решении организационных проблем принимали участие и назначаемые лично императором комиссары (см.: 16, т.2, с. 138-145).

Участие императора в работе рейхстага (права на голосование этот титул не давал) состояло в первую очередь из его особой привилегии - права на предъявление рейхстагу "пропозиции". Это особый документ, зачитывавшийся в первый же день заседания рейхстага на общем собрании имперских чинов и определявший от имени императора круг вопросов, которые следовало обсудить и принять решения. Таким образом, пропозиция была своего рода "постановкой проблемы". Дальнейшее участие императора в работе рейхстага обычно сводилось к переговорам с отдельными "чинами" и попыткам с помощью угроз или уступок склонить строптивых на свою сторону.

Принятие рейхстагом решения часто превращалось в сложную процедуру. Вначале императорская пропозиция обсуждалась по куриям, "отзывы" курий направлялись в майнцскую канцелярию. Если вопрос не вызывал споров, то своего рода "редакционная комиссия" из второстепенных лиц готовила документ, который затем и объявлялся на общем собрании как решение рейхстага. На практике, однако, такое случалось редко. Как правило, в зависимости от важности спорного вопроса, создавалась "большая" или "малая" комиссия рейхстага, которая готовила

проект компромиссного решения, проект снова поступал на обсуждение курий - последние высказывали свои замечания, и все начиналось заново. Курии не были равноправными, поскольку абсолютное большинство членов в "большую" и "малую" комиссии делегировали курфюрсты и князья. Города имели право высказать свое отношение к проекту решения, но вносить предложения и поправки им запрещалось. Князья высокомерно заявляли, что города имеют право лишь добавить "аминь" к тому, что сказали высшие курии (21, с. 77). На рейхстагах эпохи Реформации (начиная с Вормского рейхстага 1521 г.) представители городов (особенно активно при этом проявляла себя фракция нарождающейся торговой буржуазии) вели на заседаниях борьбу за право "голоса" (право голосовать персонально), равные права с "благородными сословиями" и даже за передачу исполнительной власти в Империи "третьему сословию", но потерпели на этом пути поражение (см.: 25, с. 300; 26, с. 189-201). Малозаметную, часто не прослеживающуюся по документам роль играли малые курии предатов и графов, интегрированные в княжеской большой курии.

В XVI в. распространенным явлением стал саботаж "имперскими чинами" как заседаний рейхстага, так и его решений. В принципе посещение рейхстага или по крайней мере направление на него полномочных представителей считалось непрерываемой обязанностью "имперских чинов". Однако в первой половине XVI в. не было ни одного рейхстага, собравшегося в полном составе. "Чины" проявляли порой незаурядную находчивость в изобретении отговорок, чтобы отказать от участия в заседаниях имперского собрания: болезнь, эпидемия, плохая погода или дорога, дороговизна путешествия, свадьба сына и т.д. Другим проявлением саботажа была форма согласия с решением рейхстага "для передачи руководству". В этом случае представитель города (или князя, если последний не присутствовал на заседаниях) заявлял, что он лично с решением согласен, но так как по данному вопросу необходимых инструкций не имеет, то принимает решение рейхстага для передачи своему руководству. Такая форма принятия решения ни к чему не обязывала, так как князь или городской магистрат вольны были либо согласиться с решением рейхстага, либо дезавуировать позицию своего представителя и заявить, что решение рейхстага для него "обременительно". Решение, принятое большинством голосов, не считалось обязательным к исполнению. Любой "имперский чин", не согласный с решением, имел право заявить формальный протест и не подчиниться большинству (правда, в этом случае он рисковал навлечь на себя "немилость" императора, который в качестве средства убеждения мог применить и силу). Постоянных исполнительных органов для осуществления принятых решений рейхстаг не имел.

В научной литературе существуют различные мнения о ха-

рактере деятельности германского рейхстага. Западные ученые, прежде всего ненецкие, чаще пишут о рейхстаге как сословном учреждении, аналогом которого являются Генеральные Штаты во Франции и парламент в Англии (30, с. 25-27). В советской историографии высказывалась иная точка зрения, которую в несколько утрированной форме выразил М. А. Коган, определивший рейхстаг как "съезд вассалов императора", не издававший законы, а "в лучшем случае" одобрявший эдикты императора (4, с. 77). Наиболее авторитетный сегодня в стечественной медиевистике специалист по политической истории средневековой Германии Н. Ф. Колеснический более широко трактует компетенцию рейхстага и признает его сходство с сословно-представительными учреждениями Западной Европы (5, с. 248-250).

На наш взгляд, самой природе германского рейхстага эпохи Реформации присущ определенный дуализм. Бюргерство, среднее дворянство (графы и бароны) и часть духовенства (прелаты и аббаты) - это, несомненно, соответствующим образом организованное представительство их сословий. Иное положение занимали князья и курфюрсты, которые еще в XIII-XIV вв. приобрели фактический суверенитет в своих владениях (5, с. 250-255). Их участие в работе рейхстага скорее всего можно определить как территориальное представительство. Отсюда, видимо, может вытекать определение рейхстага как органа, сочетавшего в себе как сословное, так и территориальное представительство. Этот дуализм отражался в обычной для протоколов рейхстага формуле: "Курфюрсты, князья и Stände решили ...". Есть основания полагать, что в самом понятии "Stände" были интегрированы те формы имперского представительства, которые можно отнести к сословным. Неоднозначность природы германского рейхстага обуславливалась, на взгляд автора статьи, противоречивостью политической и социально-экономической ситуации Германии эпохи Реформации, когда реально проявлялись две тенденции в политическом развитии страны: к единому национальному государству или к княжеской государственности. Свообразно преломляясь, эти тенденции отражались в характере деятельности рейхстага, роль которого в судьбах Германской империи зависела от победы одной из них.

Формально первым лицом в Империи считался император, фактически же его права были сведены до предела близкого к нереальности. Сам титул императора лишился былой святости и превратился в объект купли-продажи. Это убедительно раскрывается в динамике политической борьбы по вопросу престолонаследия, отдельные эпизоды которой, ярко иллюстрирующие политическую систему Священной Римской империи, попытаемся рассмотреть специально.

В 1518 г. тяжело больной император Максимилиан I начал

открыто добиваться, чтобы еще при его жизни преемником титула римского короля был избран старший потомок императора по мужской линии, внук Карла (18, т. 1, с. 18). Карл (род. в 1500 г.) рано лишился родителей (после смерти отца Карла, эрцгерцога Австрии и герцога Бургундии Филиппа Доброго, его мать - дочь "католических королей" Испании Фердинанда и Изабеллы, принцесса Хуана, в 1506 г. потеряла рассудок) и воспитывался при дворе тетки, наместницы Нидерландов Маргариты Савойской. Это был один из блистательных дворов Европы, притягивавший к себе гуманистов, художников, поэтов - покровительство искусствам считалось при этом дворе хорошим тоном. Вероятно, с тех лет Карл вынес сохранившееся в нем до старости скептическое отношение к римской курии, - но не к католическому вероучению, трепет перед которым ему сумел внушить воспитатель, известный богослов и в будущем римский папа Адриан Утрехтский (Адриан VI). В 17 лет, после смерти деда по матери, Фердинанда Арагонского, Карл наследовал испанский престол.

Курфюрсты встретили претензии Максимилиана I довольно холодно, но сильно не упорствовали, поскольку речь шла всего лишь о выборе преемника. Получив богатые подарки и большие пенсии - только Карл выделил для этой цели 100 тыс. гульденов (18, т. 1, с. 81) - курфюрсты на Аугсбургском рейхстаге 1518 г. дали императору обещание избрать Карла императором (18, т. 1, с. 91-92). Ситуация, однако, резко изменилась после смерти 12 января 1519 г. Максимилиана I. Все обещания умершему императору тут же были забыты. В избирательную кампанию вмешались все что-нибудь значащие политические силы тогдашней Европы. Уже через неделю после смерти императора из Рима были направлены инструкции папскому легату в Германии Казтано: слово, данное курфюрстами покойному императору, можно считать недействительным и следует предпринять все, чтобы не допустить избрания Карла (18, т. 1, с. 148-149). Французский король Франциск I, и ранее претендовавший на императорский титул, громко заявил о своих намерениях, которые тут же поддержал Рим (18, т. 1, с. 274-278, 288-284). Интерес к возможности приобретения императорского титула проявил юный король Венгрии и Чехии Людвиг (18, т. 1, с. 580-582). Не остался в стороне и король Англии Генрих VIII, направивший в Германию своих полномочных представителей. Карл, однако, не отступил. В письме тирольскому правительству в Инсбруке (5 февраля 1519 г.) он сообщал о назначении своим комиссаром по выборам кардинала Гурка (Маттеуса Ланга, будущего архиепископа Зальцбурга) и обязывал это правительство действовать в контакте со Швабским Союзом, который обещал Карлу поддержку (18, т. 1, с. 193-194, 306-307). Маргарита Савойская направилась в Германию голландца Цевенбергена - умного и проницательного по-

литика, сосредоточившего в своих руках все нити предвыборной кампании.

Политическая борьба осложнялась вооруженными столкновениями. Так, сторонник Франциска I, герцог Ульрих Вюртембергский, решил воспользоваться благоприятной для себя ситуацией и захватил имперский город Ройтлинген. Швейцарцы, враждовавшие с Францией, немедленно отозвали своих ландскнехтов из войска Ульриха и заявили французскому послу, что никогда не потерпят императора не немца (18, т. 1, с. 547-548). Швабский Союз использовал удобный повод, чтобы набрать войско, изгнав герцога Ульриха как нарушителя "земского мира" из его владений, но ландскнехтов не распускал в ожидании выборов императора.

Из создавшейся ситуации наибольшую выгоду извлекли в первую очередь курфюрсты, оказавшиеся в центре внимания всей Европы и бравшие взятки у всех претендентов. Особой алчностью отличался бранденбургский курфюрст Иоахим I, которого возмущенный Цевенберген называл "отцом всего стяжательства" (17, т. 1, с. 191). Иоахим не постеснялся даже послать запрос Якобу Фуггеру о финансовой состоятельности Карла (17, т. 1, с. 183). Из ответа Фуггера следовало, что Карл располагал 587 тыс. гульденов в его банке, 143 тыс. - Вельзера, 165 тыс. - в банках еще трех других фирм того же Аугсбурга (18, т. 1, с. 220-221). Следовательно, если принять во внимание, что аугсбургские фирмы не были единственными кредиторами Карла, можно с достаточной уверенностью сказать, что в его распоряжении находилось около 1 млн. гульденов, истраченных на подкуп курфюрстов. Как видим, цифра достаточно внушительная, но ошибкой было бы связывать успех Карла в избирательной кампании только с суммой затраченных средств. Эта сумма могла быть и значительно меньше, так как альтернативы Карлу у курфюрстов фактически не было. Такой вывод вытекает из анализа как положения в Империи, так и сложившейся в начале XVI в. системы международных отношений в Европе.

В XV в. военно-политическое значение Священной Римской империи стремительно падало. Сражение при Грюнвальде (1410 г.) положило конец восточной экспансии немецких феодалов. Поражение в гуситских войнах, удары, нанесенные Империи венгерским королем Маттеушем Корвином, свидетельствовали о дальнейшем ее ослаблении. В правление Максимилиана I (1493-1519 гг.) последовали новые поражения - в 1499 г. имперские войска были разбиты швейцарцами, что окончательно похоронило надежды на возвращение швейцарских кантонов в лоно Империи. В начале XVI в. Империя столкнулась с опаснейшим противником - французским централизованным государством. Выиграв в 1515 г. битву при Мариньяно, французы заняли Милан, считавшийся имперским леном. Ясно было, что

Франция, имевшая и другие претензии на имперские территории, одним этим приобретением не ограничится. Между тем на Востоке стала реальностью турецкая угроза, тень которой уже нависла над Венгрией. Чтобы предотвратить новые военные поражения, разобщенные германские земли имели две возможности. Они должны были или объединиться, создав единые финансы и армию (но такой путь не устраивал территориальных князей), или же попытаться найти сильного союзника, а им могла быть только Испания, переживавшая в начале века кратковременный подъем и имевшая тех же противников на внешнеполитической арене, что и Германия. С Францией Испания враждовала за господство в Южной Италии, а после вступления на испанский престол Карла - и за Нидерланды и Бургундию. С Турцией интересы Испании сталкивались в Средиземном море. Германия неизбежно шла к союзу с Испанией, и это уже было влияние констелляций зарождавшегося Нового времени.

В середине июня 1519 г. курфюрсты собрались во Франкфурте-на-Майне, чтобы избрать императора. Закулисные интриги продолжались, но в целом вопрос уже был решен. На курфюрстов оказывало сильное давление подкрепленное военной силой общественное мнение, благосклонное к Карлу (конечно, свою роль сыграли здесь и деньги, и умелая пропаганда). Представитель английского короля доносил последнему, что "весь народ вооружен" и готов бороться за Карла. Если курфюрсты выберут Генриха VIII, то английское посольство немедленно будет перебито (18, т. 1, с. 834-835). В окрестностях Франкфурта расположились войска Швабского Союза под командованием знаменитых кондотьеров Зикингена и Фрундсберга. Граф Генрих Нассау собрал в одном из замков в окрестностях города дворян, которые открыто провозгласили войну Франции и объявили, что желают видеть императором только Карла Испанского (18, т. 1, с. 834). Для римской курии, напротив, наиболее нежелательна была кандидатура испанского короля, владевшего также и Неаполитанским королевством, что представляло прямую угрозу светским владениям папства. Однако под влиянием обстоятельств святейший престол вынужден былступить, и 24 июня Казтано выступил с заявлением, что папа снимает все возражения против кандидатуры Карла (18, т. 1, с. 832-833). В целом же отношение современников к этому событию было настолько неоднозначным, что английский посланник уже упомянутое выше донесение закончил любопытным замечанием: в Германии сейчас такое отсутствие единства, что ни один государь не в состоянии навести здесь порядок. Это не помешало, однако, 28 июня 1519 г. коллегии курфюрстов, собравшейся в церкви св.Бартоломея во Франкфурте, единогласно избрать Карла "римским королем". С этого момента он получил право носить титул "избранного римского императора", но коронация состоялась только в феврале 1530 г. в Бо-

лонье - для этого Карлу пришлось разбить папские войска, взять штурмом Рим и захватить в плен самого папу.

Курфюрсты потребовали от Карла подписания ими же составленной избирательной капитуляции, которая после выборов была отправлена в Испанию (впервые Германию Карл посетил только в 1520 г.) и там утверждена императором (33, т. 2, с. 309-313). Этот примечательный документ не только иллюстрирует княжескую точку зрения на роль императора, но и помогает правильно понять те реальные права, которыми располагало первое лицо в Империи. Согласно капитуляции, император обязуется быть защитником "святейшего престола" и "папского святейства", а также поддерживать в Империи "мир, право и единств" (33, т. 2, с. 309, §1). Император подтверждал Золотую Буллу, все законы Империи, все вольности и привилегии "имперских чинов" (33, т. 2, с. 309, § 2, 4). Фактически все статьи содержали ограничение власти императора. Император имел право только с согласия курфюрстов: заключать союзы с другими государствами, созывать рейхстаги, издавать законы, вводить налоги. На государственные должности он мог назначать лишь "благородных" немцев (33, т. 2, с. 310, §13). Император обязывался вновь учредить распущенное в 1501 г. Имперское Управление (33, т. 2, с. 309, § 3). Наконец, ему запрещалось вводить в Империю иноземные войска, препятствовать собраниям курфюрстов, использовать в делопроизводстве какой-либо иной язык, кроме немецкого и латинского. Особая статья поручала императору запретить все союзы "простого народа" или дворян против князей и курфюрстов (33, т. 2, с. 310, §6).

В сословной монархии ограничения власти главы государства обычно касаются финансов, поскольку разрешают последнему сбор налогов только с согласия представительных учреждений; избирательная капитуляция Карла V шла значительно дальше и почти полностью лишала императора самостоятельности во внутригерманских делах. Правовая основа императорской власти еще более сужалась, но одновременно не расширялась и компетенция рейхстага. В результате обе высшие инстанции Империи оказывались еще менее дееспособны в исполнении своих функций. Тенденция к ослаблению роли центральных органов отражала интересы территориальных властей - но эти же власти были заинтересованы в сохранении "Священной империи", которая придавала германским княжествам, входившим в это аморфное политическое образование, особый международный авторитет и, кроме того, могла еще в то время обеспечить оборону в случае внешней опасности и хотя бы относительную внутреннюю стабильность, служа своего рода амортизатором и посредником во время междоусобиц. Именно это, по мнению автора настоящей статьи, делало возможным существование Священной Римской империи германской нации -

политического образования без четких географических границ, с императором без института исполнительной власти и с имперским собранием (рейхстагом), не имеющим инструмента реализации собственных решений.

Отражением весьма противоречивых процессов политического развития германских земель, в котором сочетались универсально-централизаторские и территориально-сепаратистские тенденции, явилось возникновение Имперского Палатного суда и Имперского Управления. Их происхождение тесно связано с предшествующим развитием политических институтов и государственно-правового мышления в Империи. В имперском правосознании важнейшей внутривнутриполитической функцией императорской (королевской) власти считалась задача поддержания "единства и мира" в Империи, т.е. предотвращение внутренних войн и улаживание бесконечных конфликтов между территориальными князьями. Одним из главных средств исполнения этой функции было объявление императором на определенное число лет "земского мира", когда усобицы запрещались. С усилением территориальных княжеств императорская власть теряла силу и авторитет, все реже оказывалась в состоянии поддерживать хотя бы относительный порядок в стране. Такая ситуация привела в XV в. не только к появлению утопических программ имперской реформы, но и к некоторым конкретным мероприятиям, формально направленным на поддержание "мира и права".

Одним из таких мероприятий было создание по мандату императора Фридриха III от 26 июня 1487 г. Швабского Союза, назначением которого должна была стать охрана "земского мира" в юго-западном регионе германских земель. Ядром Союза стали швабские города и рыцарское общество св.Георга, в которое входили главным образом вюртембергские дворяне. Вскоре к ним присоединились некоторые князья; император также являлся членом Союза на правах, однако, территориального князя. Так, Карл V вступил в 1522 г. в Союз как эрцгерцог Австрии (33, т. 2, с. 288). Города и рыцари ревниво оберегали свое независимое положение, и "союзное устройство" (Bundverfassung) содержало ряд ограничений, не позволяющих князьям, а в равной степени и императору, полностью захватить в свои руки руководство этим политическим образованием (14, с. 33; 19, с. 203-204). Влияние Габсбургов в Союзе знало свои взлеты и падения. Не останавливаясь на этом специально, все же заметим, что сам факт создания Союза можно истолковать и как стремление императорской власти к поиску согласия с теми общественными слоями, которые в других странах Западной Европы стали действительной опорой королевской власти. В последней четверти XV в. формировалась княжеская "партия реформы" во главе с курфюрстом Бертольдом Майнцким (графом Геннебергом), стремившаяся придать Империи наиболее приемлемую для княжеского мелководерствия форму фе-

дерации с чисто номинальной властью императора. Кульминацией в этой борьбе явился весь комплекс компромиссных решений Вормского рейхстага 1485 г.

В центре решений этого рейхстага - изданное в форме мандата императора постановление о "вечном земском мире" (33, т. 2, с. 281-284). Особое постановление было посвящено механизму поддержания "мира и права" (33, т. 2, с. 291-294). В нем предусматривалось превращение рейхстага в регулярно (ежегодно) созываемый орган, который принимал бы меры против нарушителей "земского мира". В качестве таких мер устанавливалась опала и оказание помощи от имени Империи жертве нападения. Рейхстаг вводил всеобщий налог - "общий пфенниг" - сроком на четыре года. Размер налога был незначителен: с лиц, чье состояние не превышало 500 гульденов, - 1/24 гульдена; с состояния от 500 до 1 тыс. гульденов - 0,1 % от его размера. С состояния свыше 1 тыс. гульденов взималось более 1 гульдена, но размер налога не фиксировался и передавался на усмотрение самого налогоплательщика (33, т. 2, с. 294-296). На средства "общего пфеннига" должен был существовать орган, обозначенный в мандате императора как "нашей Священной империи Палатный суд" (33, т. 2, с. 284-291). В составе суда ясно отразился компромисс-между императором и князьями: судью назначал император, заседатели избирались от Империи. Выборы последних на заседаниях рейхстага сопровождались даже некоторым ажиотажем: на 16 мест заседателей было выдвинуто 243 кандидата (30, с. 25-33), поскольку каждый князь, вероятно, стремился иметь в числе этих заседателей "своих людей". Суд должен был разбирать конфликты между имперскими чинами, и цель, которую преследовала его учреждением княжеская оппозиция, достаточно прозрачна: освободиться от императорской юрисдикции. Надежды, возлагаемые оппозицией на новый суд, в полной мере не оправдались. Существовавший на нерегулярно поступавшие средства от "общего пфеннига", этот орган влачил жалкое существование, часто прерывая работу по причине безденежья, и большим авторитетом в обществе не пользовался (30, с. 69-79).

Карл V во время заседаний Вормского рейхстага 1521 г. подписал новый устав суда, отличавшийся от прежнего лишь увеличением числа заседателей до 18 (33, т. 2, с. 324-325). Роль и значение Имперского Палатного суда резко выросли в годы реформационного движения, когда в его компетенции оказалось множество дел, связанных с секуляризованными церковными имуществами. Католический по составу суд начал настоящую "правовую войну" с протестантами. В 1534 г. последние заявили о рекузации (отводе) членов Палатного суда, обвинив его в "партийной пристрастности" (28, с. 53-55). Особого эффекта этот демарш не произвел, и процессы по религиозным

делам продолжались до Аугсбургского рейхстага 1555 г. Здесь следует отметить, что "правовая война" католиков с протестантами имеет довольно сложную историю, которая связана с таким явлением, как рецепция римского права, и является темой самостоятельного исследования. Формально-организационной стороне деятельности Палатного суда посвящена уже частично устаревшая книга Р.Сменда (см.: 30). Кроме нее, можно указать лишь тенденциозную работу протестанта Г.Бромера, монографии Г.Бука и Э.Фабиана о тяжбах имперского города Констанца с местным архиепископом (см.: 15-17).

Решение Вормского рейхстага 1495 г. о поддержании "земского мира" с помощью ежегодно заседающего рейхстага осталось невыполненным по причине плохой явки "имперских чинов" на имперские собрания. На Аугсбургском рейхстаге 1500 г., уступая давлению князей, Максимилиан I (уступчивым его сделал поражение от швейцарцев) согласился с учреждением Имперского Управления - представительства, состоявшего из 21 избираемого "Империей" регента под председательством самого императора (33, т. 2, с. 297-307). Имперское Управление, мыслимое князьями как орган, обладающий правами рейхстага в периоды между его сессиями (27, с. 20-22), оказалось учреждением нежизнеспособным, чему в немалой степени способствовал саботаж его императором. Уже в 1501 г. Имперское Управление прекратило свое существование, попытки его восстановления в 1502, 1505, 1512 гг. ограничились разговорами (27, с. 81). На Вормском рейхстаге 1521 г. Карл V восстановил Имперское Управление, внешне сохранявшее облик прежнего (с той разницей, что его председателем теперь становился назначаемый императором штатгальтер) (17, т. 2, с. 222-223). По существу же это было новое учреждение и с иной, чем у его предшественника, компетенцией. Орган, созданный при Максимилиане I, являлся орудием княжеской оппозиции и был предназначен для того, чтобы еще более ограничить власть императора. Имперское Управление Карла V получило к своему названию эпитет "Императорское" и теперь превращалось в подотчетный императору орган, функционирующий только во время отсутствия Карла V в Германии. С изменением названия князья согласились весьма неохотно и поставили условием, чтобы члены Управления присягали не только императору, но и "Империи", т. е. имперским чинам рейхстага (18, т. 2, с. 216-217).

Карл V отсутствовал в Германии почти целое десятилетие (с 1521 по 1530 гг.). Все эти годы "Императорское Имперское Управление", возглавляемое сначала пфальцграфом Фридрихом Рейнским, затем братом императора Фердинандом, пыталось играть роль центрального органа власти. В деятельности этого Управления проявились, однако, те же слабости и недостатки, которые были присущи и работе рейхстага, а равным образом

государственной жизни германских земель вообще: неопределенность полномочий, недостаточность исполнительной компетенции, абсентизм "чинов", обязанных заседать в Управлении. Через шесть недель после начала деятельности Управления пфальцграф Фридрих писал: "Дело мне кажется плохим и долгим, до сих пор много праздновали и мало сделали полезного" (18, т. 3, с. 10). Одну из главных своих задач Имперское Управление видело в поддержании "земского мира". Рескриптом от 10 февраля 1522 г. завершалось начатое еще при Максимилиане деление имперских земель на округа (33, т. 2, с. 326-329). Всего было учреждено десять округов: Австрийский, Бургундский, Кур-Рейнский (четыре рейнских курфюршества), Верхне-Саксонский, Франконский, Баварский, Швабский, Рейнский (не входившие в курфюршества территории в бассейне Рейна), Вестфальский, Нижнесаксонский. Дворянство каждого округа брало на себя обязательство избрать хауптмана, на которого возлагалась бы обязанность заботиться о "мире и единстве", исполнять решения Императорского Управления и приговоры Палатного суда.

На позицию марксистских историков в понимании имперской реформы немалое влияние оказал негативный отзыв о ней, содержащийся в рабочих заметках К. Маркса. Реформа, по его словам, "создала это немецкое уродство (*dies deutschen Monstrum*); централизацию власти князей в централизованных частях Германии; вместе с этим паршивым княжеским суверенитетом создавалось специальное немецкое «подданство», которое делало крестьян и бюргеров одинаково «крепостными» государя; во внешних же отношениях перед границей Германия представляла жалкую фигуру - поэтому с той поры германская история это только развитие княжеской власти путем ограбления империи" (8, с. 97). Это - незаслуженно резкая оценка. Территориально большинство округов не замыкалось в границах отдельных княжеств, в перспективе округа могли послужить основой для нового областного деления Германии и встать над мелкокняжеским суверенитетом. Это не произошло не столько по причине пагубных изъятий в замысле реформы, сколько в результате действия неблагоприятных тенденций в политическом развитии Германии, приведших в конечном счете к крушению всех централизаторских начинаний Карла V.

Во внешней политике Имперское Управление столкнулось со сложной проблемой отражения турецкой агрессии. Необходимо было изыскать средства на ведение войны, и в решении этого вопроса Управление проявило определенную изобретательность, добившись от императора согласия на переориентацию "римской помощи". При этом необходимо принять во внимание, что в XVI в. армии использовались почти исключительно наемные. Соответственно и под "помощью" чаще всего подразумевались не реальные войска, а деньги, необходимые для их содержа-

ния. В упомянутом выше случае "помощь" - это обещанные Карлу V Вормским рейхстагом 1521 г. средства на военную экспедицию в Италию (с целью отвоевания Милана и коронации). По просьбе Имперского Управления Карл V отказался от использования этих средств по прямому назначению и разрешил их направить на организацию отпора турецкому султану (18, т. 3, с. 27, 51-52). Однако получить эти средства оказалось непросто - "имперские чины" не спешили раскрывать свои кошельки. Поэтому история с "римской помощью" имела продолжение.

На Нюрнбергский рейхстаг 1522 г. прибыло венгерское посольство с просьбой о помощи (18, т. 3, с. 76-77, 88-90, 91-92). Рейхстаг, однако, решил оказать поддержку венграм лишь в размере "половины четверти" "римской помощи", т.е. 3 тыс. пехотинцев сроком на три месяца (18, т. 3, с. 176-177). В дальнейшем Имперское Управление показало неспособность организовать действенный отпор турецкому нашествию, а переговоры о помощи Венгрии оказались бесплодными. Только в 1529 г., когда турки вторглись в пределы германских земель, армия была, наконец-то, создана. Имперская армия вступила в Вену в начале третьей декады сентября, всего за несколько дней до начала осады города турецкой армией (31, с. 40-41). 26 сентября турецкая армия достигла предместьев Вены, но преодолеть сопротивление мужественно сражавшегося гарнизона не смогла; 14 октября турки вынуждены были снять осаду. Мир, однако, не был заключен, и в 1532 г. армия Сулеймана выступила в новый поход против германских земель. В августе этого же года Карл V устроил поблизости Вены смотр имперским войскам, насчитывавшим, по подсчетам немецкого историка В.Штеглиха, 87 тыс. пехоты и 24 тыс. конницы - из них 76 тыс. пехоты и 13 тыс. конницы было поставлено Карлом V и его братом Фердинандом (31, с. 48). Решительное сражение не состоялось по той причине, что Сулейман не отважился продолжить поход против более чем 100-тысячной имперской армии. В составе этой армии преобладали войска Карла и Фердинанда (из общей численности войска в 121 тыс. 89 тыс. приходилось на их долю и только 32 тыс. - на долю "имперских чинов"), т.е., как видим, большая часть тягот по отражению агрессии турок все же легла на наследственные владения Габсбургов, что, помимо прочего, объясняется географическим положением этих владений.

К сожалению, имеющиеся в распоряжении автора статьи источники содержат крайне скудную информацию о позиции имперских органов во время Крестьянской войны, что вынуждает ограничиться лишь некоторыми наблюдениями. Опубликованная переписка Карла V позволяет предположить, что император весьма равнодушно отнесся к событиям Крестьянской войны в Германии, считая, очевидно, усмирение "бунта" делом местных

властей. Только в одном письме Фердинанду (8 апреля 1526 г.) содержится указание о необходимости строгих мер к "секте Литера" (23, с. 380-381), откуда можно заключить, что Карл не видел различия между реформационными течениями. Сообщение о разгроме восставших крестьян император принял с полным удовлетворением, а известный своей жестокостью командующий войсками Швабского Союза Георг фон Вальдбург (Трухзес) удостоился чести получить его личную благодарность (27, с. 582-583). По существу такое же, как и император, равнодушие к "крестьянскому вопросу" проявили и "имперские чины" рейхстага, вопреки настоятельной необходимости, так и не поставившие этот вопрос в повестку дня своих заседаний (28, с. 225 след.). В отличие от брата эрцгерцог Фердинанд принимал активное участие в подавлении народного движения во время Крестьянской войны, но действовал главным образом как территориальный князь, уделяя особое внимание событиям в Тироле. Находясь на территории германских земель, Фердинанд острее императора ощущал масштабность событий и пытаясь привлечь к ним внимание брата (22, с. 690-692). Но, вероятно, следует признать справедливой распространенную в научной литературе точку зрения, связывающую поражение крестьянского восстания прежде всего с деятельностью территориальных князей и Швабского Союза, а не императора и имперских властей (20, с. 297).

Завершая рассмотрение темы, необходимо подчеркнуть, что даже беглый обзор структуры и компетенции институтов центральной власти Германской империи дает основание для вывода об их малой дееспособности. С другой стороны, нельзя не отметить пусть непоследовательных, но вполне отчетливо выраженных попыток имперских органов власти укрепить свое центральное положение. Эта тенденция соответствовала устремлениям, с политической точки зрения, наиболее дальновидных деятелей Реформации, видевших будущее Германии в едином государстве. Парадоксом и драмой эпохи Реформации явился тот факт, что ни одна из этих сил, действовавших на исторической арене, не пошла навстречу другой, чтобы солидарными действиями обеспечить успех преобразованиям государства и общества. Убедительным примером такого хода исторических событий может служить деятельность радикальной бюргерской оппозиции во Франконии и авторов так называемой "Гейльбронской программы" (см.: 3, с. 140-183), требования которой хотя бы отчасти совпадали с попытками политических реформ Карла V. Однако в то конфессиональное время политический интерес далеко не всегда диктовал политическую позицию. Идеинные, мировоззренческие расхождения могли развести равнонаправленные политические силы по разные стороны баррикад - что и произошло, на наш взгляд, в Германии эпохи Реформации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцов М.А. Документы по истории политической борьбы на имперских собраниях (рейхстагах) в Германии в конце XIV в. // СВ. 1988. Вып. 49.
2. Бойцов М.А. Центральная власть и региональные политические собрания в Германии во второй половине XIV в. // Проблемы германской истории. Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
3. Ермодаев В.А. Гейльброннская программа. Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1988.
4. Коган М.А. Феодальный строй в Германии в XII-XV вв. // Очерки истории Германии с древнейших времен до революции 1918 г. М., 1959.
5. Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство (VI-XV вв.). М., 1987.
6. Колесницкий Н.Ф. "Священная Римская империя": притязания и действительность, М., 1977.
7. Колесницкий Н.Ф. Политическая борьба в германских землях в XIII-XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.
8. Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VII.
9. Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984.
10. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
11. Смирин М.М. Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
12. Angermeyer H. Königtum und Landfriede im deutschen Spätmittelalter. München, 1986.
13. Aulinger R. Das Bild des Reichstags im 16. Jahrhundert. Göttingen, 1980.
14. Book E. Der Schwäbische Bund und seine Verfassung (1488-1534). Breslau, 1927.
15. Brohmer H. Die Einwirkungen der Reformation auf die Organisation und Besetzung des Reichskammergericht. Heidelberg, 1932.
16. Buok H. Die Anfänge der Konstanzer Reformationsprozesse. -übingen. 1964.
17. Buok H., Fabian E. Konstanzer Reformationsgeschichte in ihren Grundzügen. Tübingen, 1965.
18. Deutsche Reichstagsakten. Bd. 1-3. Jüngere Reiche. Göttingen, 1962-1983.
19. Ernst F. Eberhard im Bart. Stuttgart, 1933.

20. Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 10. Aufl. Darmstadt, 1975.
21. Heidrich P. Karl V und die deutschen Protestanten am Vorabend des Schmalkaldischen Krieges. Frankfurt a. M., 1911-1912. T. 1-2.
22. Die Korrespondenz des Kaisers Karl V / Bearb. von W.Bauer. Wien, 1912..
23. Lutz K. Correspondenz des Kaisers Karl V. Frankfurt a. M., 1966. Bd. 1.
24. Lutz H. Reformakten und Gegenreformation. München; Wien, 1972.
25. Laube A. Die Herausbildung von Elementen einer Handels- und Manufakturbourgeoisie und deren Rolle in der deutschen Frühbürgerlichen Revolution // JBGF. 1977. Bd. 1.
26. Meyer M. Die Haltung der Vertreter der Freien und Reichstädte auf den Reichstagen von 1521 bis 1526 // JRGF. 1981. Bd. 5.
27. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsrg. von G.Franz. München, 1983.
28. Romisch W. Das Reichsregiment. München, 1970.
29. Die Schmalkaldischen Bundesabschiede 1533-1536 / Hrsrg. von E.Fabian. Tübingen, 1958.
30. Saend R. Das Reichskammergericht. Weimar, 1911.
31. Steglich W. Die Reichsturkenhilfe in der Zeit Karl V // Mittelaltergeschichtliche Mitteilungen. Karlsruhe, 1972. Nr. 1(11).
32. Urkunden zur Geschichte der schwäbischen Bundes (1488-1533) / Hrsrg. von K.Klupfel. Stuttgart, 1853.
33. Zeumer K. Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung im Mittelalter und Neuzeit. Tübingen, 1913. Bd. 1-2.

ГЕЙЛЬБРОНСКАЯ ПРОГРАММА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Реформация и Крестьянская война поставили в повестку дня вопрос о преобразовании феодальных институтов средневековой Германской империи. Одним из таких проектов широких общественных преобразований явилась так называемая Гейльбронская программа. Такое условное название она получила, поскольку была составлена во время Крестьянской войны во Франконии в кружке представителей бюргерской оппозиции, избранной своим центром город Гейльброн. Эта программа давно уже привлекала к себе внимание русских историков, которое не ослабевает до сих пор. Приступая к рассмотрению вопроса об отражении этого документа Крестьянской войны в отечественной историографии, следует принять во внимание то, что, как отмечал Ю. К. Некрасов, "Гейльбронская программа не успела стать программным документом в собственном смысле слова: революция потерпела поражение раньше, чем собрался парламент", на котором ее следовало обсудить и принять (13, с. 28). Необходимо также иметь в виду не только текст самого проекта (подлинник которого к тому же не сохранился, и содержание программы дошло до нас в изложении хрониста Лоренца Фриса), но и сопутствующие ему документы ("Объяснение 12 статей", "Дополнения", "Статьи Вейганда", "Инструкция Гиплера" и другие источники), так как только комплексное их изучение может приблизить исследователя к истине. Следует также отметить, что трактовку русскими либеральными медиэвистами истории Реформации и Крестьянской войны на примере трудов Н. М. Петрова и В. В. Гауэра рассматривал советский историк Б. Г. Вебер (см.: 4, с. 89-145), не затрагивая, однако, специально вопроса об их отношении к Гейльбронской программе. Все это подчеркивает научную актуальность обращения к историографическому сюжету названной выше темы.

Интерес к истории Реформации и Крестьянской войны в Германии русские медиэвисты стали проявлять еще с середины прошлого века и в дальнейшем этот интерес в значительной мере обуславливался положением, сложившимся в пореформенной России, и определялся поисками позитивных ответов на злободневные вопросы современной им действительности. Представители русской либеральной медиэвистики признавали неизбежность и необходимость реформ в России, но были убеждены в преимуществе мирного, эволюционного пути развития перед революционным с его разрушительными, с их точки зрения, последствиями. Под таким углом зрения историки этого направления рассматривали прошлое, в том числе Реформацию с

Крестьянской войной, в целом и Гейльбронскую программу в частности.

У истоков русской медиевистики стоял либерал-западник Т. Н. Грановский. В курсе лекций по истории западноевропейского средневековья он касался характеристики Гейльбронской программы, не отделяя, правда, эту программу от 12 статей швабских крестьян. Историк в то же время придавал большое значение религиозным и социально-политическим требованиям авторов Гейльбронской программы - реформе церкви, секуляризации ее земельных владений, преобразованиям в области судебного устройства, отмене феодальных повинностей. Что касается последнего требования, то Грановский явно преувеличивал радикализм составителей программы, которые, как известно, не предусматривали полного упразднения всех феодальных повинностей, но намерены были их реформировать и приспособить к новым условиям. Не связывая возникновение программы непосредственно с деятельностью радикального бюргерства, он все же признавал, что "города, где гражданство не было богато и сильно, подали крестьянам руку помощи" (5, с. 329). Сама же программа получила у него высокую оценку как "самая полная попытка реформации, которая была до Французской революции" (5, с. 328). Сочувствие к революционному движению крестьян и бюргеров в какой-то мере даже сблизало либерала Грановского с революционными демократами.

Другой представитель либеральной школы в русской медиевистике - М. М. Петров. Он рассматривает движение крестьян как революционное, а Реформацию - как "реформу, готовую перейти в революцию" (18, с. 432). Весьма сдержанно оценивая деятельность авторов Гейльбронской программы, историк относит Гиплера и Вейганда к "вождам умеренного направления" в общественном движении (18, с. 457), хотя и признает, что они стремились "организовать восстание правильным образом и укрепить его силы, притянув к нему рыцарство и города против общих врагов". Перечислив далее основные требования программы, Петров делает вызывающий сомнения вывод, что в случае реализации Гейльбронской программы "привилегированные классы не будут уже угнетать народ, а будут любить и защищать его". Он же ошибочно полагает, что программа была "эфемерным крестьянским проектом" (18, с. 458). В то же время Петров вполне правомерно указывает на незавершенность самой программы.

Интересную оценку проекта реформ дает представитель того же направления в русской исторической науке В. В. Бауэр. Он весьма ласково отзывался о Гиплере как об "одном из самых влиятельных членов вюрцбургского совета", проявившим во время подготовки съезда в Гейльбронне представителей крестьянских отрядов "толковость, практичность и целесообразность" (3, с. 308). Но саму Гейльбронскую программу Бауэр

считает "почти дословным повторением т.н. реформации Фридриха III". Он сомневается в том, что у Гиплера было время составить проект программы в Гейльбронне в мае 1525 г. и в то же время признает, что позднее в программу вносились различные "прибавления", получавшие "все более радикальный оттенок" (3, с. 338). Заимствование авторами Гейльбронской программы ряда положений политического памфлета конца XV в. "Реформация императора Фридриха III" - неоспоримый факт, убедительно доказанный советским историком В.А.Ермолаевым. Однако в то же время программа отнюдь не является "плагиатом" этого памфлета. Во-первых, сам Бауэр признает, что ее статьи в процессе работы над нею становились все более радикальными. Во-вторых, как полагает Ермолаев, в программу мог вносить дополнения Вейгандт, а не Гиплер, у которого и на самом деле не было для этого времени; первый из них не принимал непосредственного участия в крестьянском движении, а стиль самой программы близок стилю писем именно Вейгандта (см.: 8, с. 136-137). И, наконец, в-третьих, говоря о Гейльбронской программе, необходимо принять во внимание упомянутые выше сопутствующие ей документы.

Более обстоятельный и точный анализ программы дает Н.И.Кареев. Он излагает краткий конспект программы - 14 лаконично сформулированных тезисов, каждый из которых выражал одно из главных ее требований. Так же, как и Т.Н.Грановский, Кареев высоко оценивал этот документ как "одну из наиболее значительных программ" (9, с. 95). В труде Кареева содержится характеристика прежде всего политических требований проекта. Историк рассматривает программу как "широкую политическую реформу", а деятельность Гиплера как удачную попытку "из разных общественных элементов составить нечто вроде клуба, где были сосредоточены все нити заговора" (9, с. 100), и "лишить отдельные, восставшие односторонней сословной окраски" (9, с. 75). В то же время, говоря о степени реализма программы, Кареев приходит к отрицательному выводу, обосновывая его тем, что в Германии не было двух важных условий для ее претворения в жизнь: сочувствия со стороны императора и солидарности между разнообразными политическими силами (9, с. 102). Ученый анализирует программный документ вместе с "объяснениями" и "дополнениями", что делает его оценки более взвешенными. Он же квалифицирует проект программы как более умеренный по сравнению с "12 статьями" (8, с. 97), что вполне соответствует истине. Необходимо также отметить, что будучи представителем социально-экономического направления в русской историографии и одним из его лидеров, Кареев испытал в определенной мере влияние марксистской методологии истории, но марксизма в целом не принял.

Таким образом, представители русской либеральной medie

вистики были пионерами отечественной историографии в изучении Гейльбронской программы, а некоторые их выводы сохраняют научную значимость и сегодня. В первую очередь это относится к оценке политической стороны проекта программы. Что же касается ее экономического содержания, то оно в их трудах отражено слабее. Подчеркивая общесловесный характер программы, русские медиависты не связывали ее, однако, с деятельностью радикально-бюргерской оппозиции. Произошло это не только потому, что им был чужд классовый подход к анализу исторических явлений, но и объяснялось неразработанностью в науке самой проблемы. И все же их труды дали импульс изучения данной проблемы в советское время. Как заметил Б.Г.Могильницкий, истина вырабатывается совместными усилиями многих поколений ученых, и "каждое из них добывает свою частичку абсолютного знания, а историографическая практика последующих поколений развивает далее эти знания" (11, с. 108; ср.: 10, с. 197 след., 214 след., 400-407).

После 1917 г. Гейльбронская программа неоднократно привлекала внимание исследователей. К ее анализу обращались многие советские историки. Однако в понимании упомянутых выше документов они обнаруживали серьезные расхождения во мнениях. Для того чтобы более точно установить характер разногласий советских историков в трактовке программы бюргерской оппозиции в Гейльбронне, логично рассмотреть отдельно экономические и политические требования программы, вопрос о возможности реализации ее требований, отношение авторов документов к сословиям и классам феодального общества Германской империи (особенно к дворянству и крестьянству).

Гейльбронская программа, как известно, выдвигает такие требования, как установление единства мер, весов и монеты, свобода торговли, ликвидация торговых компаний или ограничение их учредительного капитала, преобразование в промышленной производстве и оказание помощи беднякам. Как отечественная историография советского периода оценивала эти программные требования?

П.П.Щеголев рассматривал такие требования как "программу подлинного экономического объединения Германии" (27, с. 113). М.М.Смирин пишет об этих требованиях (21, с. 237), особенно не заостряя внимания на их содержании. В.Г.Павленко, напротив, подробно анализирует экономические требования Гейльбронской программы и отмечая их прогрессивный характер, делает вывод, что ее требования вполне возможно было осуществить в условиях феодального строя, а их реализация содействовала бы развитию производительных сил в стране и ускоренному формированию капиталистических производственных отношений и нового класса буржуазии (15, с. 26-27). В.А.Ермолаев видит в экономических требованиях программы "стремление к экономической централизации и освобождению

страны от феодальных пут" (8, с. 182). Со всеми этими оценками нельзя не согласиться. Действительно, авторы программы выдвинули проект целого комплекса экономических реформ, реализация которых способствовала бы росту буржуазных отношений. Экономические требования программы, разработанные с достаточной обстоятельностью, заслуживают более внимательного рассмотрения.

Прежде всего, на что обратил внимание еще Ф.Энгельс (28, с. 413), проект программы требовал, чтобы в Империи была установлена "одна мера, один локоть, один вес, одна длина сукна, бумажен и других товаров", а также, чтобы "вся золотая и серебряная монета" была "перечеканена и приведена к одному зерну и весу". Необходимость монетарной реформы ее авторы обосновывали тем, что "появилось много новых господ, чеканящих свою монету" в ущерб государству и всем "простым людям" (8, с. 208). Большой интерес представляют также и положения, касающиеся торговли. Проект программы требует, чтобы "купцам было безопасное передвижение и чтобы на продажу любого товара был установлен порядок, которого и держались бы при торговле" (8, с. 202). С введением "нового порядка в торговле" связан пункт, требующий "уничтожить все существующие таможенные пошлины, проводные поборы, налог с вина и пива, надбавки, налоги и отягощения". В то же время проект программы сохраняет "пошлины, необходимые для общественных нужд - (содержания) мостов, дорог, путей". Для успешного развития торговли необходима, по их же мнению, полная свобода передвижения по всей территории государства. Поэтому авторы проекта программы настаивают на том, чтобы "все дороги в землях немецкой нации содержались свободно и без принуждения, без насилий и проводных поборов" (8, с. 205-208). Вместе с тем отметим, что среди экономических требований программы одно вызвало наиболее противоречивые оценки историков. Речь идет о ликвидации крупных купеческих компаний типа фуггеров и ограничении учредительного капитала любой компании 10-ю тыс. гульденов.

М.М.Смирин обращает внимание на тот факт, что деятельность фуггеров (и им подобных) была направлена против интересов мелких и средних предпринимателей. Он же указывает на связь крупных фирм с феодальными привилегиями (25, с. 175). П.П.Щеголев называет это требование программы "общим местом" и в публицистических произведениях Лютера и Гуттена. Программа, по его мнению, имела целью "подорвать существующие, сложившиеся монопольные компании ... и сделать невозможным возникновение впредь ростовщических компаний" (27, с. 113). В.Г.Павленко считает, что реализация данного требования на практике означала бы превращение торговли в занятие, доступное каждому свободному члену общества, и открывала бы путь для внедрения в экономику наиболее прогрессив-

ных форм ее организации (15, с. 21). Принципиально иной точки зрения придерживается А.Д.Эпштейн, который полагает, что такое требование было реакционным, поскольку реальные запросы производительных сил невозможно было втиснуть в придуманный априори финансовый лимит. Эпштейн квалифицирует данное положение программы как мелкобуржуазский луддизм. В качестве аргумента он приводит стоимость гидropодъемника на горных промыслах Тироля (15 тыс. гульденов) - сумму, превышающую максимальный размер учредительного капитала, который авторы проекта программы допускали при основании любой компании (30, с. 85-86). Точка зрения Эпштейна вызвала возражения со стороны Ю.К.Некрасова, который утверждает, что составители проекта отнюдь не руководствовались мотивами защиты средневекового буржуазства. По его мнению, в этом требовании можно видеть стремление капиталистических и прокaпиталистических элементов оградить свои интересы от непомерных притязаний компаний-монополистов. Некрасов отмечает такие негативные стороны деятельности последних, как изъятие капитала из производственной сферы, свертывание торговли и инвестиции освободившихся средств в землевладение. Он же приводит факты, свидетельствующие о хищнической разработке компаниями-монополистами горных богатств (12, с. 181-182; 12, с. 47-48). Несогласие с Эпштейном высказывает и Н.В.Савина. Она солидарна с историками ГДР (А.Лаубе и др.), утверждавшими, что "монополисты" (фуггеры и др.) использовали для достижения доминирующего положения на рынке феодальные привилегии, препятствуя тем самым естественному росту буржуазных сил. Такие монополии Савина называет искусственными, основанными на полученных от феодальных властителей привилегиях. Она же полагает, что деятельность компаний способствовала как аккумуляции денежных средств, так и экспроприации непосредственных производителей, т.е. созданию условий, необходимых для развития капиталистических отношений. Но она же констатирует, что "в экономической сфере деятельность компаний заключалась не только в развитии раннекапиталистического производства, но и в консервации феодальных отношений" (20, с. 199, 224, 228). Несколько отличную от Некрасова и Савиной позицию занимает В.А.Ермолаев. Последний не отрицает, что действия крупных купеческих компаний могли способствовать капиталистическому развитию (например, системы кредита). Оценивая, однако, программу, ученый приходит к выводу, что требование ее авторов об ограничении учредительного капитала можно было реализовать только в аграрных областях Империи (Франконии и др.), но это же требование нельзя было осуществить на практике на территориях с более высоким уровнем экономического развития, особенно в горнорудных районах, где в производство инвестировались большие денежные средства (8,

с. 180-181).

Точка зрения В.Г.Павленко, Ю.К.Некрасова, Н.В.Савиной и В.А.Ермолаева автору настоящей статьи с научной точки зрения представляется более обоснованной, чем А.Д.Эпштейна. Дело в том, что факты, которые приводит Эпштейн, характерны прежде всего для условий горнодобывающей промышленности Тироля и являются все же исключением, а не правилом. В обстановке раннего капитализма ограничение учредительного капитала компаний 10-ю тыс. гульденов скорее было направлено на борьбу с монополиями, чем на ограничение предпринимательства. Введение такого ограничения в условиях XVI в. должно было способствовать конкуренции, вовлечению в экономический процесс средних и мелких предпринимателей и, следовательно, росту всех производительных сил общества.

Экономические требования программы тесным образом связаны с требованиями социально-политического характера. Одно из них - реформа церкви. Еще Ф.Энгельс отмечал, что "средневековые бюргеры требовали прежде всего <<дешевой церкви>>" (28, с. 361). П.П.Щеголев полагал, что в программе планировалось "всестороннее проведение евангелической, т.е. лютеранской реформации" (27, с. 112). М.М.Смирин обратил внимание на то, что программа требовала секуляризации церковных имений и лишения духовенства светской власти (23, с. 178). В другом месте он пишет, что "§ 5 проекта требовал, чтобы духовенство было полностью лишено власти в светских делах" (21, с. 236). "Антиклерикальную направленность, которая являлась отражением общечародных интересов", видит в программе В.А.Ермолаев. По его мнению, авторы программы намеревались полностью ликвидировать политическую власть и влияние духовенства (8, с. 159, 160). В.Г.Павленко, обращаясь к этой теме, отмечает: требования программы выражали стремление участников общественного движения к сокращению численности католического клира и упрощению церковной иерархии, что отвечало интересам в первую очередь бюргерства. Павленко утверждает, что в Гейльбронской программе отразилось недовольство народа католической церковью и требование ее преобразования было сформулировано в духе "демократических и прогрессивных идей того времени" (15, с. 30-31).

И все же центральное место в проекте программы бюргерской оппозиции в Гейльбронне занимали требования, направленные на преодоление княжеского мелкочерождения и создание централизованного государства. В этой связи П.П.Щеголев обращает внимание на тот факт, что Гейльбронская программа требовала "обеспечения императорского мира и императорской свободы" (27, с. 113). М.М.Смирин отмечает, что, согласно этой программе, все власти подчинялись императору, а князья превращались в должностных лиц Империи (20, с. 181). При-

чем, по его мнению, централизация в тех условиях могла мыслиться только в перспективе буржуазного развития (22, с. 16). По мнению В.А.Ермолаева, "стремление к преодолению феодальной раздробленности пронизывает всю программу", а "ленные отношения отступают на второй план по сравнению со службой императору". Он рассматривает реализацию данного требования как "первый шаг к созданию абсолютистского государства в Германии" (8, с. 149, 151, 152). В.Г.Павленко также видит в Гейльбронской программе попытку реализации идеи государственного единства и централизации, хотя и делает оговорку, что этот проект его авторы намерены были реализовать на фундаменте традиционного территориального деления Империи и старых органов управления в рамках монархии (15, с. 28). И на самом деле, в отличие от автора "Земского Устройства" Михаэля Гайсмейера и анонимного автора политического памфлета "Собранию простого крестьянства", склонных к установлению республиканского строя, гейльбронские реформаторы были монархистами. Централизованная монархия - их политический идеал. Правда, при этом необходимо иметь в виду, что в Священной Римской империи формально ее глава избирался коллегией курфюрстов, а это при условии расширения состава коллегии выборщиков и изменения функций государственной власти вело к возникновению реальных предпосылок к установлению республиканского политического режима. Программа между тем требовала, чтобы "все ленники честно и добросовестно служили единому римскому императору" (8, с. 202). В "Дополнениях" к проекту предусматривался созыв своего рода сословно-представительного, учреждения парламентского типа, которому следовало бы придать "12 человек от дворянства, 12 от имперских городов, 12 от простого народа и 7 христианских пастырей" (8, с. 216). Однако идея централизации, сформулированная в программе, отличалась известной противоречивостью и вместе с тем - ограниченностью. Во-первых, авторы программы предусматривали объединение в рамках Священной Римской империи, которая в то время уже была "скорее географическим понятием, чем политическим образованием" (13, с.54). В нее входили территории, на которых, кроме немцев и австрийцев, проживали итальянцы, голландцы, славяне и другие народы. У этих народов с развитием товарно-денежных отношений и зарождением капитализма протекал процесс формирования наций и проявлялась тенденция к отделению от средневековой Империи. Поэтому более реальным вариантом было образование немецко-австрийского государства. Во-вторых, в программе ничего не говорится об упразднении старого административного устройства Империи. И все же прогрессивность и актуальность самого требования централизации не вызывает сомнения.

Значительное внимание в проекте уделено преобразованию

всей системы судопроизводства и права. М.М.Смирин подчеркивает, что программой создавалось общеимперское законодательство и выборный суд на основе сословного представительства, в котором, однако, большинство мест принадлежало бы бюргерству (21, с. 236). В.А.Ермолаев считает, что, "предлагаемая программой реформа судопроизводства не только ликвидирует сословные суды, но и демократизирует состав судов" (8, с. 167). По мнению В.Г.Павленко, преобразования в законодательстве были направлены на утверждение принципов светского права, нового судопроизводства, основанного на социальном сотрудничестве дворянства и бюргерства (15, с. 30). Таким образом, советские историки были вполне едины в оценках реформы суда и права, отмечая не только ее прогрессивный характер, но и тот факт, что эта реформа отражала интересы широких слоев населения (бюргерства, крестьянства, низшего дворянства) и в случае ее реализации способствовала бы буржуазному развитию страны.

Оценки советскими историками отношения составителей Гейльбронской программы к крестьянству отличаются очевидной неоднозначностью. Еще Ф.Энгельс утверждал, что поскольку в этой программе "крестьянские требования были сведены к проекту имперской реформы, они неизбежно оказались подчиненными если не текущим требованиям бюргеров, то их конечным интересам" (28, с.411). Точка зрения Энгельса оказала сильное влияние на историков-марксистов. Признавая, что программа отвечала интересам бюргерства, П.П.Шеголев обращает вместе с тем внимание на то, что она "полностью обходит аграрный вопрос" (27, с.112). М.М.Смирин пишет, что в условиях бурного революционного движения в Германии Гейльбронская программа могла стать только отрицательным фактором, так как она, по его мнению, сковывала революционную инициативу крестьян, чьи интересы по существу игнорировались (23, с. 176), поскольку требования отмены крепостного права и посмертного побора, предоставления крестьянам свободы охоты и рыбной ловли вошли в "Дополнения" к программе, а не в ее основной текст (21, с. 237). Он же полагает, что авторы программы хотели провести буржуазные преобразования не в союзе с крестьянством, а на основе сближения бюргерства с рыцарством и приспособления к интересам этого дворянско-бюргерского союза интересов крестьянства (24, с. 452). В.А.Ермолаев сначала акцентировал внимание на колебаниях позиции бюргеров между рыцарством и крестьянством, а также на предательстве бюргерами своего союзника - крестьянства (7, с. 137-138). Однако более основательно изучив источники, он пересмотрел свою точку зрения и признал, что "коренные преобразования в тогдашней Германии были возможны лишь в результате совместных действий всех оппозиционных сословий", т.е. крестьянства, бюргерства и низшего дворянства

(8, с. 35). По мнению Ермолаева, преобразования намечались "в основном в интересах бюргерства и крестьянства", хотя для авторов программы, как он полагает, "крестьянские требования стояли на втором плане" (8, с. 125, 200). В.Г.Павленко считает, что меры, предложенные в программе, могли способствовать лишь улучшению крестьянского землепользования в рамках феодального способа производства. Претворение в жизнь этих требований, по его мысли, несколько ослабив феодальный гнет, все же не ликвидировало бы полностью феодальных повинностей в деревне и потому не могло обеспечить удовлетворения коренных интересов крестьянства. Задачу же ликвидации феодальной собственности на землю не могли в то время поставить в повестку дня ни крайне отсталые и несознательные слои крестьянства, ни радикально-бюргерские элементы (15, с. 24-25). И, наконец, А.Б.Адо полагает, что программа "определенно шла на некоторые уступки крестьянам, соглашаясь с оговорками на отмену крепостного состояния, на свободу охоты и рыбной ловли, на отмену малой десятины" (1, с. 470).

Итак, обращение как к историографии вопроса, так и к текстам самой Гейльбронской программы и связанных с нею документов позволяет сказать, что вывод историков-марксистов о предательстве радикально-бюргерской оппозицией своего естественного союзника или "забвении" ею интересов последнего не соответствует действительному положению вещей. Дело не только в том, что гейльбронские радикалы согласны были удовлетворить крестьянские требования, сформулированные в "12 статьях" швабских крестьян, но и в том, что они вполне сознавали: только союз бюргерской оппозиции с восставшими крестьянами может привести общественное движение к успеху.

С большой остротой для деятелей радикальной бюргерской оппозиции и авторов Гейльбронской программы встал вопрос об отношении к дворянству. Ф.Энгельс писал, что "дворянству были сделаны уступки, весьма приближающиеся к современному выкупам и ведущие в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную" (28, с. 413-414). Вывод Энгельса о "современных выкупах" вряд ли можно признать бесспорным, относительно эволюции земельной собственности - в достаточной мере правомерным и получившим подтверждение в историографической практике. П.П.Щеголев утверждает: бюргерство не понимало, что, идя на уступки дворянам, оно разрушало боевую силу крестьянских ополчений (27, с. 113). М.М.Смирин полагает, что авторы программы старались сделать ее выгодной и привлекательной для рыцарства, в интересах которого сохранялся сословный строй и проводилась секуляризация церковных имений (21, с. 237). Более того, по его мнению, они же "стремились сочетать интересы буржуазного развития с интересами оппозиционного дворянства в большей

мере, чем с интересами крестьянства" (22, с. 16). В.А.Ермолаев пишет, что к оппозиционным прогрессивным силам относилось и низшее дворянство, но, по его словам, из этого условия "только отдельные лица примкнули к восстанию, видя в крестьянской революции единственную возможность вывести Германию из бедственного положения" (8, с. 35, 100).

И, наконец, имеет смысл рассмотреть такие "узловые" вопросы, как о характере Гейльбронской программы и возможности ее претворения в жизнь в исторических условиях Германии XVI в.

Первый вопрос вызвал серьезные разногласия среди советских историков. М.М.Смирин уверен в "умеренном характере программы" (23, с. 176). В.А.Ермолаев, сначала также считавший программу "умеренной" (7, с. 138), впоследствии изменил это мнение и пришел к выводу, что она была для своего времени достаточно радикальным документом (8, с. 140 след.). Такую же оценку программе дает и В.Г.Павленко, поскольку, по его наблюдениям, программа была выдвинута радикальными кругами бюргерства (15, с. 33). На историческое значение Гейльбронской программы и ее органическую связь с событиями ранней буржуазной революции указывает Ю.К.Некрасов. Сравнивая эту программу с политическим памфлетом "Собрание простого крестьянства", увидевшим свет в разгар событий Крестьянской войны, он отмечает, что оба документа отражают интересы радикально-бюргерской оппозиции. "Различия между ними, — пишет он, — состояло в широте политического кругозора: Гиплер видел всю Германию, аноним — только Швабию" (14, с. 93). С.М.Стан рассматривает программу как "наиболее смелый проект буржуазного преобразования Германии" (26, с. 307). По убеждению В.И.Рутенбурга, проект программы свидетельствует о буржуазном характере немецкой революции XVI в. и является плодом революционного творчества немецкого народа (18, с. 72-73). Н.В.Савина оценивает требования Гейльбронской программы как выражений "интересов различных слоев бюргерства, в том числе мелких и средних торгово-предпринимательских элементов". Она же не сомневается в том, что реализация этих требований могла обеспечить более быстрое прогрессивное экономическое развитие страны (19, с. 222). Более сдержанную оценку программе дает М.А.Барг, который заявляет, что программа в недостаточной мере принимала во внимание уровень общественного сознания бюргерства, так как для ее авторов характерно очевидное пренебрежение интересами крестьянства, стремление использовать восставших крестьян только в собственных интересах, ничего не давая взамен (2, с. 180). Таким образом, в оценках советскими историками Гейльбронской программы существует значительный разбой во мнениях. Одни считают эту программу умеренным по содержанию документом, другие — радикальным. Советских историков вол-

новал вопрос и о мере социального эгоизма бюргерских реформаторов: действовали ли они исключительно в узкоклассовых интересах или имели в виду преобразование всей Германии и в том числе защиту интересов своего союзника - крестьянства. В то же время необходимо отметить, что среди советских историков все же преобладает точка зрения о буржуазном и прогрессивном характере проекта реформ радикально-бюргерской оппозиции в Гейльбронне.

Что же касается вопроса о степени реализма программы гейльбронских реформаторов и возможности претворения ее в жизнь, то здесь необходимо прежде всего обратиться к Энгельсу, отношение которого к Гейльбронской программе и ее авторам нельзя назвать однозначным. В "Крестьянской войне в Германии" (1850 г.) он, с одной стороны, отмечал, что из всех вождей движения Вендель Гиплер правильнее всего понимал существующее положение вещей и, как "представитель... средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию с о в р е м е н н о г о б у р ж у а з н о г о о б щ е с т в а"; с другой стороны, "выдвинутые им (Гиплером. - А.М.) требования не представляли собой чего-то непосредственно возможного" (28, с. 413). В "Заметках о Германии" (1873-1874 гг.) Энгельс следующим образом трактовал роль бюргерства в событиях ранней буржуазной революции: "Первыми восстали имперские рыцари, но покинутые бюргерами терпят полное поражение. За ними поднимаются крестьяне, но бюргеры прямо выступают против них" (29, с. 572). Эта двойственность в суждениях Энгельса в значительной мере обусловлена тем, что, по его убеждению, немецкое бюргерство и Гиплер в роли одного из лидеров общественного движения этого сословия не только оказались не в состоянии защитить интересы крестьян и всего народа, но и будто бы были чужды этим интересам. Такая позиция Энгельса в известной степени обусловлена и ролью, которую он и К.Маркс играли в классовой борьбе пролетариата уже в условиях машинной стадии капитализма, т.е. в принципиально отличной от XVI в. как экономической, так и социально-политической ситуации. Изложенное выше мнение одного из основоположников исторического материализма превратилось в своего рода "прокрустово ложе" для советских историков, строго следовавших рекомендациям Энгельса. Еще одна причина очевидной предвзятости выводов советских историков состояла в том, что их наблюдения в большей мере основывались на чувстве исторической интуиции и "классовом подходе", чем глубоко и всестороннем изучении источников. Положение существенным образом изменилось только с выходом в свет монографии В.А.Ермолаева, посвященной происхождению и содержанию Гейльбронской программы. обстоятельно исследовав историю ее появления, социально-экономическое положение и политическую

ситуацию в Германии, споры о судьбах Империи в публицистической литературе конца XV и начала XVI вв., он имел достаточно веские основания сформулировать вывод, что в то время "небольшая прослойка бюргерской интеллигенции" стремилась "преобразовать старую Германию в интересах своего сословия и в известной мере - всего народа, приняв активное участие в крестьянском восстании, чтобы с его помощью провести в жизнь свою программу. Эта программа, по его убеждению, впитала в себя наиболее настоятельные требования народа..." Ермолаев отвергает обвинения в адрес авторов программы в "нереалистичности" и "утопизме", так как они, по его словам, поставили в повестку дня "самые острые и наиболее важные вопросы своего времени" (8, с. 193-194, 199).

Подводя итоги, имеет смысл кратко рассмотреть вопрос о периодизации изучения в отечественной историографии Гейльбронской программы и вместе с нею в определенной мере и всей истории реформационного движения в Германии. Это позволит, по мнению автора этих строк, пролить дополнительный свет на поставленную в заглавии статьи проблему исследования.

На первом этапе русские либеральные историки (Т.Н. Грановский, М.М. Петров, В.В. Бауэр, Н.И. Кареев) рассматривали Гейльбронскую программу прежде всего с точки зрения эволюции государства и общества от несвободы к свободе, от деспотического правления к демократии, от произвола и "кулачного права" к правовому государству и гражданскому обществу, от крепостничества к суверенитету личности. В трудах этих историков отчетливо проявился прагматический подход к событиям далекого прошлого; в истории Реформации и Крестьянской войны в Германии они искали ответы на жгучие вопросы российской действительности. Развитие этого либерально-позитивистского направления в отечественной историографии насильственным образом было прервано большевистским переворотом 1917 г., установлением диктатуры пролетариата и монополией марксистско-ленинской идеологии.

На втором этапе (в 20-е гг.) в связи с 400-летним юбилеем Крестьянской войны, который отмечался в условиях становления марксистской историографии, произошел разрыв нового поколения русских историков с традициями отечественной либеральной историографии и восторжествовал классовый подход в анализе исторических процессов. Показательны в этом отношении труды К.И. Раткевич и А.К. Дживелегова. Книга первой, посвященная Крестьянской войне в Германии, представляет собой скорее популярное, чем строго научное, изложение событий, которые рассматриваются сквозь призму идеи о мировой коммунистической революции. На страницах этой книги "комму-

нистическая группа Мюнцера" противопоставлена "группе буржуазных политиков с Гиплером во главе". Автор книги видит в Гейльбронской программе "программу буржуазии, проведенную полностью в жизнь в странах Европы лишь в XIX веке". В XVI в., по мнению Раткевич, эта программа была слишком преждевременной, потому что "буржуазное общество и те экономические отношения, расцвету которых отвечает такая программа, еще только нарождались". Признавая деловой и организаторский опыт, прозорливость, проявленные авторами проекта программы, она в то же время утверждает, что "тактика Гиплера приносила... вред делу крестьян". Раткевич обвиняет его в том, что он "держался примирительной тактики в отношении дворянства и зажиточной буржуазии", "был соглашателем" (17, с. 81-82, 77). Дживелегов видит в Гейльбронской программе "целый политический манифест, требующий в сущности установления демократической монархии". Опуская вождя радикально-буржуазной оппозиции с высокого пьедестала, он утверждает, что Гиплер присоединился к крестьянам "по соображениям личной вражды к дворянам и церкви". Рассматривая действия Гиплера и его сподвижников как граничащие с явной изменой, историк отмечает, что они "делали все, что было в их силах, чтобы не дать крестьянам одержать полную победу над рыцарями и князьями" (6, с. 109, 115). Такие выводы красноречиво свидетельствуют, с одной стороны, о модернизаторской тенденции, которая проявлялась в попытках придать действиям лидеров общественного движения во время Крестьянской войны черты, присущие пролетарским революциям новейшего времени; с другой - в этих же выводах отчетливо выражена идеология, поставленная на службу тоталитарному режиму. В силу данных обстоятельств оценки Раткевича и Дживелеговым Гейльбронской программы и деятельности ее авторов с достаточным на то основанием можно назвать "узкоклассовыми" и вместе с тем далекими от истины.

С конца 30-х гг. Гейльбронская программа была надолго "забыта" и в ее оценках, которые без видимых изменений переносились из одного учебника или учебного пособия в другие, трудно найти что-либо новое. Пробуждение интереса к этому памятнику далекого прошлого в истории немецкого народа связано с кратковременной "хрущевской оттепелью", научными дискуссиями 50-х гг. о раннем капитализме и характере Реформации и Крестьянской войны в Германии. Это время и можно считать началом третьего этапа в осмыслении отечественными (советскими) историками всей эпохи Реформации. В новых условиях истории, так или иначе обращавшиеся к изучению Гейльбронской программы, как бы разделились на две группы. Историки первой группы (В.Г.Павленко, С.М.Стам, В.И.Рутенбург, В.А.Ермолаев, Ю.К.Некрасов, Н.В.Савина), оставаясь в целом на позициях марксизма, в то же время пыта-

лись найти новые подходы к исследованию деятельности радикально-бюргерской оппозиции и самой Гейльбронской программы. Особенно значительным достижением историков этого направления явилось, о чем уже сказано выше, монографическое исследование Ермолаева, которым был положен конец многим "историографическим недоразумениям" (13, с. 28), возникшим в трактовке этого документа Крестьянской войны. Вторая группа историков (А.Д.Эпштейн, М.М.Смирин, М.А.Барг) продолжали следовать концепции Ф.Энгельса, оценивая Гейльбронскую программу по преимуществу с классовых позиций и изображая ее авторов в образе отступников от крестьянских и даже общенародных интересов. Позиция историков последней группы, как можно полагать, отражала консервативную тенденцию в развитии советской историографии.

И, наконец, последнее. Есть основания для предположения, что выход в свет (в 1988 г.) монографического исследования В.А.Ермолаева может послужить отправной точкой и началом четвертого этапа в осмыслении отечественными историками всей эпохи Реформации. Однако пока что это - всего лишь попытка предвосхищения развития исторической науки в ближайшей перспективе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адо А.В. Крестьянство в буржуазных революциях XVI - XVIII вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3.
2. Барг М.А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI-XVIII вв. // ВИ. 1975. N 9.
3. Бауэр В.В. Лекции по новой истории: Реформация Фридриха III. СПб., 1886.
4. Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974.
5. Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего средневековья. М., 1971.
6. Дживелегов А.К. Крестьянские движения на Западе. М.; Л., 1924.
7. Ермолаев В.А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // СР. 1954. Вып. 5.
8. Ермолаев В.А. Гейльброннская программа: Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.
9. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1896.
10. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. - начала 900-х годов. Томск, 1969.
11. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории М., 1989.

12. Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV - начала XVI вв. (по материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV-XVI вв. Вологда, 1989.

13. Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография и предпосылки революции). Вологда, 1984.

14. Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.

15. Павленко В.Г. О происхождении и сущности "Гейльброннской программы" // УЗ КГПИ. Кемерово, 1968. Вып. 16.

16. Петров М.М. Очерки по всеобщей истории. Харьков, 1868.

17. Раткевич К.И. Крестьянская война в Германии. Л., 1928.

18. Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции XVI - XVIII вв. // ВИ. 1984. N 3.

19. Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979.

20. Смирин М.М. Реформация и Великая крестьянская война в Германии // Всеобщая история. М., 1958. Т. 4.

21. Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1982.

22. Смирин М.М. Ф. Энгельс о значении Крестьянской войны в истории Германии // СВ. 1982. Вып. 21.

23. Смирин М.М. Гейльброннская программа // СИЭ. 1983. Т. 4.

24. Смирин М.М. Гиплер // СИЭ. 1983. Т. 4.

25. Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV-XVI вв.). М., 1989.

26. Стан С.М. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии // УЗ СГУ. 1954. Т. 34.

27. Щеголев П.П. Очерки истории Западной Европы XVI-XVII вв. Л., 1938.

28. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.

29. Энгельс Ф. Заметки о Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18.

30. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1881.

РЕФОРМА ГОРОДСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНИИ
(1522-1524 гг.)

Вопрос о роли Реформации в развитии системы призрения бедных и о борьбе властей против нищенства и бродяжничества не относится к числу обделенных вниманием историков. В конце XIX - начале XX вв., в немалой степени под влиянием подготовки и проведения 400-летнего юбилея Реформации, эта проблема стала предметом научной дискуссии с участием таких известных немецких медиевистов, как О. Винкельман, Г. Барге и Л. Фейхтвангер (см.: 29, 6, 11). Однако полемика как этих, так и других историков, оказалась сильно окрашенной в конфессиональные цвета и проходила главным образом под знаком разногласий по вопросу о роли католической и протестантской церкви в становлении новой системы благотворительности. Объективному рассмотрению данной темы помешали также разногласия и среди историков, придерживающихся разных ориентаций в немецком протестантизме (по поводу оценки вклада в развитие системы помощи бедным крупных деятелей Реформации, прежде всего Лютера и Карлштадта). Вместе с тем дискуссия стимулировала исследования и публикацию разнообразных источников по истории церковной и светской благотворительности позднего средневековья.

В 60-80-е гг. в связи с бурным развитием в исторической науке ФРГ направления "социальной истории" заметно вырос интерес к изучению таких широко распространенных в эпоху позднего средневековья явлений, как массовая бедность, нищенство и бродяжничество. Именно тогда были предприняты попытки комплексного исследования положения низших слоев населения средневекового общества. Многие проблемы истории благотворительности в средние века и в начале нового времени рассмотрены в монографиях Т. Фишера, Х. Заксе и Ф. Тенштедта (см.: 12, 28), которые видят в мероприятиях городов по регулированию положения бедных и нищих важнейшие элементы "социальной политики". Вопрос о роли Реформации в развитии социальной политики городов имеет в виду в своих статьях и А. Лаубе, отметивший, в частности, органическую связь реформы католической церкви с положением городских низов (см.: 16, 17). В советской исторической литературе в трудах В. В. Стоклицкой-Терешкович, М. М. Смириня, А. Д. Эпштейна, В. Е. Майера, Ю. К. Некрасова и других ученых исследованы важные стороны социально-экономических процессов в городе и деревне, породившие феномен массовой бедности в немецком обществе на стадии начавшегося разложения феодализма и генезиса капитализма. На фоне этих исследований опыты изуче-

ния истории благотворительности той эпохи выглядят весьма скромно. Эта тема на сегодняшний день лишь затронута в нескольких статьях по истории городского законодательства о бедных, нищих и бродягах, а также по истории общественной мысли XV-XVI вв. (см.: 1-4).

Целью настоящей статьи является попытка выяснить роль Реформации в преобразовании средневековой системы благотворительности, в формировании основных религиозно-этических, социальных и политических принципов в решении реформаторами проблем массовой бедности и нищенства. Хронологически исследование охватывает время раннего периода Реформации и особенно 1522-1524 гг., когда были сформулированы основные положения реформационной программы избавления общества от нищенства, бродяжничества и регулирования положения бедняков. Тогда же были предприняты первые шаги по претворению этих проектов в жизнь. В качестве источников использованы различные документы. Первую их группу составили городские распорядки и уставы о бедных и нищих, об устройстве и функционировании "общих касс", постановления и распоряжения магистратов, донесения должностных лиц о состоянии благотворительности. Вторая группа источников включает сочинения реформаторов, памфлеты и эпистолярное наследие адептов реформационного учения, которые были очевидцами и даже участниками событий. Обе группы этих документов и образуют источниковую базу исследования темы, поставленной в заглавие статьи.

Проблема регулирования положения бедных и нищих в позднесредневековом обществе занимала одно из центральных мест в программе реформационного движения. Разложение старых феодальных институтов, развитие процессов первоначального накопления и генезиса капитализма, рост народонаселения, что стало очевидным фактом с конца XV в., резко изменили экономическое и социальное положение многих ремесленников, наемных рабочих, поденщиков и слуг. Эти процессы имели очевидным следствием массовую бедность, нищенство и бродяжничество. Угрожающих масштабов достигла также имущественная и социальная поляризация общества, создавшая почву для острых противоречий между различными прослойками горожан, недолговства широких слоев населения своим положением. Волна "городских революций", прокатившаяся по всей Германии в 1509-1514 гг., показала большую силу стихийных и организованных движений городских низов. Начавшаяся Реформация еще более обострила и без того накаленную общественно-политическую обстановку, породила в обществе, прежде всего в угнетенных его слоях, настроения ожидания и предчувствия "страшного мятежа" (23, с. 95-99).

Переход городов во время Реформации к широкомасштабным мероприятиям, направленным на решение проблемы бедности и

нищенства, был вызван также глубоким кризисом всей системы, особенно религиозно-этических основ благотворительности, которую осуществляла католическая церковь. Согласно католическому вероучению, важнейшим условием для достижения совершенной любви к Богу являлась добровольная нищета. Кроме того, бедность и нищенство давали также благоприятную возможность состоятельным людям исполнять свой религиозный долг - оказывать бедным и нищим помощь в виде подаяний, милостыни, завещаний в пользу бедняков. Опираясь на эту доктрину, католическая церковь создала нищенствующие ордена, которые начали свою деятельность с проповеди бедности и аскетизма, а затем превратились в обладателей огромных сокровищ и крупных земельных владений, что сильно подорвало авторитет католической церковной благотворительности. Однако кризис католической благотворительности проявился не только в перерождении нищенствующих орденов. Система нерегулируемой и открытой для всех нищих, паломников, бродяг церковной благотворительности способствовала увеличению прослойки "профессиональных нищих", для которых нищенство являлось основным источником существования. К тому же, как справедливо заметил О. Винкельман, система католической филантропии была рассчитана на обеспечение ограниченного числа страждущих, поэтому в условиях массовых явлений бедности и нищенства эпохи позднего средневековья она оказалась не в состоянии выдержать такого огромного числа нуждающихся (30, с. 3). Дало бы на несправедливое распределение подаяний ("альмозен", как их называли современники) стали своеобразным лейтмотивом общественной мысли того времени, поскольку основная тяжесть расходов на содержание нищенствующих монахов, паломников, большого числа нищих и бродяг ложилась на плечи горожан. Особенность старой церковной системы заключалась и в том, что значительная часть богаделен, госпиталей, приютов и монастырей, занимавшихся призрением бедных, была расположена за городскими стенами (13, с. 7). В условиях закрытия монастырей и других церковных учреждений в годы Реформации города оказались в сущности один на один с нахлынувшими на них волной нищими и бродягами.

В XV-XVI вв. города предпринимали жесткие меры по ограничению доступа за их стены нищих и бродяг, пытались регулировать положение городских бедняков. Однако эти усилия оказываются недостаточными для того, чтобы воспрепятствовать распространению негативных последствий нищенства и бродяжничества. Неудача таких попыток городских магистратов побуждает реформаторов и их сторонников к разработке широкой программы регулирования положения бедных и нищих, главной целью которой, по словам Г.Х. Рублака, становится "стабилизация общественных отношений" (27, с. 129). Тем самым Реформация открывала новый этап преодоления этой негативной

тенденции в развитии немецкого общества.

Особенностью реформационной программы искоренения нищенства и оказания помощи бедным было и то, что она самым тесным образом связана с борьбой против католической церкви. Попытки реформаторов решить наиболее острые социальные проблемы, спасти бедноту от голода имели также целью привлечение на свою сторону широких слоев городского населения, повышение популярности нового учения среди народных масс. Начавшаяся в 1517 г. с выступления Лютера со знаменитыми "95 тезисами" Реформация являлась своего рода подготовительным этапом к преобразованию всей системы благотворительности в средневековых городах Германии. Отсюда становится понятным, почему Лютер еще в 1520 г. в числе первоочередных задач Реформации, сформулированных им в трактате "К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства", назвал задачу "упразднения во всем христианстве всех разновидностей нищенства" и создания новой системы оказания помощи бедным (см.: 20). Первая же попытка реализации этой идеи была предпринята в январе 1522 г. изданием "Нового распорядка города Виттенберга" (см.: 26) и "Устава общей кассы" этого же города (см.: 25, с. 559-561), которые стали популярными документами эпохи Реформации в Германии. Затем такие законодательные акты в течение примерно двух лет были созданы во многих немецких городах. Вслед за Виттенбергом уставы об "общих кассах" появились в том же 1522 г. в Альтенбурге, в 1523 г. - в Лейпциге и Цвикау. Создание таких касс намечалось также в Мюльхаузене и ряде других городов Тюрингии, где действовал активный сторонник Реформации Андреас Карлштадт. Широкий размах реформационного движения в упомянутых выше городах создал условия для реализации главного требования реформационной программы по борьбе с бедностью - использования секуляризованных имуществ церкви и монастырей для призрения бедных. В то же время увидели свет уставы об общих кассах и регламенты, регулирующие положение бедных и нищих, которые отличались более умеренным характером и, в отличие от названных выше документов, не ставили задачу секуляризации церковных имуществ, а ограничивались использованием на нужды бедняков отдельных статей доходов от землевладения и церковных служб. Такие уставы о бедных были приняты в Кинцингене, Швейнфурте и Швабахе.

В 1522-1524 гг. законы и уставы об организации новой системы благотворительности и борьбы с бродягами и нищими были приняты и в тех городах, где Реформация только набирала силу и не переросла в стадию практической реализации реформационного учения. Аналогичные упомянутым выше уставы о бедных и нищих были приняты в 1522 г. в Нюрнберге и Аугсбурге, в 1523 г. - в Страсбурге. При этом нельзя рассматривать все эти документы вне связи с реформационным движением

в городах. Более того, реформа благотворительности была предпосылкой осуществления радикальных преобразований в самой церкви. Дело в том, что многие положения программы по борьбе с бедностью и нищенством написаны под влиянием лютеровского учения, что прослеживается на примере аугсбургского и страсбургского уставов о призрении бедняков и нищих (30, с. 78-80). К тому же эти программы заметно стимулировали движение за секуляризацию церковных имуществ. Под влиянием движения городских низов и бюргерства за создание централизованных фондов помощи бедным городские советы добились права использования доходов церкви для разрешения социальных проблем (см.: 31, с. 70-71). Создание "общих касс" за счет секуляризованных церковных доходов и имуществ вызвало сильное сопротивление не только католического клира, но и княжеских властей, опасавшихся, что секуляризация приведет к усилению не только экономической, но и политической автономии городов. Поэтому с самого начала движение за реформу благотворительности приобрело ярко выраженную политическую направленность.

Создание городской системы призрения бедных и борьба с нищенством сопровождались многочисленными публицистическими выступлениями реформаторов. Публицистика и городские законодательные акты о бедных, нищих и бродягах были связаны не только общностью тематики. Их объединяла также близость подходов к решению социальных проблем, которые были порождены массовым разорением и обнищанием мелких собственников, ростом численности пауперов. Необходимо, кроме того, принять во внимание, что многие авторы публицистических произведений участвовали в подготовке городских постановлений о нищих и пауперах. Публицистические сочинения зачастую появлялись с целью пропаганды, обобщения и осмысления мероприятий, проводившихся городскими властями по искоренению нищенства и бродяжничества. К их числу можно отнести трактат Кардштадта "Об упразднении икон и о том, что у христиан не должно быть нищих", написанный в конце января 1522 г. под сильным впечатлением от принятого магистратом "Нового распорядка города Виттенберга". Автор трактата вслаще расхваливает меры совета Виттенберга, направленные против нищенства, и пытается доказать целесообразность их проведения в каждом городе, где осуществлялась Реформация (15, с. 28-29). Аналогичные мотивы звучат в "Диалоге о швабахской общей кассе", анонимный автор которого дает религиозно-этическое обоснование решения этой проблемы на примере небольшого города Швабаха (14, с. 196-206).

В других случаях сочинения реформаторов, напротив, предваряли реформу благотворительности в городах, когда идеологи и руководители реформационного движения выступали в роли советников городских властей, указывали рациональные, с их

точки зрения, пути регулирования положения городских низов. Примером тому может служить история появления сочинения Лютера "Устав общей кассы. Предложение, как следует распорядиться духовными имуществами" В 1522-1523 гг. между Лютером и советом Лейснига завязалась оживленная переписка по поводу решения проблемы бедности путем использования для этой цели секуляризованных церковных имуществ (19, с. 382-387). Рекомендации Лютера были приняты магистратом за основу изданного последним в 1523 г. "Распорядка общей кассы". Написанное Лютером пространное предисловие к документу фактически стало самостоятельным публицистическим произведением. Такую же роль в Аугсбурге сыграл известный реформатор Эколанпад, сочинение которого "О распределении милостыни", в котором он дал обстоятельное религиозно-этическое обоснование необходимости реорганизации системы благотворительности, было написано по просьбе гуманистически настроенных кругов этого города (24, с. 1109-1122). Аналогичную цель преследовал и один из близких соратников Лютера Венцеслав Линк в трактате "О работе и нищенстве" (18, с. 1086-1109). В июне 1522 г. Линк стал проповедником в Альтенбурге и уже в начале своей деятельности активно занялся реформой системы городской благотворительности, приняв за образец "Нюрнбергский распорядок о бедных" 1522 г. В Альтенбурге были учреждены две кассы для раздачи милостыни, начался сбор средств для бедных, запрещено собирать милостыню пришедшим нищим и школярам. Но эти меры проводились недостаточно последовательно и не принесли желаемых результатов. Неудача побудила Линка обратиться к совету Альтенбурга с трактатом "О работе и нищенстве". Предисловие к этому сочинению датировано 30 октября 1523 г., а первое его издание появилось в том же Альтенбурге в 1524 г. (18, с. 1109). Сочинения реформаторов и лютеровских проповедников содержат не только практические рекомендации по созданию принципиально отличающейся от католической системы благотворительности, но и обоснование новых религиозно-этических принципов в решении проблем массовой бедности и нищенства. Особое место в реформационных трактатах занимал вопрос о праве общин на секуляризацию и использование на нужды бедных и нищих церковных и монастырских земель, других имуществ и разнообразных доходов церкви.

В условиях политической раздробленности Германской империи городские акты, касающиеся положения низших слоев населения, носили заметный отпечаток сугубо местных интересов. Уставы, распорядки, регламенты городских советов и другие директивные акты распространялись на тот или иной город и его округу и не ставили в повестку дня вопроса о принятии таких же мер в масштабах всей Германии. В отличие от членов городских советов идеологи реформационного движения стара-

лись преодолеть местнический подход к решению этой социальной проблемы, что проявлялось в их стремлении сделать общим достоянием опыт отдельных городов по избавлению последних от нищих и бродяг, распространить такой опыт на всю Империю, склонить к соответствующим действиям княжескую администрацию. Кроме того, реформаторы рассматривали филантропические идеи как неотъемлемую часть нового религиозного учения и как важнейший элемент зарождающегося протестантского мировоззрения. Однако реформаторы, так же как и городские власти, не смогли преодолеть ограниченного, строго конфессионального подхода к решению социальных⁶ вопросов и выдвигать общенациональную программу.

Нельзя в то же время не отметить и того факта, что городские уставы о бедных и функционировании "общих касс" утверждали новые принципы организации благотворительности. Прежде всего их авторы руководствовались положением о развитии системы призрения бедных в рамках городских общин и под началом светских властей. Призывы к созданию такой системы раздавались в городах еще до Реформации. Так, известный народный проповедник из Страсбурга Гейлер фон Кайзерберг еще в самом начале XVI в. настойчиво рекомендовал светским властям взять в свои руки дело призрения нищих и добиться, чтобы "каждая община оказывала помощь беднякам" (28, с. 58). И это требование стало основой лютеровской программы борьбы с бедностью и нищенством (см.: 20). В трактате Карлштадта "Об упразднении икон" эта мысль формулируется более обстоятельно: "Каждый город должен заботиться о своих бюргерах, каждая деревня о своих крестьянах..., а князья, чиновники, бургомистры, судьи, старосты и все прочие должностные лица обязаны изыскать соответствующие средства и принять меры для того, чтобы не допускать разорения бедных братьев и сестер" (см.: 15, с. 28-29). Идея коммунально-общинной благотворительности, реализуемая под контролем светских властей, становится общим местом в многочисленных проповедях, трактатах и памфлетах, увидевших свет на раннем этапе Реформации. Эта идея органически была связана со стремлением бюргерства к созданию общинного устройства новой евангелической религиозной организации. Требования и обращения к властям об организации помощи бедным в значительной степени отражали недовольство широких слоев городского населения состоянием дел в решении острых социальных проблем в жизни городов. В то же время идея организации централизованной городской благотворительности в сочетании с требованиями секуляризации церковных и монастырских имуществ находила поддержку у магистратов, которые рассматривали таким образом укрепить свое финансовое положение и усилить влияние на нижние слои населения, на процессы регулирования потребностей городов в рабочей силе.

Осуществление программы коммунально-общинного устройства благотворительности вызвало, однако, серьезные противоречия между городскими советами и общинами по вопросу представительства в управлении делами призрения бедных. Общины стремились использовать создание новой системы оказания помощи бедным для демократизации основных властных структур городов и добивались прежде всего контроля за расходованием средств и доходов "общих касс". В большинстве случаев новая система управления благотворительностью основывалась на компромиссе между советами и общинами. Городским советам удавалось, однако, вопреки усилиям общественности, обычно сосредотачивать в своих руках нити управления службами, занимавшимися призрением бедных и нищих. Контроль за деятельностью благотворительных фондов, который возлагался на представителей общин, оказался недостаточно эффективным и не избавлял от злоупотреблений со стороны попечителей (8, с. 58-60). Редко сбором и распределением "альмошен" занимались только представители общин. Например, в Швабах в главе "общей кассы" стояли представители цехов звонарей, ножовщиков и пивоваров (14, с. 186). Но это было все же исключением из правила.

Переход от церковной к коммунально-общинной системе благотворительности в решающей мере зависел от создания городских фондов призрения бедных, начало которым было положено еще до Реформации. Во многих городах в XV - начале XVI вв. широкое распространение получила практика образования запасов зерна на случай голода и дороговизны (9, с. 101-102). Важным источником финансирования помощи беднякам стали заведания горожан и их "благочестивые вклады" в городское казначейство, поскольку в эпоху позднего средневековья многие бюргеры стремились реализовать эти заведания и вклады не через церковь, а через городские советы. Открытие "общих касс" в годы Реформации способствовало реализации наметившейся ранее тенденции по формированию фондов городской благотворительности. Упомянутые выше источники доходов городской службы помощи беднякам носили ограниченный и эпизодический характер. Поэтому города еще до Реформации развернули борьбу за передачу их в распоряжение госпиталей - основных благотворительных и лечебных заведений католической церкви. Это послужило причиной многочисленных споров и конфликтов с монастырями, опекавшими госпитали (13, с. 17). Стремление к коммунализации госпиталей объясняется прежде всего тем, что они в большинстве своем были крупными землевладельцами и получали большие доходы от своей хозяйственной деятельности, дарений и завещаний (7, с. 240). Магистраты городов еще до Реформации прилагали немало усилий, чтобы овладеть всеми этими источниками доходов католической церкви, особенно монастырей.

Реформация не только способствовала переходу госпиталей и богаделен под юрисдикцию городов, но и открыла возможность осуществления полной и всеобъемлющей секуляризации и коммунализации имущества, земельных владений, доходов церквей и монастырей. Начало реализации этой программы было положено уже упоминавшимся выше "Новым распоряжением города Виттенберга", который предписывал "все чинши божьих домов, священников и все чинши цеховых братств немедленно упразднить и (все средства) направить в одну общую кассу". Туда же должны были поступить "чинши с духовных (судебных) исков, имущества монастырей, расположенных в городе и его округе" (28, II). Такое же решение было принято бюргерами Лейснига (10, с. 598-599). Борьба за этот путь секуляризации и использования церковных и монастырских имущества развернулась во многих городах, хотя не везде увенчалась успехом. В городах же, где были приняты уставы о бедных и нищих, вводился постоянный и обязательный налог для обеспечения бедняков (28, III; 10, с. 803; 5, т. 10, с. 262, т. 11, с. 1-2, 8). Некоторые города принимали решения о проведении осенних сборов добровольных пожертвований для "общей кассы" (5, т. 11, с. 2). Городские власти разрешали также выдачу ссуд из "общих касс" под проценты. В Виттенберге было установлено, что горожане, получившие ссуду, "должны ежегодно вносить в общую кассу четыре гильдена со ста гильденов займа до тех пор, пока не выплатят ссуду" (28, III). Свои действия власти оправдывали тем, что они берут меньше, чем другие кредиторы, взимающие по пяти или шести гильденов годовых, и используют полученные таким образом средства, "чтобы помочь в случае необходимости тем же должникам" (26, III). Выдача займов под проценты заметно укрепляла финансовые возможности городских магистратов и позволяла им, с одной стороны, ослабить влияние частных банкиров и ростовщиков, а с другой - усилить финансовую зависимость ремесленников от городской казны.

Введение коммунально-общинной системы благотворительности сопровождалось изменением порядка распределения "альмошен" и оказания помощи бедным. Во всех городах было введено строгое разделение бедняков на местных ("своих") и пришлых ("чужих"). Общины помогали только "своим", а "чужаков" изгоняли из городов. Практику изгнания пришлых бродяг и нищих городские власти ввели еще до Реформации, но тогда натолкнулись на серьезное противодействие, так как, согласно католической доктрине, помощь бедным и нищим следовало оказывать независимо от места их проживания. Реформаторы церкви не только подвергали критике это учение, но и обосновывали религиозно-этический принцип обеспечения только местных, постоянных жителей города. Эта идея проходит красной нитью через все сочинения и проповеди реформаторов, в кото-

рых затрагивались проблемы бедности и нищенства. Более того, многие реформаторы резко критиковали городские власти за непоследовательность и недостаточную решительность в осуществлении акций по изгнанию "чужаков" из городов. Именно в этом последователь учения Лютера Линк усматривал главный недостаток в организации благотворительности в городах. Обращаясь к "отцам города" Альтенбурга, он утверждал, что их город хотя и не относится к числу богатых, "все же может содержать своих бедняков, если запретит пришлым нищим и бродягам вырывать кусок изо рта у его жителей. Но если вы, власти, - продолжал он, - пренебрегая моими советами, будете по-прежнему спать, то, я думаю, что за грехи ваши и пренебрежение братской любовью Бог накажет вас, и вы, не пытающиеся позаботиться о бедняках, а ухудшающие их положение, разрешая собирать подаяние чужим, ненужным нам нищим, сами лишитесь имущества, и сами превратитесь в нищих" (18, с. 1086 - 1087). Общинно-ограничительную трактовку принципа "братской любви" разделял и Карлштадт, по словам которого, "в общине всегда будут бедные братья и сестры, которые нуждаются в нашей помощи и поддержке. И нам надо быть внимательными по отношению к нашим соседям и членам христианской общины и приходить в беде к ним на помощь до того, как они начнут взывать о ней" (15, с. 24-25). Разделение нищих на "своих" и "чужих" было продиктовано не только чувством местного эгоизма, но и стремлением реформаторов и городских властей к избавлению общества от "ничейных" бедняков. В упреждении "ничейных" нищих многие деятели Реформации видели путь к ликвидации бродяжничества. Такой подход к проблеме обеспечения бедных был продиктован желанием рационального распределения благотворительных средств. Враждебное отношение к "чужим" нищим, характерное для общественного сознания того времени, открывало путь от приютов милосердия к рабочим домам и "дешевой благотворительности" (3, с. 111). Политика властей, имевшая целью установление строгого порядка использования благотворительных средств в самих общинах, в немалой степени строилась в расчете на "благодарность" со стороны местных бедняков. Поэтому не случайно, что в критические моменты, когда возникала реальная угроза выступления низов, городские власти откровенно напоминали о благодеяниях, оказанных ими местным беднякам (31, с. 71).

Реформаторы ввели в практику достаточно четкую дифференциацию понятий "бедности" и "нищенства". Они исходили из того, что бедность это - вечная и неотъемлемая часть миропорядка, и бедняки всегда будут в обществе, а "нищие" - это те, "кто слоняются там и сям, бродят по улицам, отираются возле домов, сидят на церковных папертях, вымаливая подаяние" (15, с. 23). Нищенство во всех его формах подлежало, согласно реформационному учению, полному искоренению и

уничтожению. Оно теперь стало рассматриваться как разновидность лени, паразитизма, безбожия и других пороков. По словам Линка, "нищенство вступает в противоречие со всеми морально-этическими нормами христианства, и не существует ни одного положения (в учении Христа), которое оправдывало бы нищенство" (18, с. 1087-1088). Представление о нищенстве как о страшном моральном зле глубоко проникло в сознание горожан. Реформационное движение с самого начала повело борьбу за избавление общин от нищих путем принуждения к труду, суровых наказаний за безделье и сбор милостыни, изгнания из городов нищенствующих монахов и "праздных нищих". Теперь оказание помощи предусматривалось только больным, старикам, немощным, сиротам. Ответственность за их содержание брала на себя сама община.

Лидеры реформационного движения, конечно же, не ставили перед собой задачи избавления общества от всех бедных. Но они стремились к регулированию их положения и созданию условий для обеспечения прожиточного минимума для городской бедноты. Критериями, определяющими возможность получения бедняками благотворительной помощи, являлись их социальные связи и соблюдение ими моральных правил "бюргерского мира". В соответствии с этими критериями на получение помощи могли претендовать только коренные жители города, прожившие в нем, как правило, не менее пяти лет и пользовавшиеся безупречной репутацией среди горожан, в первую очередь у своих соседей. Бедняков этой категории стали называть "хаусманами" (или "местными бедняками"), которые "стеснялись просить милостыню, опасаясь опозорить своих родителей, родственников или свое ремесло" (5, т. 10, с. 266). Вопрос об оказании им помощи при этом решали не только официальные власти, но и рядовые бюргеры, лично знавшие каждого бедняка: соседи, "благочестивые" и "дочтенные" люди. "Устав о бедных города Нюрнберга" предписывал "городским слугам" о каждом, кто просит помощи, "навести справки у соседей, узнать и записать, кто из мужчин занимается воровством, сводничеством, пьянством и азартными играми и тому подобными безобразиями" (5, т. 10, с. 262). Понятно, что лицам, замеченным в таких пороках, власти отказывали во всякой помощи.

Тщательное обследование условий жизни бедняка и "наведение справок" о нем предполагали также установление степени "виновности" человека в постигшей его бедности. Деление бедняков на "виновных" и "невиновных" - важнейший феномен общественного сознания, который активно развивала Реформация. К "невиновным" относили прежде всего разорившихся бюргеров, коренных жителей города, которые впали в бедность не по своей "злой воле", а по причине внешних обстоятельств: неблагоприятной рыночной конъюнктуры, несчастного случая, банкротства, болезни или подобных этим причин. "Виновность"

человека в бедности определялась его склонностью к безделью, пьянству, азартным играм, бродяжничеству и другим порокам. В общественном мнении эти пороки расценивались в качестве главного источника бедности. Реформаторы своим учением о высшей ценности труда и благочестивого образа жизни стимулировали в городах борьбу против тех, кто вел аморальный образ жизни. Практически все уставы о бедных и нищих предусматривали изгнание из городов содержателей и постоянных посетителей притонов, публичных женщин, карточных шулеров и вообще всех, кто не отличался "благочестивым образом жизни".

Реформация с ее коммунально-общинным подходом к решению проблемы бедности и нищенства заметно ускорила переход городов от традиционных форм средневековой благотворительности к социальной политике, направленной в первую очередь на воспроизводство и регулирование рынка рабочей силы. Особое беспокойство городских властей и сторонников Реформации вызывал факт разорения мелкого ремесла, составлявшего основу социально-экономической структуры городов. Наиболее распространенной мерой по оказанию помощи бедным ремесленникам стало предоставление им беспроцентных ссуд из "общих касс". Одним из первых такое решение принял городской совет Виттенберга. В "Новом распоряжке" этого города, в частности, сказано: "Бедным ремесленникам, которые не в состоянии ежедневно заниматься своим ремеслом, следует давать ссуды из общей кассы, чтобы они могли прокормить себя. Эту ссуду они должны были возвратить в установленный срок, но без всяких процентов. Тех же, кто не сможет возвратить ссуду, следует освободить от этого Бога ради" (26, II). Такие же решения были приняты в Лейпциге, Кинцингене, Швабахе и Альтенбурге. В крупных городах, где проблема разорения мелких ремесленников проявлялась в более острых формах, были приняты и несколько иные программы защиты таких ремесленников. Например, в Нюрнберге власти установили несколько категорий ремесленников, нуждавшихся в поддержке. В первую очередь помощь следовало оказывать тем "благочестивым ремесленникам, которые желали бы зарабатывать себе хлеб насущный, выполняя самую тяжелую работу, но с самого начала не имели никаких средств для того, чтобы заниматься своим делом" (5, т. 10, с. 274-275). Кроме начинающих, помощь должны были получить и ремесленники, "у которых готовые изделия или товары залежались вследствие войны или других напастей и не приносят им прибыли" (5, т. 10, с. 275). Для крупных торгово-ремесленных центров, ремесленное производство которых ориентировалось не только на местный, но и "дальний" рынок, данное положение "распорядка о бедных" имело большое значение. Третью категорию, которой также следовало выдавать беспроцентные ссуды, составляли ремесленники, которых "сильно

притесняют купцы, дающие им авансы" (5, т. 10, с. 275). При оказании помощи представители властей в присутствии понятых составляли опись изделий таких ремесленников, и "за каждые сто гульденов стоимости несбытого товара ремесленнику следовало дать восемнадцать гульденов займа и при этом разъяснить, что он должен постараться продать свои изделия в течение полугода и (впредь) не нести убытков" (5, т. 10, с. 276). Защита прослойки самостоятельных ремесленников преследовала не только экономические, но и социальные цели. Как было записано в "Нюрнбергском распоряжке о бедных", делать это было необходимо для того, чтобы ремесленники, испытывающие серьезные трудности, смогли бы остаться хозяевами своих предприятий и принести пользу городу, оказывая помощь беднякам, уроженцам города, и вдовам (5, т. 10, с. 276). В мерах, направленных на поддержку мелких ремесленников, власти видели путь к установлению социальной стабильности в городах. Необходимо также принять во внимание, что разорение ремесленников вело к уменьшению числа налогоплательщиков и одновременно к сокращению статей доходов городского бюджета.

С конца XV в. все большую остроту в городах приобретала проблема бедности и обнищания наемных рабочих, поденщиков, слуг, основным источником существования для которых была заработная плата. С этого времени, полагает Э.Машке, понятия "бедняк" и "наемный работник" стали синонимами (22, с. 4). Политика городских советов в отношении этой категории бедняков сводилась в основном к обеспечению минимального прожиточного уровня. Благотворительное пособие при этом рассматривалось как дополнение к заработной плате работника и зависело от ее размеров. В Нюрнберге, например, власти предписывали, что "беднякам, которые выполняют определенную работу, но не в состоянии содержать себя за счет заработной платы, следует давать 15, 20, 25 или 35 пфеннигов в неделю в дополнение к заработной плате" (5, т. 10, с. 277-278). Подобные решения представляли собою продолжение и развитие политики городских властей по регулированию заработной платы в различных отраслях производства, что нашло отражение в их многочисленных постановлениях о размере и порядке оплаты труда наемных работников и слуг. В таком случае благотворительные пособия, которые бедняки получали из "общих касс", фактически означали для зажиточных бюргеров, предпринимателей и вообще всех работодателей экономию на заработной плате и повышение нормы прибыли.

Особое беспокойство у современников вызвала растущая безработица в городах. Однако на уровне обыденного сознания в эпоху Реформации безработица воспринималась скорее не как следствие социально-экономических процессов, характерных для начальной стадии разложения феодализма, а как проявление

ние упадка нравственности и морали в обществе, Поэтому современники избавление от безработицы видели главным образом в принуждении безработных к труду. Реформаторы в целом активно поддерживали такой способ разрешения проблемы безработицы, хотя наиболее дальновидные из них призывали учитывать, что не все безработные смогут найти работу, поскольку значительная часть из них не была обучена какому-либо ремеслу. Поэтому, по словам Карлштадта, "властям следует использовать все средства, чтобы оказать помощь (безработным) в овладении ремеслом или в организации дела, которым они займутся" (15, с. 27).

Уже на раннем этапе реформационных преобразований города столкнулись с проблемой трудоустройства монахов, покидавших монастыри. Реформаторы вполне сознавали, что отсутствие программы трудоустройства монахов серьезно может затруднить преобразование католической церкви и вызвать сопротивление не только монастырей, но и городов, которым после закрытия монастырей угрожала новая волна нищих, безработных и бродяг. Идеологи Реформации предлагали решить эту проблему за счет секуляризации имущества и доходов самих монастырей. По убеждению Карлштадта, необходимо, чтобы аббаты и другие наставники духовных орденов отпустили монахов на волю, "оказали им денежную помощь и содействовали их трудоустройству там, где они желают работать" (15, с. 27-28). В случае недостатка средств он считал возможным продать церковную и монастырскую утварь, чтобы помочь "христовым рабам" обезвестись семьями и овладеть ремеслом. В отличие от Карлштадта, призывавшего немедленно освободить и отпустить на свободу всех монахов и монахинь, Лютер выдвигал иной вариант закрытия монастырей. Он полагал возможным разрешить монахам и монахиням добровольно покинуть обители, а настоятелям монастырей впредь "не принимать в монастыри ни одного человека" (21, с. 108-109). За счет имущества и доходов монастырей власти намерены были обеспечить необходимыми средствами монахов, оставшихся в монастырях, предоставить пособия тем из них, кто покидал "божие обители", а остальное имущество "сделать достоянием общей кассы и давать в долг всем нуждающимся" (21, с. 109-110). Предлагая "добровольное упразднение" монастырей, Лютер таким образом проявлял заботу не только о социальной, но и морально-этической, нравственной стороне Реформации. Постепенное закрытие монастырей, по его мнению, "покажет, что не алчность побудила власти к секуляризации духовных имуществ, а христианская вера, которой чужд монастырский образ жизни" (21, с. 110). В то же время законодательные акты магистратов категорически запрещали нищенствующим монахам появляться в городах для сбора подаваний. Содержать и кормить себя монахи обязаны были "за счет своих чиншей, а также за счет занятий ремеслом". Эти

акты обязывали должностных лиц "составить описи всего имущества монастырей", которое должно было поступить в "общую кассу", предназначенную для оказания помощи нуждающимся (28, II).

Серьезную озабоченность городских властей вызывало нищенство среди детей и подростков. В документах реформационного движения на раннем его этапе неоднократно отмечалось, что это явление может привести к упадку ремесла, к недостатку обученных и образованных людей, поскольку большинство детей бедняков лишено возможности учиться в школе, получать образование и приобретать профессию. И во время Реформации в городах продолжалась прежняя практика привлечения детей к труду главным образом принудительными, административными методами. Однако сторонники нового учения попытались решить эту проблему в контексте реформы всей системы образования. В связи с этим значительная часть расходов "общих касс" предназначалась для оказания помощи в обучении детей бедняков. С этой целью предоставлялись безвозмездные ссуды родителям для обучения детей в школах. Такая мера нужна была для того, как сказано в "Новом распорядке" Виттенгенберга, "чтобы не ощущалось нехватки способных людей, поскольку образованные люди нужны всегда, как для проповеди Писания, так и для светского правления". Тех детей, которые не проявляли способности к учебе, предполагалось привлекать к обучению ремеслу или сразу же направлять на работу (26, III). Но в то же самое время магистраты старались ограничить прием на учебу школьников из других мест, если они не были в состоянии обеспечить себя всем необходимым. Активным поборником такой практики выступал Карлштадт, призывавший "возвратить учащихся в родительские дома, потому что, совмещая учебу с попрошайничеством, они усваивают не столько добродетели и знания, сколько пороки и невежество" (15, с. 25). В данном случае необходимо принять во внимание, с одной стороны, положение, обязывающее каждую общину содержать своих бедняков, с другой - реформационное учение об освящении авторитетом "святости" и добродетельности любого труда, которое, однако, отдавало при этом предпочтение физическому труду перед умственным.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать некоторые выводы. Реформация продолжила и заметно ускорила преобразование всей системы средневековой благотворительности. Осуществление реформационной программы положило начало новому этапу перехода от старой системы церковной благотворительности к ее новому коммунально-общинному устройству. Идеологи Реформации достаточно четко и вполне откровенно сформулировали религиозно-этические принципы решения проблемы бедности и нищенства. Эти принципы предполагали призывание безработных к труду, полное искоренение нищенства,

рациональное и строго дозированное распределение помощи, ограничение круга претендентов на получение пособия. Деятели реформационного движения связывали введение коммунально-общинного устройства благотворительности с осуществлением крупных социальных преобразований: секуляризацией церковных и монастырских имуществ и их передачей общинам на нужды бедных. Реформация способствовала переходу от традиционной благотворительности к социальной политике городов, направленной на решение таких важных проблем, как сохранение прослойки мелких самостоятельных ремесленников, обеспечение прожиточного минимума существующим за счет продажи своей рабочей силы, избавление городов от безработицы, трудоустройство монахов после закрытия монастырей, развитие системы образования. Введение коммунально-общинного устройства призрения бедных и секуляризация церковных имуществ заметно укрепили экономические и политические позиции городов, дали возможность городским властям усилить свое влияние на низшие слои населения. Все это в конечном итоге привело к усилению городской автономии и в то же время - к обострению противоречий между городами и князьями. С другой стороны, уже на ранней стадии реформационного движения социальная политика магистратов обнаружила свою социальную ограниченность. Административные и благотворительные мероприятия не устраняли причин, порождавших разорение и обнищание широких слоев городского и деревенского населения и не избавляли общество от классовых конфликтов. Необходимо, принимая во внимание данное обстоятельство, отметить, что проведенная в немецких городах в 1522-1524 гг. реформа системы благотворительности не достигла своей ближайшей цели - установления и поддержания социальной стабильности в обществе. Это особенно ярко проявилось в драматических событиях Крестьянской войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV-XVI вв. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
2. Евдокимова А.А. Законодательство Фрайбурга в Брейзгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.
3. Штекли А.Э. От приютов милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47.
4. Эпштейн А.Д. Из экономической и социальной истории Аугсбурга в XV и начале XVI вв. // СВ. 1957. Вып. 10.
5. Die Armenordnungen von Nürnberg (1522), Kitzingen (1523), Regensburg (1523) und Ypern (1525) // ARG. 1913.

Bd. 10; 1914. Bd. 11.

6. Barge H. Die älteste evangelische Armenordnungen // Historische Vierteljahresschrift. Stuttgart, 1908. Bd. 11.

7. Bookmann H. Die Stadt im späten Mittelalter. München, 1986.

8. Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1882. Bd. 15.

9. Drollinger K. Kleine Städte Süddeutschlands. Stuttgart, 1986.

10. Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Sehling. Leipzig, 1902. Abt. 1.

11. Feuchtwanger L. Geschichte der Sozialen Politik und Armenwesens im Zeitalter der Reformation // JGVV. 1908. Bd. 32.

12. Fischer Th. Städtische Armut und Armenfürsorge im 15. und 16. Jahrhundert. Göttingen, 1979.

13. Friedrich H. Das Armen- und Fürsorgwesen im Zwickau bis zur Einführung der Reformation. Würzburg, 1934.

14. Ein Gespräch von den gemeinen schwabacher Kasten als durch Brüder Heinrich Knecht Ruprecht Kemerin Spüler und Iren Meister des Handwerks der Wullen Tuchmacher Anno MDXXIII // Satiren und Pasquille aus der Reformationszeit. Hannover, 1857. Bd. 3.

15. Karlstadt A. Von Abtuhung der Bilder und das keyn Betler undter den Christen sein Sollen. 1522 // Lietzmann H. Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen. Bonn, 1911. H. 74.

16. Laube A. Zur Rolle sozialökonomischer Fragen in früh-reformatorischen Flugschriften // Flugschriften als Massenmedium der Reformationszeit. Stuttgart, 1981.

17. Laube A. Die Reformation als soziale Bewegung // ZfG. 1985. H. 5.

18. Link W. Von Arbeit und Betteln // Flugschriften der früher Reformationsbewegung (1518-1524). Berlin, 1983. Bd. 2.

19. Luther M. Briefe, Sendschreiben und Bedenken. Berlin, 1826. T. 2.
20. Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von den christlichen Standes Besserung // Martin Luther. Sämtliche Werke. Erlangen, 1832. Bd. 21.
21. Luther M. Ordnung eines gemeinen Kastens. Ratschlag, wie die geistlichen Güter zu handeln sind // Martin Luther. Sämtliche Werke. Erlangen, 1833. Bd. 22.
22. Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1973. Bd. 3.
23. Maurer J. Prediger im Bauernkrieg. Stuttgart, 1979.
24. Oekolampad J. Von den Austeilung des Almosens // Flugschriften der frühen Reformationsbewegung (1518-1524). Berlin, 1983. Bd. 2.
25. Ordnung des gemeinen Beutels zu Wittenberg (Anfang 1522) // Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstädt. T. 1: Exkurse. Leipzig, 1905.
26. Neue Ordnung Stat Wittenberg. MDXXII Jar...
27. Rublack H. Ch. Gescheiterte Reformation. Stuttgart, 1978.
28. Sachse Ch., Tennstend F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland: Vom Spätmittelalter bis zum Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1980.
29. Winkelmann O. Über die ältesten Armenordnungen der Reformationszeit (1522-1525) // Historische Vierteljahresschrift. München, 1916. Bd. 17.
30. Winkelmann O. Das Fürsorgewesen der Stadt Straßburg. Stuttgart, 1922. T. 1.
31. Zugeständnisse des Nürnberger Rates an der Bürgerschaft // Flugschriften der Bauernkriegszeit. Berlin, 1975.

ГОРОДА И БЮРГЕРСТВО В КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ШВАБИИ)

Бурные события исторической значимости последних лет и возникающая в связи с этим необходимость пересмотра некоторых считавшихся в советском обществоведении основополагающими ценностей мировой цивилизации усилили интерес к прошлому, особенно к переломным эпохам как в отечественной, так и всемирной истории. Этот интерес в значительной мере обусловлен опытом происхождения современной цивилизации и ее демократических учреждений. Есть основания полагать, что один из первых шагов движения к ценностям современной цивилизации в Западной Европе был сделан в начале XVI в. во время Реформации и Крестьянской войны в германских землях. Но историки и сегодня спорят, чем же были эти события: попыткой реформы институтов средневековой империи во избежание трагедии гражданской войны или революцией с ее насильственной ломкой этих институтов

Еще к началу второй половины прошлого столетия относился формирование в западной (прежде всего немецкой) историографии традиционного направления ("старой школы"), представители которого Г. Франц, А. Шаас, Г. Ангермайер, В. П. Фукс и Г. Герлах (см.: 49, 83, 34, 80, 51) и сегодня видят в Реформации обычное для средних веков еретическое движение, а в Крестьянской войне - только крупное народное восстание, отрицающая какую-либо генетическую связь между этими историческими явлениями (19, с. 84-85, 168-173). Западная ("буржуазная") историография долгое время отвергала или игнорировала марксистскую точку зрения на события Реформации и Крестьянской войны, трактовавшую их как раннюю буржуазную революцию (см.: 30, с. 10-11; 15, с. 8-18), и лишь в конце 60-х - первой половине 70-х гг. положение изменилось, когда Х. Бусцелло, Д. У. Сейбин, П. Бликле (см.: 42, 73, 38) и другие западные ученые вступили в научную полемику с историками-марксистами и сформулировали концепцию революции "простого человека". Сторонники этой концепции придадут особое значение вопросу о политическом содержании событий 1525 г. и их социальной направленности. Они видят в этих событиях демократическое движение крестьян, бюргеров земских, или княжеских, городов, непатрицианского населения имперских городов и горняков за автономию городских и деревенских общин, широкие социальные и политические преобразования в региональных масштабах и отказываются рассматривать общественное движение как проявление классовой борьбы в ее "марксистском понимании" (16, с. 227-246). Близкую концепции революции

"простого человека" точку зрения на эти события как "хилиастическую революцию в феодальном обществе", "революционное движение с социально-революционными тенденциями или же как революцию в рамках средневекового строя" высказывает Р. Дюльмен (см.: 46).

Вывод о правомерности упомянутых выше точек зрения на Реформацию и Крестьянскую войну можно сделать, точно рассмотрев научные концепции сквозь призму действительно имевших место фактов. Поэтому автор настоящей статьи намерен обратиться к программным документам общественного движения, судебным материалам, переписке современников, очевидцев и участников событий, хроникам Реформации и Крестьянской войны. Комплексное исследование всех этих источников, по его мнению, позволит создать в достаточной степени достоверную картину исторического процесса. С целью выполнения данной задачи необходимо рассмотреть: 1) связь Реформации с революционным движением горожан и крестьян; 2) отношение к крестьянскому восстанию городов различных типов и различных категорий их населения; 3) солидарные действия и программные требования горожан и крестьян; 4) участие городского бюргерства в решении аграрной проблемы революции; 5) проекты политических преобразований и место в них городского бюргерства и крестьянства. Географический регион исследования - Швабия и некоторые сопредельные с нею территории Франконии. Не рассматривая общественное движение в Швейцарии во время Крестьянской войны в Германии специально, автор статьи в то же время уделяет определенное внимание вопросу о влиянии на события в самой Швабии "швейцарского примера" (см.: 6, с. 96 след.; 16, с. 88-89).

* * *

К началу событий Крестьянской войны консервативные силы общества и католическая церковь, которые выступали за сохранение "старого порядка", противостояли умеренно-бюргерскому, радикально-бюргерскому и народному течениям в реформационном движении. Если представители умеренно-бюргерской оппозиции в основном ограничивали свою задачу реформой церкви и "христианского благочестия", радикально-бюргерская оппозиция выходила за эти рамки и намерена была осуществить преобразования государственной власти и общества. Деятели народной реформации стремились к установлению социального равенства и "царства Божьего". В юго-западном регионе германских земель группировку радикального бюргерства не могло удовлетворить учение Лютера о "двух царствах", или "двух сферах права", которое допускало только "духовный мятеж", "страдающее неповиновение" и исключало самую возможность устранения силой неугодных народу правителей (см.: 26, с. 197-207; 20, с. 136-137; 11, с. 189-191; 1, с. 256 след.;

27, с. 176 след.; 78, с. 101-110; 23, с. 127 след.; 44, с. 510-511; 39, с. 26-49; 57, с. 109-134; 58, с. 69 след.). Поэтому не только в Швейцарском Союзе, но и в Верхней Германии широкое распространение, наряду с лютеранством, получило учение Цвингли, которое допускало устранение "всей совокупностью народа" отвергнутых Богом правителей (86, с. 346, 346, 352, 357, 359, 365-367, 369-370) и проведение крупных социально-политических преобразований (см.: 22, с. 308, 322-325, 338-341 след.; 26, с. 208-209; 14, с. 191-192; 44, с. 511-512; 59, с. 154-155; 56, с. 96-99, 104-106, 132-136, 147-149, 154, 168). В отличие от Лютера Цвингли представлял интересы радикальной группировки бюргерства, учение и программа деятельности последнего на данном этапе борьбы этой группировки за преобразование "системы феодализма" отражала необходимость разрешения наиболее острых общественных противоречий. Такое направление цвинглианство приобрело не без влияния на него идеологии гуманизма. Подвергая критике существующие порядки, особый гнев реформатор обрушил на тиранов-феодалов, которым угрожал суровыми карами, если они "не будут жить по Евангелию". Причину волнения он видел в ненависти народа к феодальным властителям и осуждал выстуление Лютера против крестьян. Необходимо также иметь в виду, что Цвингли энергично защищал интересы всех собственников "нефеодалного типа" и отрицательно относился к уравнильным требованиям, которые выдвигали Мюнцер и анабаптисты. Поэтому есть основания полагать, что сам Цвингли, сторонники и последователи его учения представляли в широком оппозиционном движении ту "среднюю равнодействующую всех прогрессивных сил", которая и отражала назревшую необходимость реформации не только католической церкви и "христианского благочестия", но и вместе с ними - государственной власти, социального строя и общественных отношений.

О перерастании реформационного движения в социально-политические акции свидетельствуют многочисленные факты. В качестве примера сошлемся на деятельность цвинглианского проповедника Кристофа Шаппелера в имперском городе Меммингене. Выступая с проповедями перед прихожанами в церкви св. Мартина, Шаппелер хотя и осуждал мятежные действия, за которые, по его словам, бедняков следует наказывать еще более строго, чем богачей, в то же время уже с 1521 г. не только подвергал критике официальную церковь, но и требовал отмены католической мессы, почитания икон и церковных десятин (74, с. 30). Летом 1524 г. Шаппелер возглавил массовое движение в городе и его округе за реформу церкви, отмену десятины и введение нового, более демократического порядка выборов в городской совет. Вскоре движение увенчалось успехом: церковь преобразована на цвинглианской основе, принято решение

об отмене десятин и изменен порядок формирования правящего совета (45, с. 44-46, 160). Отсюда можно заключить, что реформа церкви с необходимостью затрагивала и другие стороны жизни общества. Отмена десятин, облегчавшая положение трудящихся города и особенно деревни, создавала важную предпосылку для союза между ними в борьбе против существующего правопорядка. Это объясняет, почему события в Меммингене привлекли внимание руководителей крестьянских отрядов в Верхней Швабии, что превратило Мемминген в центр не только реформационного, но и крестьянского движения.

На связь Реформации с массовым общественным движением указывает и другой пример - крупного имперского города Аугсбурга, где центром реформационной пропаганды с мая 1524 г. стала церковь барфюссского монастыря, в которой должность проповедника занял популярный в народе монах-францисканец Иоганн Шиллинг (см.: 11, с. 269-273, 276-283, 286-292). По словам аугсбургского хрониста Вильгельма Рема, проповеди монаха "очень охотно слушал только простой народ, попы и некоторые члены совета слушали его без охоты" (69, с. 204-205). Источники сообщают и о том, что Шиллинг выступал "достойным осуждения образом" против духовных и светских властей, говорил о приоритете общины над-магистратом и утверждал, что "все вещи должны были бы стать общими", чем и "привлек на свою сторону плебеев, которые охотно поделили бы имущество богачей" (70, с. 156-157; 82, с. 26, 29). Проповедническая деятельность Шиллинга способствовала росту революционных настроений прежде всего среди городских низов, что и объясняет причину неприязни к нему правящей олигархии, которая и добила изгнания монаха из города. Однако изгнание Шиллинга послужило поводом для бурных плебейских волнений 6 и 9 августа. Аугсбургский живописец и хронист Георг Прей Старший полагает, что "умиротворение стоило трудов", так как в эти августовские дни "один дом выступал против другого, и нигде не было порядка" (65, с. 31). События в Аугсбурге подчеркивают не только значение "реформационного фактора" в общественной жизни города, но и своеобразную реакцию горожан на первые крестьянские выступления весной и летом 1524 г.

Еще одним выразительным примером, свидетельствующим о перерастании Реформации в социальное движение, может служить деятельность Балтазара Хубмайера, которая началась в конце 1523 г. в небольшом городе Вальдсхуте, расположенном на швейцарско-германской границе и находившемся под властью австрийского правительства в Энзисхейме, и развивалась под влиянием Цюриха. Реформация в Вальдсхуте была проведена на цвинглианской основе: служба стала совершаться на немецком языке, статуи и иконы удалены из церквей. По словам одного из очевидцев, Хубмайер "стал читать мессу на немецком язы-

ке, разорил церкви, продал церковные одеяния, дароносицы и утварь". Он же разрешил прихожанам во время поста по субботним и воскресным дням кушать мясо и отвергал целибат. Все эти мероприятия были одобрены и поддержаны Цвингли (60, с. 44-45). Деятельность Хубмайера в это время еще не выходила за рамки программы бюргерской реформации, но ее характер резко изменился под влиянием массового народного движения, которое развернулось на юго-западе германских земель примерно с середины 1524 г.

В июне этого года фогт Лауфенбурга Ульрих фон Хабсберг в письме членам правительства в Энзисхейме уверял своих корреспондентов в тесной связи повсюду вспыхивающих крестьянских волнений, участники которых, по его словам, "грозили перебить всех попов и дворян", с деятельностью Хубмайера в Вальдсхуте и радикальных проповедников в других местах (32, с. 277). Эта оценка деятельности Хубмайера, вероятно, имела под собою основания. Дело в том, что Хубмайер еще в апреле или мае 1524 г. составил "18 тезисов", узнав о содержании которых, епископ Констанца обвинил их автора, что тот будто бы утверждал: "Никто не обязан давать чинши, десятины, ренты и оброки и пребывать в послушании и быть подданным своего начальства" (60, с. 35-37, 39). И хотя сам факт выступления Хубмайера с такой программой уже в первой половине 1524 г. вызывает сомнения, в то же время нельзя не согласиться с тем, что популярность автора этой программы росла с углублением и обострением общественного кризиса. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ хрониста Генриха Хуга о возвращении Хубмайера осенью того же 1524 г. после почти двухмесячного изгнания в Вальдсхут, где "он был встречен с такой радостью, как будто сам Господь сошел к ним с небес" (54, с. 97). К тому моменту уже становится очевидным фактом тесное взаимодействие представителей радикального крыла Реформации с вожаками крестьянского движения. Вальдсхут установил союзнические отношения с крестьянами Шварцвальда и Клетгау, безоговорочно признал и поддержал их требования об отмене личного крепостничества, феодалных чиншей и церковных десятин (37, с. 235-236). Так под влиянием революционных событий фактически произошел переход Хубмайера на сторону восставшего народа. Прежде всего именно это обстоятельство указывает на ту роль, которую он, по мнению современников и очевидцев, сыграл в истории Крестьянской войны.

По словам Генриха Буллингера, преемника Ульриха Цвингли на посту реформатора Цюриха", поселившийся в Вальдсхуте Балтазар Хубмайер сначала был одним из наиболее прилежных и верных учеников Цвингли и усердно проповедовал "слово Божье", пока не прибыл в Вальдсхут к доктору Балтазару Томас Мюнцер - "большой бунтарь и совратитель". С этого момента, уверяет Буллингер читателя, Хубмайер "совершенно из-

менился", потому что Мюнцер посеял в его душе не только анабаптизм, но и "всякие злые волнения". И далее Буллингер пишет, что от Хубмайера Мюнцер отправился в Гриссен, где проповедовал и действовал таким образом, что уже в ноябре 1524 г. возбудил всех крестьян "против господ Лупфенов и Зульцев". Так Мюнцер посеял семена страшного мятежа, которые дали обильные всходы в следующем 1525 г. (41, с. 223-224). Эта точка зрения Буллингера вряд ли может быть безоговорочно принята: во-первых, Буллингер писал об упомянутых выше событиях много лет спустя; во-вторых, изображая дело таким образом, что "злые волнения" были "занесены" не только на территорию Швейцарского Сомза, но и в соседние с ним германские земли "чужаками". Впрочем, это не означает, что Буллингер сообщает заведомую ложь. Он пишет о действительно имевших место событиях, но трактует их по-своему, подчиняя повествование апологии цвинглианской реформации (22, с. 321-322, 378; 76, с. 94-118; 77, с. 196-203). В то же время Буллингер не был единственным современником и очевидцем событий, приписывавшим Хубмайеру выдающуюся роль в Крестьянской войне.

С точкой зрения протестанта Генриха Буллингера вполне совпадает мнение католика Генриха Хуга, который, характеризуя деятельность Хубмайера, называет последнего "злодеем перед Богом и совратителем народа". Хубмайер в Вальдсхуте, как пишет Хуг, не только осуществил преобразования церкви, но и сделал все, чтобы поднять народ на мятеж (54, с. 150-151). Еще более определенно на этот счет высказывается нотариус монастыря св. Блазия в Шварцвальде Андреас Летч, наблюдавший за событиями с достаточно близкого расстояния. Он сообщает о том, что в Вальдсхуте появился священник по имени Балтазар и стал энергично проповедовать против всех духовных и светских властей, заявляя, что никто никому ничего не должен, такими речами возбудил крестьян против начальства, и они не пожелали больше иметь над собой никаких господ, кроме всемогущего Бога. Поэтому, уверяет хронист читателя, если все как следует обдумать, "тот самый доктор Балтазар окажется зачинщиком всей Крестьянской войны" (67, с. 86). Близкой этой точки зрения придерживались и официальные власти - члены переднеавстрийского правительства в Энзисхейме и магистрата Цюриха (66, N 402-403, с. 390-391). И хотя эти точки зрения, с одной стороны, носят предвзятый характер, приписывая Хубмайеру роль, которую тот, вероятно, все же на самом деле не играл, с другой - указывают на факт тесной взаимосвязи радикально-бюргерской реформации с движением широких народных масс.

Несмотря на тенденциозный характер свидетельств источников о Хубмайере и неоднозначные оценки его роли в современной историографии (см.: 60, с. 94-95; 61, с. 46 след.; 49,

с. 135-137; 51, с. 77; 37, с. 53; 22, с. 345, 347, 380; 24, с. 874), все же можно сказать, что его деятельность свидетельствовала о возможности выступления при соответствующих общественных условиях представителя радикальной бюргерской оппозиции на стороне восставшего народа. При этом, правда, необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, Хубмайер чутко реагировал на все крупные перемены в социально-политической обстановке, и линия его поведения отражала сначала факт перерастания революционной ситуации в вооруженное восстание, развитие последнего по восходящей линии, затем спада и поражения антифеодального движения; с другой стороны, деятельность Хубмайера указывает и на то обстоятельство, что группировка радикального немецкого бюргерства хотя и встала на путь "буржуазного перерождения", но еще находилась в самом начале этого пути и не успела приобрести черты и качества буржуазии нового времени.

Исключительную роль реформационному движению в возникновении и развитии событий Крестьянской войны отводили лидеры феодально-католических сил, что нашло отражение в тайной переписке бургомистра Аугсбурга и представителя "городского сословия" в штаб-квартире Швабского Союза в Ульме Ульриха Арцта и баварского канцлера и фактического главы этого Союза Леонхарда фон Эка. Арцт в феврале 1525 г. писал, что повсюду возникающие мятежи появляются не сами по себе, а возбуждаются "некоторыми лицами духовного звания и учеными людьми". Они проповедуют новое учение, по которому ни один человек не должен принадлежать другому (43, 1879, № 34, с. 306). Пропаганду этого "неслыханно дерзкого учения" Арцт приписывал городам. В эти же дни Эк заявлял, что, по его убеждению, "многие города поддержали бы (крестьян), если бы они не опасались за свои состояния". По словам Эка, под влиянием революционных событий в городах произошел "большой раскол", так как "лютеровцы, которые бедны, считают крестьян правыми. Нелютеровцы и лютеровцы, которые богаты, считают крестьян неправыми" (40, с. 381, 402). Выводы Эка вряд ли бесспорны. Факты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев городские низы и среднее бюргерство сочувствовали или даже поддерживали крестьян, независимо от своей католической или "евангелической" веры, а среди "лютеровцев, которые богаты", также были люди, причем не только адепты учения Лютера, но и других конфессий, выражавшие симпатии "делу крестьян" и считавшие их требования "справедливыми". Вместе с тем содержание корреспонденции Арцта и Эка не оставляет сомнения в том, что эти лидеры феодально-католических сил были убеждены, с одной стороны, в неразрывной связи Реформации с социальным движением народных масс города и деревни; с другой - так же, как и другие современники и очевидцы событий, далеки от того, чтобы видеть

в социальных противоречиях выражение лишь профессиональных разногласий и "религиозного фактора", хотя и придавали последнему решающее значение.

Реакция на события Крестьянской войны не была одинаковой как со стороны городов различных типов, так и различных социальных прослоек их населения. Прежде всего отметим, что особенно активно себя проявляли княжеские города, которые требовали предоставления им статуса имперских городов и ликвидации сеньориального режима. Такие требования выдвигали жители Кинцингена (54, с. 87), Мергентхайма (64, с. 133), Кемптена (68, с. 379-381, 481), Вайсенхорна (68, с. 62, 86-72, 76-79), Нескирха и Оберндорфа (84, с. 524, 543, 627; 43, 1880, N 332, с. 334; N 354, с. 345). Горожане Кемптена, требуя освобождения от феодального гнета, заявляли, что в его условиях "простой человек не может добыть себе достаточного пропитания". Среди бюргеров Мергентхайма по этой же причине преобладало мнение, что всех немецких князей следует перебить, а их владения поделить среди нуждающихся. Порою борьба за установление коммунального строя, как об этом свидетельствует пример Вайсенхорна, переплеталась с борьбой за демократизацию органов городского самоуправления и изгнание из них представителей как католической церкви, так и феодального дворянства. Отсюда можно заключить, что в сложившейся к 1525 г. политической ситуации коммунальное движение горожан приобретало черты антифеодальной социальной революции, задачей которой становилось не только упразднение в городах власти феодальных сеньоров, но и преобразование всего общественного правопорядка.

События Крестьянской войны обнаружили близость экономических и социальных интересов крестьян и населения прежде всего, небольших княжеских городов. В этой связи заслуживают внимания требования восставших бюргеров форхейма и Бамберга. Повстанцы в Форхейме требовали: 1) свободы охоты и рыбной ловли; 2) снижения церковной десятины до 1/30 доли урожая; 3) отмены поборов за пользование землями альменды; 4) ликвидации податных привилегий духовенства и дворянства; 5) юрисдикции светских судов над духовенством по долговым обязательствам последнего (52, с. 15-26; 67, с. 315). Бюргеры Бамберга требовали свободы евангелической проповеди, отмены привилегий духовенства и дворянства. Формально признавая епископа сеньором города, они отказывались, однако, приносить присягу капитулу, требовали отмены малой десятины, восстановления прав горожан и крестьян на земли альменды (67, с. 408). Антифеодальная тенденция общественного движения достаточно отчетливо себя проявляла и в имперских городах. В Швебиш-Галле бюргеры вместе с крестьянами городской округи намерены были овладеть земельными владениями Ордена иоаннитов и других монастырей (67, с. 417-418). Ма-

гистрат Меммингена под влиянием революционных событий и по требованию горожан пошел на отмену в своей округе лично-наследственной зависимости крестьян, объявил о свободе охоты и рыбной ловли, установил свободу выбора деревенских священников, причем личная зависимость крестьян не была здесь восстановлена и после поражения восстания (74, с. 129; 44, с. 523; 59, с. 232; 38, с. 161, 225-226). На основании рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что крестьян и горожан объединяла борьба за реформу церкви, секуляризацию и раздел церковного землевладения, уменьшение или даже полную отмену десятины, уравнивание в правах всех сословий и отмену лично-наследственной зависимости. Упразднение последней означало признание свободы исхода сельских жителей в города и свободу обращения на рынке не только товаров, но и рабочей силы.

Своеобразными чертами характеризуются программные требования плебейско-бюргерской оппозиции в Аугсбурге, где в конце августа или начале сентября 1524 г. возник заговор. Заговорщики намерены были осуществить насильственный переворот и поставить во главе цеховых корпораций и в городском совете людей, "которые не были бы против слова Божьего" (70, с. 190-194). Заговорщики составили программу в 12 статьях, из которых известны только 9, так как 3 статьи, полагает издатель этой программы В. Фогт, были самыми радикальными и их не назвал никто из арестованных даже под пытками (82, с. 14). Программа городской бедноты и цеховых ремесленников была принята на одном из заседаний заговорщиков 3 сентября в доме каменщика Хаза (70, с. 19). 4 из 9 статей посвящены церкви и решению религиозного вопроса. Ст. 1 требовала проведения в жизнь принципа свободы евангелической проповеди, ст. 3 и 4 - секуляризации церковных имуществ и отмены большой и малой десятины, ст. 8 - отмены податных привилегий духовенства. Ст. 2, 5, 6 и 7 содержали требования ослабления податного бремени, свободы занятий пивоварением и выражали недоверие правящему совету. Эти статьи не выходили за рамки требований программы местной бюргерской оппозиции. Только в ст. 6 сформулировано требование "упразднить все компании", чтобы "каждый торговал за самого себя", которое отвечало интересам не только аугсбургского бюргерства, но и являлось продолжением общественного движения, развернувшегося еще до Реформации вокруг вопроса о так называемых "монополиях" (см.: 21, с. 198 след.; 25, с. 388; 10, с. 201-202). В наиболее радикальной по содержанию ст. 9 сказано, что если "кто-либо из членов совета воспротивится им (т.е. заговорщикам. - Ю.Н.), того они намерены принудить к повиновению силой". В целом программа заговора, хотя его история не содержит достоверных фактов о контактах его участников с крестьянским движением, в условиях подъема обществен-

ного движения все же указывала путь, на котором движение бюргерства и городских низов, направленное против господства правящей олигархии и католической церкви, могло слиться с освободительным движением крестьянства

События Крестьянской войны убедительно показали, что успехом могло увенчаться только бюргерское движение, прочно опиравшееся на союз с крестьянскими массами. Наглядное тому подтверждение - события в дунайской низменности Риза, которые еще в конце прошлого века были обстоятельно исследованы Л.Мюллер. Крестьянское движение в Ризе отличалось значительным размахом, и его руководители встали на путь установления контактов с бюргерской оппозицией, особенно в Нердлингене. Однако лидер бюргерской оппозиции в этом городе, популярный в народе Антони Форнер, из опасения репрессий со стороны Швабского Союза не только не поддержал крестьян, но и выступил против союза с городами Динкельсбюлем и Ротенбургом (63, т. 15, с. 118), что указывает на недостаточную политическую зрелость той группировки немецкого бюргерства, которая в конечном счете оказалась неспособной повести за собой народ на борьбу за свержение феодального режима и установление нового общественного строя. Но отметим и тот факт, что в этом же бюргерстве существовали силы, отразившие в своей деятельности более высокую степень осознания необходимости поддержки крестьянства.

В этой связи заслуживает внимания движение в Нердлингене и его окрестностях, которое возглавил стеклодув по профессии Бальтазар Фенд. Он выдвинул проект, предусматривавший закрытие монастырей, изгнание католического духовенства и графов Эттингенских, введение "евангелической веры", отмену всех феодальных чиншей, присоединение всей территории Риза к Нердлингену и установление на ней республиканского строя (63, т. 15, с. 55; т. 16, с. 57). Один из документов архива Арцта не оставляет сомнения, что в осуществлении этой программы Фенд намерен был опираться на революционное движение крестьян и широких слоев городского населения (43, 1883, N 650, с. 83). Г.Франц полагает, что проект фенда не нашел поддержки со стороны крестьян (49, с. 213). факты, однако, вносят корректив в такую интерпретацию событий. Когда ночью с 3-го на 4-е апреля 1525 г. в Нердлингене началось восстание, Фенд попытался убедить повстанцев, что справедливость в этом мире может быть восстановлена только с помощью крестьян. Но против союза с крестьянами выступил Форнер, и его точка зрения возобладала: город официально отмежевываясь от действий крестьянского отряда в Дайнингене. Победа Форнера, однако, не означала отказа фенда от поддержки крестьянского движения в Ризе, в котором многие сторонники последнего приняли активное участие (63, т. 16, с. 57, 60, 69, 74), и проект фенда не был

реализован по той причине, что общественное движение, с помощью которого его автор намерен был достичь намеченной цели, потерпело поражение. В то же время и программа Фенда, конечно же, не отражала требования плебейской оппозиции. По существу Фенд сформулировал требования той радикальной группировки немецкого бюргерства, которая более всего была заинтересована в реализации проекта преобразований, подготавливавших почву для быстрого развития капитализма. Но стойкость и последовательность, проявленные Фендом и его сторонниками и выражавшие историческую необходимость политического союза в борьбе против феодального строя нарождавшейся буржуазии с широкими слоями населения города и деревни, не стали нормой практической деятельности радикальной бюргерской оппозиции. Последняя, проявляя склонность к компромиссам с противостоящими ей силами, не сумела, однако, надежно защитить как общенародные, так и собственные интересы.

Радикальная оппозиция в городах, имевшая целью создание общенародного союза борьбы с феодальным правопорядком, активно себя проявляла и в других местах юго-западного региона германских земель. Так, в Кемптене деятельность этой оппозиции была связана с именами "евангелических проповедников" - Ганса Эберлина и Эндреса Видемана. Первый из них призывал к войне против всех феодальных властей и Швабского Союза, чтобы "изгнать и перебить духовных и светских (господ), а также простых дворян". Видеман "проповедовал новое проклятое еретическое учение" и энергично вел пропаганду в сельских округах городов Вальдзее, Лейткирха и Меммингена, в самом Кемптене, призывая к устранению феодальных властей (43, 1883, N 770, с. 161-165; N 775, с. 168; N 783, с. 171; N 786, с. 172-173; N 797, с. 181-182). Кемптенский бюргер Маттеус Берс, находясь по торговым делам в Меммингене, призывал горожан к восстанию и пытался убедить их, что благодаря крестьянским волнениям представляется благоприятный случай захватить власть не только в Меммингене, но и в Кемптене (32, N 385, с. 319-320). Все эти факты свидетельствуют о существовании во время Крестьянской войны радикальной группировки в городах, которая выступала за свержение феодальных властей и крайние меры по отношению к обоим "благородным сословиям".

Подтверждением таких наблюдений может служить деятельность крестьянского отряда в Альгау под предводительством Йерга Кнопфа (см.: 22, с. 396-399, 401-409, 413, 453; 62, с. 57 след.), который, по словам санкт-галленского хрониста Иоганнеса Кеслера, мирной тактике переговоров руководителей других отрядов в Верхней Швабии предпочел меч (55, с. 176, 180 след.). На допросах Кнопф показал, что он советовался с горожанами "о всех делах". Причем Кнопф надеялся

привлечь на свою сторону не только плебейские низы, но и бюргерскую оппозицию, хотя и сознавал, что магистрат Кемптена стоял за урегулирование конфликта с аббатом "на правовой основе" и путем переговоров, тогда как радикальные элементы городского плебейства и бюргерства выступали за то, чтобы предать владения сеньора города "разорению, разрушению и сожжению". Настроения последних полностью соответствовали планам самого Кнопфа, который намерен был во всей Швабии закрыть монастыри, изгнать и перебить дворян, "захватить имущества последних и освободить всех "бедных людей" от власти духовных и светских феодальных властителей; при этом монастыри и рыцарские замки, по убеждению того же Кнопфа, следовало сжечь или разрушить. Кнопф показал также, что решение о секуляризации владений Кемптенского аббатства и разрушении рыцарских замков было принято с согласия и одобрения горожан. С целью реализации этой программы Верхнеальгауский отряд намерен был вступить в союз с городами Кемпеном, Меммингеном, Кауфбойреном, Исни и в отношении первых двух городов, по словам Кнопфа, добился претворения своего плана в жизнь (32, N 407, с. 348-349; N 419, с. 379-387; N 423, с. 397). Таким образом, радикальная группировка в крестьянском движении, возглавляемая Кнопфом, вполне определенно следуя учению Мюнцера и программе народной реформации, ставила своей целью в союзе с городской оппозицией последовательную реализацию идеи насильственного общественного переворота.

Во время Крестьянской войны активно себя проявляла и плебейская оппозиция, которая порою выдвигала собственную программу требований, что, в частности, можно проследить на примере Аугсбурга. Здесь, как мы видели, в проповедях монаха-францисканца Шиллинга еще летом 1524 г. звучали призывы к установлению общности имуществ. В начале 1525 г. между католическим священником Иоганном Кретцем и последователем учения Цвингли Михаэлем Келлером развернулась острая полемика, в ходе которой оппоненты привели факты о том, что среди городской бедноты были люди, которые осуждали частную собственность, призывали к установлению общности имуществ, простоты нравов и обычаев в соответствии с буквой и духом Священного Писания (70, с. 187, прим. 67). Именно таких людей имел в виду хронист Клеменс Зендер, рассказывая о предохранительных мероприятиях магистрата, которые были направлены на то, "чтобы чернь не совершила предательства и не передала город в руки и власть мятежников" (75, с. 154). В первых числах апреля 1525 г. в Аугсбурге были арестованы некий Линхарт Майер и три его товарища, которые "произносили мятежные речи". Посещая дома бедняков, Майер говорил, что богачей следует казнить, а их имущества раздать нуждающимся беднякам. На допросе Майер показал также, что он на-

мерен был вместе со своими сторонниками в тот момент, когда крестьяне подойдут к стенам Аугсбурга, "схватить богатых плутов, умертвить, трупы сбросить с городских стен и разделить их имущества с крестьянами" (43, 1880, № 168, с. 243; № 188, с. 255). Таким образом, в Аугсбурге, несмотря на профилактические акции магистрата, продолжала существовать плебейская оппозиция, которая готова была пойти на крайние меры и устроить в городе "всеобщую кровавую резню". Настроения прежде всего таких радикальных элементов имел в виду Арцшт, утверждая, что в штаб-квартире Швабского Союза преобладает мнение о враждебном отношении многих горожан к официальным властям и их сочувствии мятежным крестьянам (43, 1883, № 691, с. 102). С этим утверждением Арцшта вполне можно согласиться, но возникает другой вопрос: каким образом поддержка горожанами "дела крестьян" была связана с идеей общности имущества и возможна ли была в условиях того времени реализация этой идеи на практике?

Рассматривая вопрос о характере деятельности плебейской оппозиции во время Крестьянской войны, Ф.Энгельс отмечает, что эта оппозиция была весьма разнородной по своему социальному составу и сильно зависела от крестьянского движения. "Лишь в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и в других местах под влиянием его учеников плебейская часть городского населения была настолько увлечена революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными элементами, участвовавшими в движении". Однако деятельность этой радикальной группировки, с необходимостью приобретаемая "преимущественно фантастический отпечаток и ... способ, каким она выражала свои требования, должен был отличаться большой неопределенностью, ибо она менее всего имела твердую почву в тогдашних общественных отношениях" (см.: 28, с. 354-356). Несколькими страницами ниже, возвращаясь к вопросу о требованиях плебейской оппозиции, Энгельс делает вывод, что в ее деятельности "предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений". Подчеркивая, что идея общности имущества выдвигалась угнетенными и эксплуатируемыми массами в середине века издавна, Энгельс в то же время утверждает, что "только у Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы" (28, с. 363-364, 413). В другом месте, указывая на то, что "буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью", и "при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата", он полагает, что "таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во

время Реформации и Крестьянской войны в Германии" (29, с. 190-191). В целом отношение Энгельса к плебейской оппозиции отличает известная двойственность: с одной стороны, трезво оценивая сложившуюся в городах ситуацию, он представляет эту оппозицию "в виде шумной, склонной к грабежам толпы, которую можно купить за несколько бочек вина и которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции" (28, с. 355); с другой стороны, приписывает тому же плебейству благородные помыслы борца за справедливость и социальное равенство. В то же время вполне очевиден тот факт, что большинство участвовавших в общественном движении крестьян не разделяло призывов радикальных элементов в движении к обобществлению имущества, а стремились к укреплению владельческих прав на землю и освобождению от стеснительных пут феодальной зависимости. Не вызывает сомнения и другой факт: руководствуясь различными мотивами, но в одинаковой мере энергично и последовательно в роли защитников института частной собственности выступало и подавляющее большинство городского бюргерства. "Предшественники современного пролетариата" зачастую являлись носителями социальной психологии, присущей городским люмпенам, и поддерживали требование обобществления имущества из сугубо эгоистических побуждений: секуляризацию церковно-монастырских владений и конфискацию собственности вообще всех богачей ("больших Гансов") они надеялись подвергнуть уравнительному переделу или полностью обратить на нужды городской благотворительности. Магистраты, руководствуясь собственными интересами, порою поддерживали в городских низах такие настроения, предупреждая в то же время последних, что этим планам могут помешать крестьяне, если они овладеют церковными имуществами и откажутся выполнять повинности в пользу благотворительных учреждений в городах. Так воздвигалась стена отчуждения между городом и деревней. Необходимо также иметь в виду, что плебейская оппозиция отличалась слабой организованностью и, как правило, была способна только на стихийные эксцессы.

Программные требования крестьян и имущих слоев бюргерства были далеки от уравнительных идей. В обстановке массового общественного движения в конце февраля или первых числах марта 1525 г. в Меммингене руководителями крестьянского движения в Верхней Швабии была принята знаменитая программа "12 статей", являвшаяся синтезом многочисленных крестьянских жалоб: только в районе действий Бальтрингенского отряда крестьяне передали на рассмотрение Швабского Союза более 300 таких документов. В этой ситуации возникла острая необходимость сведения крестьянских жалоб и требований местного значения в единую программу. Предводитель Бальтрингенского отряда Ульрих Шмид занялся поисками людей, способных обосновать крестьянские требования с помощью Евангелия. Та-

ких людей он нашел в Меммингене, где за это взялись городской проповедник Кристоф Шаппелер и скорняк-подмастерье Себастьян Лотцер (см.: 22, с. 439-442; 59, с. 232; 80, с. 38-39). Оба эти деятеля бюргерской оппозиции находились под сильным влиянием учения Цвингли, выступали против насильственного свержения "старых властей" и делали все от них зависящее, чтобы разрешить конфликт противоборствующих сторон "на правовой основе" и избежать вооруженных столкновений. Эту линию их поведения, помимо прочего, можно объяснить и интуитивно осознаваемой лидерами общественного движения в юго-западном регионе германских земель опасности гражданской войны.

Программа "12 статей", по мнению Г.Фоглера, имела в своей основе умеренную интерпретацию принципа "божественного права", и ее авторы были противниками "непослушания властям". Однако трактовка Шаппелером в преамбуле программы этого лозунга-требования отличалась известной двойственностью, так как не признавала мятежом повсеместно происходившие собрания крестьян и их объединение в вооруженные отряды (80, с. 40-41). Определяя значение программы "12 статей", необходимо принять во внимание следующие обстоятельства: во-первых, сам факт появления общей программы крестьян и сформулированный в ней принцип "божественного права" способствовали установлению единства действий участников общественного движения; во-вторых, крестьянская программа была составлена под непосредственным влиянием радикальной реформационной доктрины, в чем прослеживается попытка бюргерской оппозиции подчинить своим целям и направить крестьянское движение в необходимое ей русло. Тот же Фоглер отмечает, что принцип "евангелизма", являющийся ключом к пониманию сущности "12 статей"; можно трактовать не только как идеологическое обоснование крестьянских требований, но и как инструмент, с помощью которого реформационное движение пыталось воздействовать на деревню таким образом, чтобы осуществить в ней преобразования. Программа была направлена на улучшение экономического, социального и правового положения крестьян и отразила их субъективную реакцию на процесс зарождения капитализма и переходный характер эпохи (81, с. 215-217). П.Бликле называет "12 статей" швабских крестьян "книгой жалоб, программой требований и политическим манифестом" (38, с. 26). "Субъективная реакция" крестьян на новые веяния в социально-экономической жизни выразилась прежде всего в осознании ими факта необходимости ведения в новых условиях рентабельного хозяйства, что, по мнению авторов программы, возможно лишь в том случае, когда это хозяйство вел свободный производитель. Отсюда становится понятным, почему бюргерская оппозиция энергично поддерживала требование об освобождении крестьян от лично-наслед-

ственной зависимости и проистекавших из последней повинностей. Точку зрения современников на программу швабских крестьян выказал убежденный противник революции монах-бенедиктинец Иоганнес Кнебель, по словам которого, "ее статьи служили (делу) свободы, потому что каждый (человек) должен был стать свободным и не иметь над (собой) никаких господ, кроме Бога и императора". (68, с. 250). В высказывании Кнебе-ля, несмотря на тенденциозную оценку его автором самих событий Реформации и Крестьянской войны, достаточно точно отражено отношение очевидцев и участников этих событий к самому популярному документу крестьянского освободительного движения.

Примером решения "крестьянского вопроса" в соответствии с интересами радикальной группировки немецкого бюргерства может служить политический памфлет анонимного автора "Собранию простого крестьянства" (см.: 33). Этот документ Крестьянской войны вызвал противоречивые оценки как в западной (см.: 85, с. 334-337; 83, с. 224; 42, с. 82 след., 114-115, 117-118, 127), так и в марксистской (см.: 53, с. 530 след.; 23, с. 127 след.; 36, с. 68; 59, с. 248-250; 80, с. 57-59) историографии. Поскольку автор настоящей статьи уже обращался к анализу текста памфлета (см.: 17, с. 83-100), здесь он ограничивает свою задачу кратким рассмотрением таких сторон содержания документа, как: 1) концепция светской власти и ее назначение; 2) право подданных на сопротивление "безбожным правителям"; 3) отношение автора памфлета к событиям Крестьянской войны и программным требованиям крестьян.

Автор памфлета, формально признавая политическое верховенство императора, сосредотачивает в то же время внимание на проблеме территориальной власти и этических принципах ее деятельности. Он требует, чтобы власть не превращалась в "безбожную тиранию" и исполняла свои функции на благо всем подданным. Власть же тиранов попирает "общую пользу", разрушает единство власти и подданных, противопоставляя себя подданным как стоящая над ними сила. В памфлете также содержится резкая критика княжеского мелкодержавия, корыстного образа правления князей и жестокого угнетения ими подданных. Называя таких правителей змеями, драконами и волками, Аноним пишет, что их сердца преисполнены равнодушием и презрением к "нищете простого человека". Осуждая тиранию, он обращается к историческому опыту Швейцарского Союза, познавшего жестокое угнетение простых людей тиранией дворян, от которой он освободился с помощью "большой войны, кровопролития и ударов меча" (ср.: 55, с. 198). Автор вообще избирает Швейцарский Союз в качестве примера для подражания. Идеализация в памфлете общественных порядков соседних с Германией швейцарских кантонов отразила настроения широких

слоев населения (см.: 70, с. 108; 43, N 393, с. 366; 67, с. 48; 47, с. 73). Аноним выступает также против средневекового принципа разделения властей на духовные и светские, заявляя, что власть должна быть сосредоточена в одних руках. Не вызывают также сомнения республиканские симпатии и даже убеждения автора памфлета. Его политическая концепция обнаруживает связь, с одной стороны, с идеологией гуманизма (см.: 26, с. 73), с другой — близость учению Цвингли о "христианском государстве" (см.: 71, с. 40, 49 след., 74-75, 108-112, 129-130), преодолевает дуализм учения Лютера о "двух сферах права" и превосходит некоторые положения политических доктрин нового времени о назначении самого института государственной власти.

В отличие от Лютера, который требовал от подданных послушания любым властям, автор памфлета развивает теорию о праве подданных на сопротивление и смещение "безбожных правителей", которых в таковых превращает тирания. Поэтому Аноним видит свою задачу в том, чтобы установить взаимосвязь права подданных на устранение "безбожных властителей" с буквой Библии. В этой связи он отмечает, что сначала подданные поверили Лютеру и "остались спокойными". Но теперь наступили другие времена. Первая заповедь гласит, что правители обязаны действовать не по своему произволу, а руководствуясь только "божественной юрисдикцией" и в допустимых Богом пределах. Вторая заповедь требует, чтобы власти служили добру, а не злу. Аноним утверждает, что Бог освободил подданных от послушания тем властям, которые нарушают эту заповедь. Поэтому если власти не будут внимать "голосу разума", общины тогда вправе вооружиться мечом и воздействовать на правителей силой. Бог разрешает подданным изгонять "безбожных властителей", которые своими действиями попирают "общую пользу". Рассматривая вопрос, как устранить "безбожные власти", автор памфлета выражает убеждение, что это по праву принадлежит общинам, их объединениям и не может быть делом "мятежного плебса". Общины обязаны предотвратить свержение правителей, к чему призывают "простой народ" "живые пророки". Такие рекомендации отражают не только социальную ориентацию анонимного автора, но и позицию радикальной группировки городского бюргерства.

Вслед за творцами "12 статей" анонимный автор признает правомерность выступления крестьян против феодальных господ и рассматривает эти выступления как реализацию права подданных на сопротивление тирании, поскольку именно сейчас, когда созданы большие отряды, Бог, по его словам, открыл двери в крепость своей веры. Аноним, однако, озабочен тем, что "господа", используя излишнюю доверчивость крестьян, обманут их, а руководители крестьянских отрядов упустят благоприятный момент, чтобы привести движение к победонос-

ному завершению. Он же поддерживает только умеренное направление в крестьянском движении и резко осуждает деятельность его радикального крыла. Имея в виду, по всей видимости, анабаптистов и Мюнцера, автор памфлета пишет, что "пророки, возбуждающие мятежи, действуют против Бога, и призывы к мятежу не принесут простому народу ничего, кроме страданий". Поэтому он рекомендует крестьянам встать на путь урегулирования отношений с "господами" путем переговоров, противопоставляя мятежным настроениям и действиям принцип "братского единения и любви". По его мнению, отряды прибегающие к насилию, сами становятся "безбожными", по справедливому приговору Бога подвергаются избитию, поскольку они превращаются в "отвергнутую Богом тиранию" (ср.: 48, с. 236; 35, с. 269, 278-279, 284-285, 302; 72, с. 473; 480, 489, 497-498; 79, с. 261-262; 55, с. 197-198; 14, с. 192-194, 196-201). Этими соображениями в значительной степени обусловлено и отношение автора памфлета к программным требованиям крестьян.

Он резко осуждает феодальных властителей, взимающих со своих подданных "несправедливые поборы", считая угнетение этими властителями "простых людей" проявлением осуждаемой Богом тирании. Аноним обрушивает огонь критики на епископов и прелатов церкви, гритесняющих народ рейтами, оброками и другими поборами "сверх всякой меры". "Кровавые злодеяния князей церкви", как он полагает, осуждены и Богом, и миром. Так автор памфлета подводит читателя к мысли о необходимости секуляризации церковных имуществ (в первую очередь земельных владения), но оставляет открытым вопрос о судьбе этих имуществ. Он объявляет также "незаконным" и проявлением "ужасной тирании" захват феодалами общинных угодий, что сильно затруднило "простому человеку" изыскание средств на пропитание вдов и сирот. Поэтому Аноним требует восстановления свободы пользования альмендой для всех, "кто сидит на своих наделах". Это требование направлено как против захватчиков общинных угодий - феодальных сеньоров, так и против многочисленного в юго-западном регионе германских земель отряда "ткачей-крестьян" (Weberer), главным источником существования для которых было ткачество, а подспорьем служили parcelлы пахотной земли (или всего лишь приусадебные участки) и права на пользование альмендой. Д.У.Сейбин достаточно убедительно показал, что "ткачи-крестьяне" подвергались капиталистической эксплуатации со стороны городских "раздатчиков" (Verlegern) (см.: 73, с. 39, 100-102). Отметим также, что требование возвращения земель альменды общинам автор памфлета связывает с революционным прошлым "простых людей" и особенно - "любезным мне союзом Башмака". Он же выступает за упорядочение пошлин, прямых и косвенных налогов, которые впредь должны поступать на общественные нуж-

ды, а не на удовлетворение корыстных интересов феодальных господ. Автор памфлета открыто выражает симпатии и поддержку крестьянам, которые ведут борьбу с феодалами за укрепление владельческих прав на землю (или даже превращение своих наделов в частную собственность) и за отмену лично-наследственной зависимости.

М.М.Смирин и М.Штейнмец утверждают, что Аноним отражал интересы крестьянской верхушки и зажиточных слоев деревенского населения, и идеал социального равенства нигде не встречается на страницах памфлета (23, с. 130, 134; 58, с. 250). В этой связи необходимо принять во внимание следующее. Автор памфлета, несомненно, является противником идеи общности имущества и сторонником института частной собственности. Но в то же время в памфлете ясно выражена мысль о необходимости ликвидации политических и социальных привилегий духовенства и дворянства, предоставления буржерам и крестьянам равных прав с представителями "благородных сословий" феодального общества. Аноним выступает в роли защитника интересов всех собственников нефеодального типа, призывая крестьян не простирать руки на состояния других людей и не обогащаться за их счет. Такая реакция на крестьянские требования и такие настроения в буржержской среде были широко распространены во время Крестьянской войны в юго-западном регионе германских земель, о чем, в частности, убедительно свидетельствуют городские хроники (12, с. 136-142). И это следует признать закономерным явлением, поскольку нарождающийся класс городской и сельской буржуазии в условиях той эпохи стремился к преобразованию феодальной собственности (в том числе на землю) в "свободное достояние" и тем самым фактически способствовал ее вовлечению в систему рыночных отношений.

* * *

Теперь подведем некоторые итоги.

Центральным вопросом любой революции, как известно, является вопрос о власти. Согласно марксистской точке зрения, политическая борьба, с одной стороны, "представляет собой не что иное, как иллюзорные формы, в которых ведется действительная борьба классов друг с другом" (8, с. 32); с другой стороны, "переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции" (4, с. 133). Революция, по словам В.И.Ленина, принадлежит к тому периоду истории, "когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время" (3, с. 8-9). Таким образом, революция (по Ленину) "исправляет" "зигзаго-

образное" движение человечества по ступеням прогресса и придает такому движению необходимую закономерность. Между тем К.Маркс и Ф.Энгельс еще в "Манифесте коммунистической партии" возвестили, что "история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов", всегда имевшей своим итогом победу одного класса над другим или гибель участвующих в борьбе классов (9, с. 424). Следовательно, марксистская концепция революции, в том числе переходной от феодализма к капитализму эпохи, сводится к тому, что любая революция (как высшая форма политической борьбы), какой бы "иллюзорной" она не представлялась нашему сознанию, имеет своим итогом победу буржуазии, выступающей в союзе с широкими народными массами, или ее поражение. Сторонники такой концепции трактуют политический компромисс буржуазии со "старыми классами" феодального общества как проявление недостаточной "зрелости" самой буржуазии и "незавершенности" буржуазной революции переходной от феодализма к капитализму эпохи. Марксистская концепция выдвигает на роль "повивальной бабки" истории вообще и оптимального механизма перехода от феодальной системы к капиталистической - н а с и л и е. Сторонники этой точки зрения приводят в качестве аргумента победоносные ранние буржуазные революции XVI-XVIII вв. в Нидерландах, Англии и Франции. Но другим народам Западной Европы, в том числе Германской империи, такие революции не известны. Данное обстоятельство по крайней мере ставит под сомнение тезис марксистской историографии о безусловной закономерности и неизбежности революции в качестве обязательного условия перехода от феодализма к капитализму. Отсюда можно заключить, что поскольку творцами истории являются люди, они же делают выбор между революцией и эволюцией, мирным путем развития и гражданской войной, диктатурой (или авторитарной властью) и демократией. Попытаемся, однако, эти теоретические положения рассмотреть сквозь призму событий Крестьянской войны в Швабии.

В памфлете-призыве "Собранию простого крестьянства" и в некоторых программных документах, отразивших деятельность бюргерской оппозиции в юго-западном регионе германских земель, было выдвинуто требование, на что обращают внимание и западные историки, о передаче власти от прежних ее структур территориальным крестьянско-бюргерским союзам и об изменении функции самого института власти. И хотя тезис, трактующий институт власти как общественную должность, впервые был сформулирован еще Лютером, только представители радикального крыла бюргерской оппозиции поставили в повестку дня вопрос о приведении этого принципа в соответствие с реальной действительностью, т.е. предприняли попытку перенести его из области теории на почву практики. Правда, в Швабии во время Крестьянской войны общественное движение не выдвинуло

проектов, предусматривавших создание единого национального немецкого государства. Причину такого явления следует искать не только в положении Германии к 1525 г., но и в ее прошлом, когда она, в отличие, к примеру, от Англии и Франции, не использовала в силу объективных и субъективных обстоятельств своего исторического шанса на создание централизованного государства. В таких условиях даже радикальные элементы бюргерской оппозиции ограничивали свою задачу строительством нового типа государственности на территориальной основе. Другой фактор, который необходимо иметь в виду, это - влияние "швейцарского примера". К началу революции швейцарские кантоны в длительной и упорной борьбе с феодальными суверенами (прежде всего Габсбургами) образовали в политическом отношении независимую от Империи конфедерацию, общественный строй которой идеализировался не только на уровне обыденного сознания, но и в той или иной мере и на уровне теоретическом - гуманистами и лидерами общественного движения в Швабском районе Крестьянской войны. Однако при благоприятном исходе революционных событий вполне реальной могла стать перспектива превращения территориальных государственных образований в промежуточное звено на историческом пути к централизованному государству федеративного или конфедеративного типа.

Исход революционных событий во многом зависел от позиции городов и различных слоев их населения. В этой связи отметим, что патрицианско-бюргерская верхушка южнонемецких городов во время Крестьянской войны, как правило (что особенно наглядно прослеживается на примере Аугсбурга), выступала на стороне сил "старого порядка", сосредотачивая усилия как на подавлении "беспокойных элементов" в самих городских общинах, так и на предотвращении солидарных действий городской оппозиции с восставшими крестьянами. Правда, успех или неудача этих усилий во многом определялись соотношением социальных сил в самих городах. Дело в том, что в тех случаях, когда правящая олигархия утрачивала контроль над событиями, не только плебейские низы, но и среднее бюргерство вовлекалось в революционный процесс и оказывалось на стороне восставших крестьян. В то же время позиция самого бюргерства не отличалась последовательностью: с одной стороны, оно находилось в оппозиции к существующему правопорядку, католической церкви и феодальному дворянству, с другой - испытывало страх перед уравнительными тенденциями в общественном движении и являлось сторонником ненасильственных средств в разрешении социальных конфликтов. Необходимо также принять во внимание, что то же бюргерство многими нитями было связано с феодальным землевладением, которое, правда, оно же стремилось преобразовать, как уже отмечалось, в "свободное достоиние", т.е. фактически в буржуазную собст-

венность. На первый взгляд, неизменными были симпатии к восставшим крестьянам плебейства городов. Многочисленные факты и на самом деле указывают на участие, в революционных событиях тех социальных слоев, которые можно рассматривать в качестве "предшественников современного пролетариата". При этом, однако, необходимо иметь в виду, что в крестьянских отрядах в Швабии, к такому выводу пришел еще Ф.Энгельс, "мюнцеровская партия" "всюду составляла меньшинство" (28, с. 401). И хотя современная историография вносит корректив в этот вывод (в Альгау, в частности, в Кнопфе и его сторонниках есть основания видеть убежденных мюнцерианцев), этот же вывод следует признать правомерным в том смысле, что в отличие от Тюрингии в Швабии во время Крестьянской войны преобладало влияние представителей иного направления в реформационном движении. Программные требования, тактика и стратегия деятельности лидеров и идеологов этого направления определялись прежде всего положениями цвинглианской реформационной доктрины, которая отражала настроения и интересы имущих слоев городского и деревенского населения, были устремлены к достижению компромисса с противостоящими им силами и к преобразованию феодальных институтов ненасильственными средствами. Любой крестьянин, и вообще каждый "простой человек" (der gemeine Mann), готовы были на определенных условиях признать за дворянами права землевладельцев, но отказывались признавать за ними права феодальных сеньоров. Очевиден и тот факт, что попытки радикально-бюргерской оппозиции направить массовое народное движение на реализацию программы ранней буржуазной революции хотя и имели место, но потерпели неудачу. Произошло это, помимо прочего, и по причине как недостаточной политической зрелости "буржуазных элементов" в самой бюргерской оппозиции, так и в силу неприятия значительной частью народных масс ценностей новой системы экономических отношений и соответствующего ранней стадии мануфактурного капитализма социально-психологического менталитета, что было тесным образом связано с живучестью в средневековых городах люмпенско-уравнительных настроений. Последнее обстоятельство, в равной степени и противодействие сил "старого порядка", создавали трудно преодолимые преграды на пути радикальных преобразований государства и общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкин Ю. А. Эволюция представлений Мартина Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1527-1525 гг.) // ЕИИ. 1978. М., 1979.
2. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 2. Коммунизм в германской реформации. М., 1919.

3. Ленин В.И. Против бойкота // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 16.
4. Ленин В.И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31.
5. Майер В.Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.
6. Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.
7. Майер В.Е. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны в Германии // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.
10. Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.
11. Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май - сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977.
12. Некрасов Ю.К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41.
13. Некрасов Ю.К. О роли городов в событиях крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. 1977: № 4.
14. Некрасов Ю.К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978.
15. Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984.
16. Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.
17. Некрасов Ю.К. Концепция "революции простого человека" в современной западногерманской историографии // ЕГИ. 1985. М., 1986.
18. Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества // ИСУ. 1987.
19. Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
20. Павленко В.Г. Социально-политические воззрения М. Лютера по "Застольным речам" // Проблемы германской истории.

Вологда, 1973. Вып. 2.

21. Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979.

22. Смирин М.М. Томас Мюнцер и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.

23. Смирин М.М. Об одном анонимном политическом памфлете Великой крестьянской войны // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. Вып. 3.

24. Смирин М.М. Губмайер // СИЭ. М., 1983. Т. 4.

25. Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV-XVI вв.). М., 1989.

26. Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерк из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978.

27. Соловьев Э. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.

28. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.

29. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18.

30. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1981.

31. Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524 / Hrsg. W. Stölze // ZGOR. 1929. Bd. 42.

32. Akten zur Geschichte des Deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben / Hrsg. von F.L. Baumann. Freiburg im Breisgau, 1877.

33. An die Versammlung Gemeiner Bauernschaft: Eine revolutionäre Flugschrift aus dem deutschen Bauernkrieg (1525) / Hrsg. von S. Moyer, P. Rudiger u. M.M. Guhmann. Leipzig, 1975.

34. Angermeier H. Die Vorstellung des gemeinen Mannes von Staat und Reich im deutschen Bauernkrieg // VSWG. 1988. Bd. 53.

35. Anshelm, Valerius, genannt Rud. Berner Chronik von Anfang der Stadt bis 1526. Bern, 1833.

36. Bensing M., Moyer S. Der deutsche Bauernkrieg. 2. Aufl. Berlin, 1970.

37. Bergsten T. Balthasar Hubmaier: Seine Stellung zur Reformation und Taufertum 1521-1528. Kassel, 1981.

38. Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.

39. Bürnkamm H. Luthers Lehre von Zwei Reichen in Zusammenhang seiner Theologie // ARC. 1958. Bd. 49.

40. Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges // Vogt W. Die bayerische Politik im Bauernkrieg und Kanzler Dr. Leonhard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes. Nordlingen, 1883. Anhang.

41. Bullinger, Heinrich. Reformationsgeschichte / Hrg. von J.J.Hottinger u. H.H.Vögeli. Frauenfeld, 1838. Bd. 1.
42. Buazello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Pawerschaft. Berlin, 1889.
43. Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524-1527 / Hrg. von W.Vogt // ZHV. 1879-1883. Bd. 8-10.
44. Deutsche Geschichte. Bd. 1. Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1867.
45. Dabel F. Memmingen im Reformationszeitalter nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen. Memmingen, 1877.
46. Dühlmen R., van. Reformation als Revolution: soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977.
47. Eiben A. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524: Ein Beitrag zur Geschichte des Bauernkrieges. Stuttgart, 1889.
48. Franck, Sebastian.Chronica, Zeytbuch und Geschichtsbibel von anbegyn bis gegenwertig M.D.XXXI jar. Straßburg, 1531.
49. Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956.
50. Fuchs W.P. Das Zeitalter der Reformation. München, 1873.
51. Gerlach H. Ein Vergleich zwischen den Englischen Bauernaufstand 1381 und dem Deutschen Bauernkrieg. Heidelberg, 1868.
52. Gückel H. Beitrag zur Geschichte der Stadt Forchheim. Bamberg, 1898.
53. Hesselbarth H. Eine Flugschrift aus dem Großen Deutschen Bauernkrieg // ZFG. 1953. H. 4.
54. Hug, Heinrich. Villingen Chronik von 1485 bis 1533 / Hrg. von Ch. Roder. Tübingen, 1883.
55. Kessler, Johannes. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrg. von E.Egli u. R.Schoch. St. Gallen, 1902.
56. Köhler W. Huldrych Zwingli. 2. Aufl. Leipzig, 1954.
57. Lau F. Der Bauernkrieg und das angebliche Ende der Lutherischen Reformation als spontaner Volksbewegung //JLG. 1959. Bd. 26.
58. Lau F. Zwei Reiche Lehre // RGG. 1962. Bd. 6.
59. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1874.
60. Loserth J. Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge

der Wiedertaufe in Mähren. Brünn, 1893.

61. Mau W. Balthasar Hubmaier. Berlin; Leipzig, 1912.

62. Miller A.M. Jorg Schmid von Leubas, genannt von Knopf // LB. 1956. Bd. 4.

63. Müller L. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im Ries und seinen Umlande // ZHV. 1889-1890. Bd. 15-16.

64. Oechsle F.F. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in schwäbisch-fränkischen Grenzlande. Heilbronn, 1830.

65. Preu, Georg d.A. Die Chronik der Stadt Augsburg (1512-1537) // CDS. 1906. Bd. 29 (6).

66. Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz. Bd. 1: Zürich / Hrsg. von L. von Muralt u. W.Schmid. Zürich, 1952.

67. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsg. von G.Franz. München, 1963.

68. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F.L.Baumann. Stuttgart; Tübingen, 1878.

69. Rem, Wilhelm. Chronika der newer geschichten // CDS. 1894. Bd. 25 (5).

70. Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. 1. (1517-1530). München, 1901.

71. Rother S. Die religiösen und geistlichen Grundlagen der Politik Huldrych Zwinglis: Ein Beitrag zum Problem des christlichen Staates. Erlangen, 1956.

72. Ryohiner, Heinrich. Chronik des Bauerkrieges // Bauler Chroniken. Leipzig, 1902. Bd. 6.

73. Sabeau D.Y. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse in südlichen Oberschwaben vor 1525. Stuttgart, 1972.

74. Schlenck W. Die Reichsstadt Memmingen und die Reformation // MGBL. 1969.

75. Sender, Clemens. Die Chronik der Stadt Augsburg von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 // CDS. 1894. Bd. 23 (4).

76. Schulze W.A. Bullingers Beschreibung der Wiedertaufe // ZGOR. 1958. Bd. 106.

77. Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.

78. Stern L. Martin Luther und Philipp Melancton - ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin, 1953.

79. Stumpf, Johannes. Schweizer- und Reformationschronik / Hrsg. von E.Gagliardi, H.Müller u. F.Busser. Basel, 1952. T. 1. (Quellen zur Schweizer Geschichte. Bd. 5.)

80. Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg 1524-1526. Berlin, 1975.

Bd. 23 (4).

76. Schulze W.A. Bullingers Beschreibung der Wiedertäufer // ZGOR. 1958. Bd. 106.

77. Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.

78. Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchton - ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin, 1953.

79. Stumpf, Johannes. Schweizer- und Reformationschronik / Hrsg. von E.Gagliardi, H.Müller u. F.Büsser. Basel, 1952. T. 1. (Quellen zur Schweizer Geschichte. Bd. 5.)

80. Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg 1524-1526. Berlin, 1975.

81. Vogler G. Die revolutionäre Gehalt und räumliche Verbreitung der oberschwäbischen Zwölf Artikel // Revolte und Revolution in Europa. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).

82. Vogt W. Johann Schilling der Barfüsser Mönch und der Aufstand in Augsburg im Jahre 1524 // ZHV. 1979. Bd. 6.

83. Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300-1525). München, 1964.

84. Zimmerische Chronik / Hrsg. von A.Barack. 2. Aufl. Freiburg im Breisgau; Tübingen, 1881. Bd. 2.

85. Zimmermann W. Geschichte des Großen Bauernkrieg. Stuttgart, 1840.

86. Zwingli, Ulrich. Werke / Hrsg. von M.Schuler und J.Schulthess. Zürich, 1828. Bd. 1.

К ИСТОРИИ РАННЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО АНАБАПТИЗМА:
ХУТТЕРОВСКОЕ БРАТСТВО

Возникнув в переходную от средневековья к новому времени эпоху и воплотив в себе ее противоречия, анабаптизм, однако, во многом сохранил сходство с традиционными средневековыми ересями и вместе с тем стал явлением принципиально иного порядка, заняв видное место в ряду радикальных реформационных течений XVI в. Свойственная анабаптизму вугренняя противоречивость послужила основной причиной неоднозначной трактовки его природы в научной литературе. Обобщающая оценка анабаптизма как исторического явления весьма осложняется и тем обстоятельством, что единство его приверженцев всегда было довольно относительным, так как внутри этого движения, как известно, существовали многочисленные, часто значительно отличные друг от друга группировки (см.: 16, с. 154-349; 67, с. 30-38). Это обстоятельство в значительной мере определяет цель настоящего исследования, так как изучение программно-идеологических установок и деятельности представителей каждого течения в движении адептов "новой веры" является необходимым условием понимания сущности анабаптизма в целом.

Одним из заслуживающих пристального внимания направлений в анабаптизме является хуттеровское братство, возникшее в Моравии, где оно было основано австрийскими, немецкими и швейцарскими беженцами-анабаптистами во второй половине 20-х - первой половине 30-х гг. XVI в. В силу того обстоятельства, что на долю хуттеровцев, в отличие от большинства других анабаптистских группировок, выпали достаточно продолжительные благоприятные для нормального функционирования общин периоды, они имели возможность активно заниматься разработкой и фиксацией своих воззрений, распространением теорий и идей многих видных деятелей раннего анабаптизма, в том числе тех, кто стоял у его истоков. Многочисленные сохранившиеся до настоящего времени богословские трактаты и хроники "хуттеровского происхождения" являются поэтому ценнейшими источниками для изучения идей, составивших фундамент всего раннего европейского анабаптизма. Несмотря, однако, на очевидную научную актуальность, история хуттеровцев почти полностью выпала из поля зрения отечественных исследователей. Такое положение тем более странно, если принять во внимание факт проживания хуттеровцев на территории Российской империи на протяжении целого столетия (с 1770-х гг. до 1870-х гг.). Отечественная историография хуттеровского братства на сегодняшний день ограничивается

лишь несколькими описаниями хуттеровских колоний на Черниговщине (см., например: 2, с. 6-8; 3, с. 86-97; 7, с. 31-35; 10, с. 32-37; 12, с. 61-67) и краткой характеристикой хуттеровского движения, включенной в обзор истории европейского анабаптизма первой половины XVI в. в монографии А.Н.Чистозвонова (16, с.162-163).

На этом фоне иначе выглядит зарубежная историография хуттеровского братства. Первым к изучению истории хуттеровцев обратился Я.Бек, опубликовавший в 1883 г. "Исторические книги перекрещенцев в Австро-Венгрии" (см.: 19). В 1923 г. широкому кругу читателей стала доступна старейшая хуттеровская хроника, которую Бек в свое время считал утраченной (см.: 44). Эта хроника была предоставлена для публикации колонистами США и Канады, отредактирована профессором Р.Вольканом и издана под названием "Историческая книга хуттеровских братьев". Хроника охватывает время почти в полтора столетия (с 1517 по 1685 гг.), начало ее написанию было положено одним из лидеров хуттеровского движения на раннем его этапе Каспаром Брайтмихелем; после него работу над хроникой продолжили Ганс Крель, писарь общины хуттеровцев Хауптрехт Цапф и другие авторы (см.: 33 с. 86-107; 35, с. 1017). В 1943 г. профессор германистики из США А.Я.Фридрих Цигльшмид (о нем см.: 37, с. 601-602), взяв за основу манускрипт южно-дакотских хуттерских колонистов, отредактировал и опубликовал хуттеровскую хронику в ее оригинальной форме под названием "Старейшая хроника хуттеровских братьев" (18; также см.: 20, с. 269-270; 66, с. 461-474; 68, с. 18-25). В 1947 г. тот же Цигльшмид опубликовал Малую историческую книгу хуттеровских братьев", которая, в частности, включает хронику, составленную в России одним из видных хуттеровских деятелей Йоханнесом Вальднером, который довел повествование до 1802 г., а также другие материалы, позволяющие проследить историю хуттеровского братства до 1947 г. (см.: 49).

Кроме хроник, сохранились и другие документальные свидетельства об общинах хуттеровских братьев: многочисленные "распорядки" (Ordnungen), детально регламентирующие как различные стороны хозяйственной деятельности, так и весь образ жизни членов братства; материалы следственных дел хуттеровцев; их эпистолярное наследие и сочинения вероисповедательного характера (см.: 36). Эти источники частично вошли в уже упомянутые выше публикации и в многочисленные сборники документов, посвященные истории анабаптизма времен Реформации. Богословские сочинения хуттеровцев наиболее полно представлены в изданиях "свидетельств веры" верхненемецких перекрещенцев, осуществленных Л.Мюллер и Р.Фридрихом (см. 41, 42). Ряд важнейших произведений хуттеровских лидеров XVI в. увидел свет в отдельных изданиях, среди кото-

рых наиболее значимы публикации трудов П. Ридемана и П. Вальпота (см.: 61, 64). Тексты хуттеровских песен также являются интересными источниками сведений о вероучении братьев (см.: 40, 51, 65). Особое место занимают труды противника хуттеровцев Христофа Андреаса Фишера, относящиеся к первым годам XVII в. и позволяющие взглянуть на хуттёрвское братство как бы со стороны, глазами их современника и оппонента, попытаться таким образом воссоздать картину взаимоотношений братьев с окружающим их обществом, которое жило по другим правилам (см., например: 25, 26). Яркое описание жизни колонистов-хуттёрвцев в Венгрии дано в известном произведении Ханса Якоба Кристоффеля Гриммельсхаузена (около 1621-1676 гг.) - плутовском романе с элементами социальной утопии под названием "Симплициссимус" (см.: 30, с. 583-584; 43, с. 424-427).

Первые попытки обобщения и анализа документального материала по истории хуттеровского братства были предприняты в конце XIX-начале XX вв. в трудах австрийских и немецких исследователей, прежде всего Й. Лозерта и Л. Мюллер (см.: 52-55, 58). С середины 1920-х гг. к истории хуттеровских общин начинают проявлять интерес историки США и Канады (например, см.: 22, 46). Это во многом было связано с тем обстоятельством, что, покинув в 1874 г. территорию Российской империи, хуттеровцы основали свои колонии в Северной Америке (их общины сохранились там до настоящего времени, не утратив традиционного уклада жизни и основных мировоззренческих принципов, восходящих к XVI в.; в Канаде хуттеровцы образуют единую конфессиональную организацию - "Объединенную хуттеровскую братскую церковь"). К феномену хуттеровского братства сегодня проявляют интерес не только историки, но и политологи, социологи, этнографы, лингвисты, искусствоведы и другие специалисты, причем наиболее скрупулезно исследуется прежде всего возникновение и современное состояние общин американских колонистов-хуттеровцев (см.: 62). В связи с этим, несмотря на многочисленные публикации, посвященные хуттеровским братьям, серьезных исследований раннего периода их истории не так уж и много. Среди них, кроме упомянутых ранее работ Й. Лозерта и Л. Мюллер, значительный научный интерес представляют труды таких исследователей, как Л. Гросс, Х. Фишер, В. Фридман, Г. Мекензеффи и К. Земан (см.: 45, 27-39, 56, 67). В определенной степени ранний период в истории хуттеровцев освещают также Б. Кларк, Д. А. Хостетлер, Г. С. Бендер, П. К. Конкин, Б. Г. Ленгин и некоторые другие авторы (например, см.: 22, 47, 20, 23, 50). Большое число статей, касающихся различных этапов истории хуттеровцев, опубликовано в многочисленных "меннонитских" изданиях, среди которых особенно богаты материалами о братстве "Меннонитский лексикон" (см.: 58), "Меннонитская

энциклопедия" (см.: 57); а также журналы: "Меннонитское ежеквартальное обозрение", основанный в 1927 г., и "Жизнь меннонитов", основанный в 1946 г. (например, см.: 20, 29, 33).

В настоящей статье затрагиваются лишь некоторые стороны истории хуттеровских общин. Автор ограничивает свою задачу рассмотрением в самых общих чертах проблемы генезиса хуттеровского братства, формирования его идеологии и весьма своеобразного социального быта, оставляя в стороне многие важные, но для данной статьи побочные сюжеты.

Появление общин перекрещенцев в Моравии, на основе которых было впоследствии сформировано хуттеровское братство ("хуттеровскими братьями") моравских анабаптистов стали называть примерно с середины 30-х гг. XVI в., название это происходит от имени уроженца Тироля Якоба Хуттера, сыгравшего выдающуюся роль в объединении и организационном укреплении их общин), относится еще к 1526 г. и связано в первую очередь с деятельностью лидеров швейцарского анабаптизма. Дело в том, что противоречия между сторонниками цвинглианской бургерской реформации и анабаптистской оппозицией к этому времени стали настолько глубоки, что после трех диспутов между Цвингли и вожаками анабаптистов магистрат Цюриха в январе 1525 г., признав на основе обсуждения соответствующих мест из Библии неправомерным утверждение о том, что "нельзя крестить малых детей до того, как они достигли бы своих дней (сознательного возраста. - М.В.) и не осознали бы, что есть вера", и указав, что следует "крестить детей такими, какими они появляются на свет, не обращая внимания на это заблуждение", обязал всех, "кто своих детей до сих пор имеет некрещенными", "крестить их в течение восьми следующих дней". Так сказано в мандате совета от 18 января 1525 г. и в его решении от 21 января того же года (60, с. 35-36). Лица, отказавшиеся подчиниться данному постановлению, подвергались изгнанию. С этого времени по отношению к анабаптистам в Цюрихе начались жестокие репрессии. 7 марта 1526 г. появился указ властей, грозивший анабаптистам смертной казнью через утопление (первой его жертвой стал казненный в январе 1527 г. феликс Манц) (60, с. 190-181; 224-226). Сам по себе вопрос о крещении детей был лишь внешним выражением значительно более глубоких и принципиальных разногласий между цвинглианцами и анабаптистами. Дело в том, что сначала даже сам Цвингли склонялся к признанию необходимости крещения в сознательном возрасте, руководствуясь при этом теми же мотивами, что и адепты "новой веры". Но государственный деятель победил в Цвингли теолога, когда за допущением того, что человек с момента рождения не принадлежит к определенному вероисповеданию (вступ-

ление в христианскую общность, как известно, происходило именно через таинство крещения младенцев), стало явно пренебрежительное отношение радикальных элементов не только к официальной церкви, но и к светским порядкам (53, с. 78).

Итак, сложилась ситуация, когда большинство швейцарских анабаптистов, упорно не желавших отказываться от своих убеждений, вынуждена была искать убежище от преследований. К их числу принадлежала группа перекрещенцев, прибывшая осенью 1526 г. в Никольсбург (Микулов) и основавшая там свою общину. Во главе этой группы стоял Бальтазар Хубмайер, пытавшийся укрыться в Цюрихе от преследований со стороны австрийских властей, но подвергшийся там аресту и отпущенный на свободу лишь после публичного раскаяния в апреле 1528 г. (ф нем см.: 53, а также статью Ю.К. Некрасова в настоящей книге). В том же 1526 г. Моравия попала под власть Габсбургов, что, однако, не остановило начавшегося переселения сюда анабаптистов из Швейцарии, Южной Германии и Австрии, так как на территории Моравии они пользовались покровительством представителей некоторых сепаратистски настроенных аристократических родов. Один из аристократов, Леонхард фон Лихтенштейн, под влиянием Хубмайера даже принял второе крещение. Правда, необходимо отметить, что аристократы, благосклонно относившиеся к хуттеровцам, не всегда руководствовались только политическими или конфессиональными мотивами; их позицию в немалой степени определяло и то обстоятельство, что члены хуттеровских общин были прекрасными работниками, а это приносило значительные доходы тем дворянам, в чьих владениях проживали анабаптисты.

В конце 1526 г. в Моравию прибыл и сподвижник Томаса Мюнцера Ганс Гут. Он был родом из Франконии, с 1524 г. отрицал крещение детей, во время Крестьянской войны присоединился к мюнцеровцам, а после поражения при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.) углубился в эсхатологию, предсказывая скорое наступление "судного дня, конца света, воскресения (Христа), царства Божьего (на земле) и вечного приговора". Гут был убежден, что владеет "тайной божественной воли" о времени второго пришествия Христа, и это, доступное лишь избранным высшее знание, должно определять жизнь и помыслы "истинно верующих". Поэтому все усилия последних, по его мнению, должны быть направлены на подготовку ко второму пришествию Христа и к установлению на земле его тысячелетнего царства. В большинстве же общин, по словам Гута, "только на жизнь Христа по простоте (душевной) указывают без проповеди (этих) тайн" (41, с. 11-12). Именно благодаря деятельности прежде всего Гута "моравские" анабаптисты приобрели к религиозным идеям и социальной программе радикального крыла реформационного движения в Германии, во

многим, безусловно, понимая их по-своему (58, с. 252-258).

В 1527 г. в Никольсбурге между Хубмайером и Гутом вспыхнул спор, явившийся продолжением прежних разногласий между радикальными и умеренными анабаптистами. Поводом к нему послужило введение военного налога для борьбы с турками. За вопросом о том, платить этот налог или нет, стояла проблема подчинения властям и признания правомерности ведения военных действий. Кроме того, с нашествием турок Гут, как и многие другие анабаптисты, связывал свои эсхатологические ожидания. Яркое описание споров о военном налоге содержат хуттеровские хроники. Оппонентом Гута при обсуждении вопроса о "мече" и налогах, кроме Хубмайера, выступал также упомянутый выше Лихтенштейн: сам - представитель властей, он, конечно, не мог согласиться с пренебрежительным или даже враждебным к ним отношением. После очередной попытки прийти к соглашению Гут был силой удержан во дворце Лихтенштейна, откуда, правда, ему удалось бежать (44, с. 37). Одно из своих сочинений ("О мече", 1527 г.) Хубмайер полностью посвятил проблеме отношения "истинно верующих" к властям и возможности применения насилия: исходя из греховности существующего мира и основываясь на букве Священного Писания, он в нем доказывал необходимость существования института власти, правомерность применения властями силы в целях искоренения "зла" и ратовал за то, чтобы подданные в этом поддерживали власти. Если же власти отступали от христианских установлений, то от них, по его мнению, если была возможность, следовало уйти, если таковой возможности не было, - смириться с существующим положением вещей и терпеливо нести ярмо тирании во избежание кровопролития, т.е. по сути дела призывал анабаптистов к примирению с властями (48, с. 432-457).

Среди анабаптистов, в том числе и в Моравии, не было единства мнений и в другом вопросе принципиальной значимости - об отношении к идее общности имущества. Гут шел в ее понимании значительно дальше, чем Хубмайер, подразумевавший под "общностью имущества" только сострадание и материальную помощь ближнему (13, с. 226); Гут же склонялся к обобществлению имущества на практике.

После смерти Ганса Гута (в Аугсбурге в 1527 г.) и Бальтазара Губмайера (в Вене в 1528 г.) раздоры между умеренной группировкой, получившей название "мечников" ("Schwertler") и радикальной ("палочки" - "Stäbler") не только не прекратились, но и привели к тому, что последние вынуждены были, не без участия в конфликте Лихтенштейна, в 1528 г. переселиться из Никольсбурга в Аустерлиц (Славков), во владения рода Кауниц (44, с. 62-63). Как сообщают хуттеровские хронисты, количество переселившихся составило около 200 человек, не считая детей (44, с. 62). Возглавлял эту группу

Якоб Видеман (о нём см.: 38, с. 528). Уже перед уходом из Никольсбурга "палочники" сделали первый шаг к осуществлению своего намерения - введения общности имущества. Хроника хуттеровских братьев повествует, как "палочники", разостлав плац, складывали на него свои вещи, демонстрируя таким образом, что с данного момента эти вещи становятся общими (19, с. 75). В Аустерлице переселившиеся туда анабаптисты организовали "братский двор" и на самом деле частично обобществили свои имущества. В связи с этим 1528 г. можно считать годом основания хуттеровского братства, хотя само название "хуттеровцы", о чем уже сказано выше, появилось позднее.

В 1530 г. в аустерлицкой общине анабаптистов произошел раскол. Вильгельм Рейбли и Йерг Цауринг настаивали на более последовательном проведении в жизнь принципа общности имущества и выступили против Якоба Видемана. Рейбли усмотрел обман и лицемерие в том, что богатые члены братства живут в лучших условиях, чем бедные. В результате 8 января 1531 г. часть членов общины (в составе 150 человек) во главе с Цаурингом и Рейбли переселилась из Аустерлица в Ауспиц (44, с. 68-69). Все, кто последовал в Ауспиц, обязывались полностью отказаться от своего имущества. Костяк переселявшейся группы состоял явно не из самых богатых членов братства, так как все их обобщественные средства не превышали суммы в размере одного крейцера на человека (41, с. 143-144). Община Ауспица была чрезвычайно требовательна ко всем членам братства, в том числе и к руководителям общины. Так, оба инициатора переселения вскоре были изгнаны из Ауспица: Рейбли за утайку нескольких гульденов; Цауринг - за то, что не наказал должным образом свою жену, уличенную в прелюбодеянии (44, с. 70, 72).

4 июня 1528 г. был опубликован первый императорский указ, угрожавший анабаптистам смертными казнями, а 23 апреля 1529 г. Шлейерский рейхстаг принял специальный мандат, в котором светским властям в жесткой форме вменялось в обязанность последование анабаптизма: "Проповедники, главари, ходоки по деревням и мятежные подстрекатели порока перекрещенства, а также те, кто на этом настаивает, и те, что пали вторично", должны были подвергаться казни "огнем и мечом", причем предварительный суд инквизиции не был обязателен. Те же, кто признавал свои убеждения ошибочными, могли быть помилованы, но в этом случае они оказывались под строгим контролем со стороны властей и утрачивали свободу передвижения, а беглецы подлежали обязательной выдаче властям по месту своего жительства (63, с. 448-450). С 1529 г. в связи с проведением в жизнь решения Шлейерского рейхстага приток анабаптистов в Моравию значительно усилился.

Важную роль в становлении хуттеровского братства играла

эмиграция adeptов "новой веры" из Тироля, где серьезная агитационная работа за переселение в Моравию проводилась одним из лидеров цюрихских анабаптистов по прозвищу Блаурок (Йориан Хур, казненный в Клаузене в 1529 г.) (о нем см.: 55). В конце 1520-х - первой половине 1530-х гг. несколько раз посетил Моравию один из лидеров тирольских анабаптистов Якоб Хуттер (44, с. 64, 71, 72, 76). Он был родом из Пустерталя, точная дата его рождения не установлена, осталось неизвестным и его настоящее имя (Хуттером он был прозван из-за своего ремесла шляпника) (19, с. 84; о нем также см.: 27). Наиболее активный период деятельности Хуттера в Моравии приходится на 1533-1535 гг. (44, с. 76-115). Именно в это время с особой силой проявился организаторский талант Хуттера, позволивший ему сплотить ряд разрозненных анабаптистских группировок в единую религиозную организацию (см.: 44, с. 76-109).

События, развернувшиеся в Мюнстере в 1534-1535 гг., послужили сигналом к новому повсеместному преследованию анабаптистов. В своем "Послании к правителю Моравии" Хуттер упрекал "моравских господ" в том, что они "позволили жестокому тирану и врагу божественной истины Фердинанду (Габсбургу) изгонять благочестивых и богобоязненных (людей) со своих земель", опасаясь этого "смертного и никчемного человека больше, чем бессмертного и всемогущего Бога и Господа" (41, с. 163-164). К этому времени Хуттер уже пользовался таким большим влиянием среди перекрещенцев, что представители властей видели в нем главного носителя духа неповиновения среди моравских анабаптистов. Хуттеровцы тогда писали, что по убеждению официальных властей, если бы Якоб Хуттер оказался в их руках, все остальные приверженцы анабаптизма легко "позволили бы в таком случае управлять собою и опять вернулись бы к прежнему молчанию" (41, с. 189). В связи со сложившейся ситуацией Хуттер вынужден был покинуть Моравию, поручив "вместо себя заботиться об общине Господа брату Гансу Амону или Тухмахеру" (41, с. 189; 44, с. 110-115). Впрочем, это его не спасло: в 1535 г. в Клаузене Хуттер был арестован и после публичного осмеяния и пыток в 1536 г. сожжен на костре инквизиции у себя на родине, в столице графства Тироль городе Инсбруке (41, с. 189-190).

Аугсбургским религиозным миром 1555 г. были созданы более благоприятные условия для существования хуттеровских общин в Моравии. К этому времени относится ориентировочно начало "добротного периода" в истории "моравского" анабаптизма, а с 1565 г. обычно связывают наступление его "золотого века". В конце XVI - начале XVII вв. в связи с австро-турецкой войной (1591-1606 гг.) хуттеровцы в Моравии снова подверглись преследованиям, а разгром во время Тридцатилетней войны габсбургско-католической армией чешских войск в

битве у Белой Горы (8 ноября 1620 г.), резко изменивший политическую ситуацию в Моравии, привел к тому, что по мандату Фердинанда II, обнародованному в 1622 г., они после почти столетнего проживания в Моравии вообще были изгнаны отсюда. С этого времени оставшиеся верными своим убеждениям представители хуттеровского братства сосредотачиваются главным образом в находившейся под властью австрийских Габсбургов Словакии, где многие их поселения были основаны еще в XVI в., и в Трансильванском княжестве. Политика рекатолизации, проводившаяся по отношению к адептам "новой веры" во времена правления Марии Терезии (1740-1780 гг.), и активная деятельность иезуитов на этих территориях (в конце XVII в. под власть Габсбургов попала и Трансильвания) привели к тому, что многие хуттеровцы отказались от своей веры. Скрыться от преследований и остаться верными своим убеждениям удалось лишь незначительной части братьев, бежавших в 1767 г. в находившуюся в то время под властью Оттоманской империи Валахию, где их застала русско-турецкая война 1768-1774 гг. В начале 1770-х гг. по приглашению генерала-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского хуттеровцы переселились из Валахии на территорию Российской империи (сначала на Черниговщину, в 1842 г. - в Таврию), а в 1874 г. - в Северную Америку (где основали колонии в Монтане, Южной Дакоте и Канаде) (22, с. 24-32; 59, с. 104-114, 50, с. 324-329).

Итак, во второй половине 1520-х - первой половине 1530-х гг. происходил процесс становления общин хуттеровских братьев, вырабатывались основные положения их вероучения, вошедшие позднее в обобщенном виде в так называемый "Отчет" ("Rechenschaft") Петера Ридемана (61; также см.: 59, с. 7-52). В основу хуттеровского вероисповедания в конечном счете легли прежде всего идеи, проповедовавшиеся лидерами радикального крыла швейцарского и немецкого анабаптизма. Это утверждение, на первый взгляд, может показаться не вполне правомерным, так как одним из постулатов хуттеровского вероучения стало признание войны и применение насилия противоречащими "христианскому закону" и, следовательно, - неприемлемыми. Но следует принять во внимание, что в обстановке, сложившейся после окончания Крестьянской войны и особенно после поражения Мюнстерской коммуны, когда анабаптисты подверглись массовым жестоким репрессиям, признание возможности применения насилия чаще означало его допущение со стороны властей, а не со стороны оппозиционных им сил. В связи с этим в условиях феодальной реакции такое признание с необходимостью приобретало оттенок компромисса с властью имущими, а радикальная оппозиция по отношению к властям могла выражаться, напротив, в отрицании насилия как такового. Кроме того, в эсхатологических ожиданиях привер-

денцев анабаптизма тех лет вполне мог быть заложен скрытый до определенного времени мятежный потенциал. Как известно, кровавым событиям Крестьянской войны и затем Мюнстерской коммуны также предшествовали пророчества о близости второго пришествия Христа, близкого наступления Страшного Суда, и многие повстанцы сражались в крестьянских отрядах в 1525 г. и особенно в Мюнстере в 1534-1535 гг. под лозунгом установления тысячелетнего царства Божьего на земле. Мистическое ожидание непосредственной помощи со стороны Бога было характерно для программных установок многих идеологов и руководителей народного движения эпохи Реформации, включая Мюнцера, который оказал значительное влияние на мировоззрение хуттеровцев, о чем, в частности, свидетельствует обращение лидеров хуттеровского движения к творческому наследию Мюнцера и использование ими художественных средств публицистики последнего (59, с. 74-75). Таким образом, можно только предполагать, какими реальными последствиями могли быть чреваты, к примеру, эсхатологические пророчества Гута, ожидавшего в связи с неотвратимым приближением Судного Дня явления в скором времени ангела, который передаст ему в руки меч. Вместе с тем следует отметить, что, подчеркивая свою духовную близость с Мюнцером, хуттеровцы в то же время искренне считали клеветой недоброжелателей утверждение, что будто бы он выступил в роли инициатора Крестьянской войны. По их глубокому убеждению, крестьянство, независимо от учения и деятельности Мюнцера, "неожиданно возстало во (всей) стране, которую он не смог удержать в христианском мире" (18, с. 12).

Власти зачастую смотрели на хуттеровцев как на носителей духа неповиновения и подвергали преследованиям по той причине, что их требованиям члены братства считали возможным подчиняться только в тех случаях, когда предписания властей не вступали в противоречие с воззрениями аделтов "новой веры", так как "законы божественные", которым следовали хуттеровцы, последние ставили выше "законов человеческого" (так, Хуттер называя Бога "господином и королем над всеми королями") (41, с. 150). Хуттеровские братья отказывались от участия в органах государственного управления, службы в армии, уплаты военных налогов, принятия присяги и вообще чаще всего стояли в стороне от любых государственных акций.

Одно из центральных положений в хуттеровском учении занимал принцип общности имущества. На разных этапах истории хуттеровского братства он реализовывался с различной степенью последовательности (считается, что наибольшей полноты развитие принципа общности имущества у хуттеровцев достигло в период их "золотого века" в Моравии; имели место и случаи отказа общин от этого принципа (например, в Словакии в 1680-е гг., в Трансильвании в 1690-е гг., на Украине в пер-

вой четверти XIX в.). Тот же "идеальный вариант", к осуществлению которого стремились хуттеровцы в Моравии в XVI в., предполагал безоговорочный отказ от любой собственности и ее передаче общине. Все средства от производимой братьями и сестрами продукции, все заработки работавших по найму хуттеровцев также принадлежали общине, которая в свою очередь обеспечивала членов братства всем необходимым. Учитывая генетическую связь хуттеровского учения с идеями народной реформации, есть основания полагать, что характер реализации хуттеровцами принципа общности имущества, включая обобществление средств производства, может служить еще одним дополнительным аргументом в дискуссии о том, каким образом предполагали осуществить его на практике радикальные приверженцы швейцарского анабаптизма и Мюнцер (см.: 13, с. 215-234; 17, с. 42-63).

Потребление в хуттеровских общинах было строго регламентировано в зависимости от возраста, пола, состояния здоровья и профессии. Хуттеровские братья селились своего рода дворами-общинами (источники "хуттеровского происхождения" обозначают их термином "Haushaben") с большими домами-общениями, многочисленными хозяйственными постройками общественного назначения, школами, общими столовыми и другими сооружениями (к концу XVI в. в Моравии насчитывалось около 80 таких дворов). Члены братства коллективно работали, питались и отдыхали. Их быт отличался скромностью, восходящей к аскетическому идеалу раннего христианства, что выражалось в однообразной одежде, простой пище и т.п. В этой связи невольно возникает мысль об аналогии жизненного уклада хуттеровцев с идеалом общественного бытия, который рисовал Ганс Гергот в увидевшей свет в 1527 г. утопии "Новое преобразование христианской жизни" (4, с. 143 след.; 5, с. 257-258 след.). Брак у хуттеровцев считался действительным только после того, как он получал признание у общины единоверцев. Супружеские измены строго наказывались. Тем не менее хуттеровцев часто упрекали в пренебрежении к семейным обязанностям. Это было вызвано тем, что за их приверженцами признавалось право покинуть семейный очаг в том случае, если один из супругов отказывался присоединиться к братству (52, с. 474; 41, с. 267-268). Кроме того, у хуттеровцев в связи со специфическим устройством их социального бытия возникла достаточно редкая возможность полностью взять под контроль общины воспитание и обучение детей - будущих членов братства. Ребенок оставался на попечении матери только до достижения им двухлетнего возраста, после чего заботу о нем брала на себя община. Дети воспитывались и обучались вне семьи, на коллективистских началах, специально выделенными для исполнения этих обязанностей членами братства, от которых требовалось, чтобы они окружали детей заботой "днем и

ночью", "словно они являются их собственными" (см.: 39, с. 104, с. 104-106). Многие факты говорят о высокой для того времени эффективности обучения в хуттеровских школах: исследователей поражает огромное число рукописей "хуттеровского происхождения", отличающихся хорошим стилем и прекрасной системой аргументации; хуттеровские ремесленники всегда славились своим мастерством; среди хуттеровских братьев были прекрасные "экономы" и счетоводы; представители аристократии с охотой нанимали хуттеровцев для исполнения обязанностей управляющих в своих имениях, брали из их среды кормилиц и нянек для своих детей.

Коммунальный образ жизни хуттеровцев и реализация ими на практике принципа общности имущества дали основание некоторым западным исследователям считать их общины коммунистическими (такие взгляды высказывали, в частности, Я. Лозерт, Л. Мюллер, Р. Фридан и Г. Циммер) (см.: 54, 59, 28, 69). Научная оценка этой точки зрения сопряжена с серьезными трудностями в связи с тем, что в отечественной историографии до сих пор нет единства мнений в решении вопроса о критериях, на основании которых можно было бы относить то или иное учение к коммунистическому (социалистическому), и о времени, с которым следовало бы связывать начало социалистических теорий. Дискуссия об истоках коммунизма, возникшая еще в конце 1960-х гг., далека от завершения и сегодня (см.: 1, с. 3-18; 6; 8, с. 229-250; 11; 14, с. 8-12; 15; 17, с. 42-63).

Пренебрежение к властям (защитникам "человеческих законов"), введение общности имущества и переход к коммунальному образу жизни основывались на ключевых положениях хуттеровского вероучения об обладании членами братства святым духом и божественной истиной. Гут писал, что божественная сущность познается в людях через "могущество и силу" творца всего сущего; через "строгость и справедливость распятого сына Божьего", которые верующий человек должен претерпеть, пройдя по примеру Христа через гонения и страдания для того, чтобы "стать подобным сыну Божьему"; через "благодать и милосердие святого духа", открывающего избранным путь к совершенству (41, с. 28). Каждый человек, избранный для спасения, по мнению Гута, должен пройти через все эти ступени познания, так как для достижения такого совершенства он "сотворен" Богом. Учение о том, что во всех креатурах заключена божественная воля, и каждое из них приводится Богом "через страдания" к тому, ради чего было создано, отражено и в трудах находившегося под влиянием Гута Ганса Шлаффера (анабаптистского лидера из Верхней Австрии, одного из духовных отцов хуттеровских братьев) (см.: 41, с. 12-28, 94-96). Это учение являлось органическим элементом круга идей, которые были выдвинуты еще Мюнцером. У Мюнцера же бы-

ло заимствовано положение о приоритете "живого" слова над "книжным". Именно на это положение ссылались хуттеровцы, отдавая предпочтение "внутреннему откровению" перед "буквой Священного Писания" (41, с. 212 след.). Хуттер, называвший себя "служителем избранных святых самого Христа во всем мире, писал: "... (Бог) мне доверил и вложил в мое сердце и в мои уста божественное вечное слово и небесные сокровища, и блага своей божественности и святого духа... и благословил меня своим небесным благословением, и сделал божественное вечное слово во мне и во многих других (которым он объявил это через меня) живым и действенным" (41, с. 150).

Действия, а не только вера, по мнению хуттеровцев, были необходимы для спасения. Это обстоятельство ставит историка перед трудно разрешимой дилеммой: кем были анабаптисты (а равным образом и Мюнцер) - протестантами, признающими лютеровский постулат о "спасении верой" (независимо от "заслуг" верующего), или католиками, ищущими "спасение" в "добрых делах"? В связи с этим следует отметить, что "богосудные дела" являлись для хуттеровцев условием спасения только в том смысле, что без них верующий не мог считаться "избранным к спасению". Каждый член братства должен был строго придерживаться истинно христианских норм жизни, что являлось свидетельством его "святости". Для хуттеровцев дела были не предпосылкой, а следствием их "возрождения в духе", а следовательно, - отрешения от греховной и "обреченной на вечную погибель плоти". Необходимость наличия каких-либо "земных" посредников между Богом и человеком они отрицали. Вместе с тем хуттеровцы, в отличие от последователей "классического" протестантизма, отстаивали "свободу воли" человека и возлагали на него ответственность за выбор между "добром и злом", "верой и безверием", "проклятием и спасением" (см.: 41, с. 10 след., 58 след., 84 след.).

Понимание и трактовка радикальными элементами в реформационном движении основополагающих догматов христианства - о вере и спасении души - формировались под сильным воздействием их социальной программы. Ориентируясь на эту программу, хуттеровские братья приступили к реализации своих представлений о "божественной справедливости", избрав в качестве объекта таких преобразований свои общины, жизнь которых следовало максимально приблизить к "божественному" идеалу. Но в то же время необходимо иметь в виду, что в соответствии с постулатом хуттеровцев (впрочем, как и представителей других радикальных течений в движении анабаптистов) о приоритете "духа" над "плотью", "внутреннего откровения" над "книжным словом" в следовании этому идеалу первостепенное значение для них имело не столько немедленное обобществление имущества на практике, для которого порою не было необходимых условий (власти не позволяли этого сле-

лать), сколько готовность каждого из членов братства пожертвовать своей собственностью ради достижения высшей цели.

Стремление следовать примеру Христа хотя бы отчасти объясняет, почему с таким мужеством большинство хуттеровцев принимали мученическую смерть за свои убеждения и веру. Как писал Хуттер, "страдание Христа должно быть исполнено также в его членах" (т.е. в членах хуттеровского братства), которые противостоят всему ослепленному и испорченному миру и всем безбожникам (41, с. 165). Цауринг подчеркивал, что те, которые желают "вечно властвовать" вместе с Христом, предварительно должны "претерпеть гонения, хулу, страх, позор, стыд, нужду, постыднейшую смерть в этом мире" (41, с. 148).

Характерной чертой вероучения и теологии хуттеровцев является отрицание постулатов о приносящих спасение таинствах. Отказ от крещения младенцев они объясняли тем, что выбор вероисповедания (конфессии) должен быть, по их глубокому убеждению, свободным и осознанным актом, который может быть таковым лишь в "сознательном возрасте". Крещение, по их мнению, является лишь "знаком" (символом) свершившегося "возрождения верующего в духе". Хуттеровцы (впрочем, так же как и цвинглианцы) не признавали догмата о присутствии в хлебе во время причастия плоти Христа. Причастие, в их представлении, - ничто иное, как напоминание об искупительной жертве Иисуса Христа; действие, символизирующее единство "общины Бога" - земного "тела Христова". Отсюда следует, что в понимании причастия хуттеровские братья не только порывали с католической традицией, но и с трактовкой этого таинства Лютером. Они здесь по сути дела следовали учению Цвингли, испытывавшему в толковании этого христианского догмата влияние идеологии гуманизма. В такой же мере очевидно, что "преломление хлеба" и совместные трапезы имели первостепенное значение для организации всего их жизненного уклада и сплочения анабаптистских общин. Цауринг писал, что "хлеб назван общим с телом Христа" потому, что вкушающие "от этого хлеба причастны телу Христа", которое Христос "имеет здесь, на земле", и это тело - "его святая община", глава которой - он сам. Преломление хлеба в память о жертве Христа должно было, по убеждению хуттеровцев, олицетворять готовность "избранных" к страданиям и жертвам во имя "истинной веры" (41, с. 147-148).

Итак, можно сделать вывод, что хуттеровское учение формировалось прежде всего под влиянием радикального крыла швейцарского, немецкого и австрийского анабаптизма. В общинах хуттеровских братьев идеи раннего анабаптизма проходили проверку временем и практикой. Несмотря на то, что в спорах об отношении к властям и применении насилия в общественных конфликтах, понимании принципа общности имущества хуттеровцы

отстаивали свои взгляды с откровенно теологических позиций, нетрудно заметить, что столь бурное обсуждение именно этих вопросов было вызвано тем, что от их решения напрямую зависели как образ жизни, так и взаимоотношения хуттеровцев с окружающей социальной средой. Одним из подтверждений в достаточной мере очевидного факта, что за конфессиональными разногласиями и убеждениями хуттеровцев часто стояли реальные жизненные проблемы, может служить следующее: в моравских общинах находили приют не только преследуемые за веру, но и те, кто бежал от долгов и нищеты (21, с. 60-63). Более того, известны случаи, когда бывшие хуттеровцы, обращенные вновь в католическую веру, продолжали жить "братскими дворами", придерживаясь жизненного уклада хуттеровских общин (31, с. 563-564). Но история анабаптистских общин в Моравии заслуживает внимания еще с одной стороны.

Хуттеровские представления об общности имущества получили довольно неожиданную, на первый взгляд, реализацию в производственной деятельности братьев в кооперации труда, хотя логичнее, казалось бы, следовало ожидать от них возвращения к патриархальным устоям и натуральному хозяйству. Для оптовой закупки и распределения сырья, а также для регламентации и руководства производственным процессом общины выделяли специальных закупщиков и распределителей-надсмотрщиков. В некоторых отраслях ремесленного производства, в частности в кожевенном и суконном, хуттеровцы в определенной степени осуществляли разделение труда (хотя прославились хуттеровские ремесленники прежде всего благодаря индивидуальному высококвалифицированному труду отдельных мастеров, изготовлявших различные "предметы роскоши") (59, с. 93-102). В такой практике есть основания видеть реализацию исторического опыта развития общественного производства в рамках отношений раздачи и его трансформации в примитивные формы раннего капитализма. Поэтому К. Каутский не без основания полагал, что организация производства в хуттеровских общинах являлась "крупным шагом к мануфактурной системе" (9, с. 143). Кооперативная форма организации труда в хуттеровских дворах-общинах, обеспечивавшая более рациональное использование средств производства и рабочего времени, приводила к значительному повышению производительности труда, что в свою очередь позволяло существенно расширять масштабы производства и успешно выдерживать конкуренцию со стороны цеховых ремесленников, вступая с ними в борьбу за рынки сбыта. Моравские ремесленники неоднократно направляли в адрес правительства жалобы на то, что хуттеровцы, наполнив страну товарами, лишают их заработка. Таким образом, можно предположить, что, с одной стороны, хуттеровские общины сыграли определенную роль в процессе генезиса капиталистических отношений. С другой стороны, это свидетельствует о

том, что результаты их практической деятельности существенным образом расходились с исходными религиозно-идеологическими установками и социальной программой радикального крыла в движении анабаптистов. Известно, что из рядов сторонников идеи общности имущества, и приверженцев строгих правил коммунального образа жизни в том числе, вышло немало выдающихся организаторов общественного производства на капиталистической основе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. Размышления о принципах периодизации утопического социализма // Из истории утопического социализма. Свердловск, 1981.
2. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей иностранной колонизации на юге России). Пг., 1916.
3. Васильева М.В. Гуттеровское братство на Черниговщине // 1000 років Чернігівській єпархії. Чернівці, 1992.
4. Володарский В.М. Утопия Ганса Гергота // ИСУ. 1986.
5. Володарский В.М. Ганс Гергот и утопия "О новом преобразовании христианской жизни" // ИСУ. 1987.
6. Володин А.И. Утопия и история: некоторые проблемы изучения домарксистского социализма. М., 1976.
7. Голосев Н.А. Остатки гончарства и шелководства бывшей немецкой колонии в с.Радичев // Земский сборник Черниговской губернии. 1892 № 10.
8. Ильин В.Н. О средневековом "социализме": к критике концепции К.Каугского // ИСУ. М., 1986.
9. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. М., 1919. Т. 2.
10. Клаус А. Наши колонии: опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1889.
11. Коммунистический идеал в истории домарксистской общественной мысли. Л., 1985.
12. Лилский В. Приходская летопись с.Вишенок Кролевецкого уезда // Черниговские епархиальные известия. 1875. № 2.
13. Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества // ИСУ. 1987.
14. Прошина Е.М. Актуальные вопросы исследования истории утопического социализма в марксизме и буржуазной социологии // История домарксистских социалистических учений и антикоммунизм. Л., 1982.
15. Федоров Г.С. О народных истоках утопического социализма // НИИ. 1989. № 1.
16. Чистозвснгов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.

17. Штекли А.Э. "Фодоначальник утопического коммунизма" и "проблемски коммунистических идей" // ИСУ. М., 1982.
18. Die älteste Chronik der Hutterischen Brüder / Hrsg. von A.J.F.Zieglschmid. Ithaca, New York, 1943.
19. Beck J. Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Osterreich-Ungarn // Wien, 1883. (Fontes rerum Austriacarum. II. Abt., Bd. 43).
20. Bender H.S. A New Edition of the Hutterian Chronicle // MQR. 1942. Vol. 16.
21. Burckhard P. Die Basler Täufer: Ein Beitrag zur Schweizerischen Reformationgeschichte. Basel, 1898.
22. Clark B.W. Die Hutterischen Gemeinschaften. Leipzig, 1929.
23. Conkin P.K. Two Paths to Utopia: The Hutterites and the Llano Colony. Westport (Conn.), 1983.
24. De Wind H.A. A Sixteenth Century Description of Religious Sects in Austerlitz, Moravia // MQR. 1955. Vol. 29.
25. Fischer C.A. Der Hutterische Widertaufer Taubenkobel, in welchem all ihr Wüst, Mist, Kott vnnnd Vnflat... zu finden verfasset, Auch dess grossen Taubers, dess Jacob Hutters Leben... anghenckrischen Widertaufer... Ingolstadt, 1607.
26. Fischer C.A. Vier vnd fünfftzig Erhebliche Vrsachen Warumb die Widertaufer nicht sein im Land zu leyden. Ingolstadt, 1607.
27. Fischer H. Jakob Huter: Leben, Frömmigkeit, Briefe. Newton (Kans.), 1956.
28. Friedmann R. The Christian Communism of the Hutterite Brethren // ARG. 1955. Bd.46.
29. Friedmann R. A Hutterite Book of Medieval Origin // MQR. 1956. Vol. 30.
30. Friedmann R. Grimmelshausen, Hans Jacob Christoph // ME. 1956. Vol. 2.
31. Friedmann R. Habaner // ME. 1956. Vol. 2.
32. Friedmann R. Hutterian Brethren // ME. 1956. Vol.2.
33. Friedmann R. The Oldest Known Hutterite Codex of 1566: A Chapter in Anabaptist Intellectual History // MQR. 1959. Vol. 32.
34. Friedmann R. Walpot // ME. 1959. Vol. 4.
35. Friedmann R. Zapff, Hauptrecht // ME. 1959. Vol.4.
36. Friedmann R. Die Schriften der huterischen Täufergemeinschaften: Gesamtkatalog ihrer Manuskriptbücher, ihrer Schreiber und ihrer Literatur, 1529-1667. Wien, 1965.
37. Friedmann R. Zieglschmid, A.J. Friedrich (1903-1950) // ML. Bd. 4.
38. Friedmann R. Widemann, Jakob // ML. Vol. 4.
39. Friedmann R. Schulwesen der huterischen Brüder in Mähren // ML. Bd. 4.

40. Gesangbuch... allen frommen Liebhabern Gottes sehr nützlich zu singen und zu lesen. Macmillan Colony, 1983.

41. Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter/ Hrsg. von L.Müller. Leipzig, 1938. T.1. (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte. Bd. XX.).

42. Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter/ Hrsg. von R.Friedmann. Gütersloh, 1967. T. 2.

43. Grimmelshausen H.J.C. Der Abenteuerliche Simplicissimus. Berlin, 1954. Tl. 5, Kap. 19.

44. Geschicht-Buch der Hutterischen Brüder / Hrsg. von R.Wolkan. Macleod; Wien, 1923.

45. Gross L. The Golden Years of the Hutterites: The Witness and Thought of the Communal Moravian Anabaptists During the Walput Era, 1565-1578. Scottdale (Pa.); Kitchener (Ont.), 1980.

46. Horsch J. The Hutterian Brethren: 1528-1931: A Story of Martyrdom and Loyalty. Goshen (Ind.). 1931.

47. Hostetler J.A. Hutterite Society. Baltimore; London, 1977.

48. Hubmaier B. Von dem Schwert // Schriften / Hrsg. von G.Westin und T.Bergsten. Gütersloh 1962. (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte. Bd. 29.; Quellen zur Geschichte der Täufer. Bd. 8.).

49. Das Klein-Geschichtsbuch der Hutterischen Brüder / Hrsg. von A.J.F.Zieglschmid. Philadelphia, 1947.

50. Längin B.G. Die Hutterer: Gefangene der Vergangenheit, Pilger der Gegenwart, Propheten der Zukunft. Hamburg; Zürich, 1986.

51. Die Lieder der Hutterischen Brüder. Scottdale, 1914.

52. Loserth J. Der Anabaptismus in Tirol von seinen Anfängen bis zum Tode Jacob Hutters (1528-1538) // AOG. 1892. Bd. 78.

53. Loserth J. Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge der Wiedertaufer in Mähren. Brünn, 1893.

54. Loserth J. Der Communismus der mährischen Wiedertäufer im 16. und 17. Jahrhundert // AOG. Wien, 1895. Bd. 81.

55. Loserth J. Georg Blaurock und die Anfänge des Anabaptismus in Graubünden und Tirol. Berlin, 1899.

56. Mecenseffy G. Die Herkunft des oberösterreichischen Täufertums // ARG, 1956. Bd. 47.

57. The Mennonite Encyclopedia. Scottdale (Pa.), 1955-1959. Vol. 1-4.

58. Hennonitisches Lexikon. Frankfurt a. M. Karlsruhe, 1813-1867. Bd. 1-4.

59. Müller L. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer. Leipzig, 1927.

60. Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz. Bd. 1. Zürich / Hrsg. von L.von Muralt u. W.Schmid. Zü-

rich, 1952.

61. Rechenschaft unserer Religion, Lehre und Glaubens. Macmillan Colony, 1983.

62. Riley M.P. The Hutterite Brethren: An Annotated Bibliography with Special Reference to South Dakota Hutterite Colonies. Brookings, 1965.

63. Die Verfolgung der Täufer: Mandat des Reichstags zu Speyer // Buch der Reformation: Eine Auswahl zeitgenössischer Zeugnisse (1476-1555) / Hrsg. von D.Plose u. G.Vogler. Berlin, 1989.

64. Walpot P. True Surrenden and Christian Community of Goods. Bromdon, 1957.

65. Wolkan R. Die Lieder der Wiedertäufer. Berlin, 1903.

66. Walz J.A. Review of Die älteste Chronik der Hutterischen Brüder, ed. by A.J.F.Zieglschmid // Journal of English and Germanic Philology. 1944. Vol. 43.

67. Zeman J.K. The Anabaptists and the Czech Brethren in Moravia 1526-1628: A Study of Origins and Contacts. Mouton, 1969.

68. Zieglschmid A.J.F. The Hutterian Chronicle // The American German Review. 1942. Vol.8.

69. Zimmer G.J. Hutter's Religious Communism. Yankton, 1912.

А.Ф.Чуянов

МИХАЭЛЬ ГАЙСМАЙЕР И ЕГО "ЗЕМСКОЕ УСТРОЙСТВО"
(Вступительная статья, перевод и комментарий)

События в Тироле и Зальцбурге 1525-1526 гг., являвшиеся заключительным аккордом всей Крестьянской войны в германских землях, характеризуются рядом особенностей. 3 июля 1525 г. горняки и крестьяне Зальцбурга под предводительством Михаэля Грубера нанесли сокрушительное поражение командующему армией (ландесхауптману) Штирии и Крайны Сигизмунду фон Дитрихштейну в битве при Шладминге (см.: 30, с. 396 след.; 34, с. 207 след.; 40, с. 340 след.). Однако вскоре "герой Шладминга" Грубер перешел на службу к суверену княжества Зальцбург архиепископу Маттеусу Лангу, чем по сути дела свел на нет успех всего восстания. В соседней земле, Тироле, предводитель восставших остался верен своему делу до конца. Развернувшиеся здесь события обстоятельно освещены в научной литературе, и, как не без основания полагает Г.Франц, вряд ли еще возможны находки каких-то новых фактов, способных существенно изменить сложившееся о них представление (39, с. 37). Однако относительная ясность событийной, внешней стороны явлений не снимает спорности и даже покрова некоторой таинственности с отдельных аспектов альпийской истории этого периода. Одной из таких загадок остается до сих пор личность самого предводителя альпийских крестьян и горняков Михаэля Гайсмайера и характер вышедшего в свет из-под его пера проекта конституции Тироля - "Земского Устройства" (Landesordnung). Практически все исследователи Крестьянской войны отмечают выдающуюся роль в ней Гайсмайера, но они же дают весьма неоднозначные оценки его проекта общественных преобразований и особенно взглядов самого автора этого проекта.

Так, известный советский историк М.М.Смирин видел в Гайсмайере одного из последователей Томаса Мюнцера и, следовательно, в конечном счете сторонника преобразования общества на коммунистических началах (24, с. 249-251; 25, с. 47; 26, с. 378-400; 27, с. 55-56; 28, с. 50). Эта точка зрения, опирающаяся на авторитет Фридриха Энгельса (32, с. 429), получила широкое распространение в марксистской историографии, по существу вошла в вузовские учебники (21, с. 433; 5, с. 77-78; 6, с. 417). В свою очередь источником для такого вывода Энгельса послужила не подтвержденная современной исторической наукой концепция В.Диммермана, поднявшая образ Мюнцера до уровня вождя общегерманского народного движения (30, с. 209 след.). Несколько отличного от

М.М.Смириня мнения о "Земском Устройстве" Гайсмайера придерживается Ю.К.Некрасов (11, с. 447-448; 12, с. 198-203), хотя и трактует этот документ Крестьянской войны с тех же методологических позиций. Проект общественных преобразований Гайсмайера привлек внимание и других историков-марксистов (см.: 34, с. 213-216; 37, с. 544-547; 42, с. 288-290; 44, с. 119-122; 31, с. 100-114).

Патриарх современной германской историографии Крестьянской войны Г.Франц, научная деятельность которого получила довольно противоречивые оценки в отечественной исторической литературе (см.: 22, с. 187-201; 23, с. 44-50, 108; 16, с. 74 и прим. 18; 8, с. 12, 16-19; 15, с. 84-85), пишет о "Земском Устройстве" как о "творении необычайно умной и решительной головы", "истинного идеалиста", но в целом оценивает этот документ как не только утопическую, но и реакционную попытку оторвать Тироль от Германской империи, "создать чисто крестьянское государство, строго отгороженное от соседей" (38, с. 159). Точка зрения Г.Франца удивительным образом сочетает в себе уважительное отношение к личности Гайсмайера с резко негативной оценкой его проекта общественных преобразований. Г.Фоглер видит в "Земском Устройстве" в первую очередь антифеодальную программу (51, с. 98-114). П.Бликле, в русле своего понимания Крестьянской войны как революции "простого человека" (35; также см.: 13, с. 23; 14, с. 233-238), усматривает в "Земском Устройстве" "тотальное отрицание сословного государства" (36, с. 51). З.Хойер, Ф. Зейбт, а вслед за ними и М.Штейнмец, акцентируют внимание на практической ориентированности планов Гайсмайера, их реальной осуществимости в условиях Тироля XVI в. (41, с. 67 след.; 47, с. 88; 48, с. 141 след.). Г.Бенедиктер, напротив, считает, что многие положения проекта Гайсмайера, этого "хитрого демагога", оказалось возможным осуществить только в современном Итальянском Тироле (33, с. 32).

По мнению большого знатока истории позднесредневекового Тироля, чехословацкого академика Я.Мацека, определяющим для взглядов Гайсмайера явилась его дружба с Ульрихом Цвингли и стремление преобразовать альпийское княжество Тироль в республику по образцу соседнего Швейцарского Союза (44, с. 376-378). Автору этих строк, солидарному во многом с позицией Мацека, видится в то же время влияние на "Земское Устройство" раннего утопизма коммунистического толка (см.: 2, с. 292 след., 307 след.), Томаса Мора (см.: 8, с. 188) и учения Платона о государстве (см.: 18, с. 273-276, 193, 202).

Такой разноречивой в оценках свидетельствует, насколько сложной, "неудобной" для исследователя, трудно согласующейся с какими-то жесткими рамками, является личность вождя ре-

волюционного движения в Тироле и Зальцбурге. Это хорошо иллюстрируется и отношением к нему официальных идеологических институтов. Пришедшие к власти в Германии в 1933 г. нацисты чествовали Гайсмайера как "борца за германское право и обычай", использовали его имя для агитации в Итальянском Тироле в пользу оптации за Германию. Министр пропаганды "третьего рейха" д-р Геббельс дал поручение снять фильм о "герое немецкой нации", для которого, однако, успели написать только сценарий (33, с. 33). Спустя годы, в уже коммунистической Восточной Германии, В. Легере по заказу государственного издательства создал роман о Гайсмайере, где главный герой выведен в образе борца за социальное равенство (см.: 43). Приведенные факты могут навести на мысль о привлекательности взглядов Гайсмайера для идеологов тоталитарных режимов, но нельзя забывать и о том, с каким сочувствием и симпатией писал о Гайсмайере один из первых исследователей его деятельности, "мелкобуржуазный демократ" и депутат франкфуртского парламента В. Циммерман. Он называл Гайсмайера "славным народным вождем", видел в нем борца за религиозную и политическую свободу народа, а в его смерти - удар "в сердце народному движению Германии" (30, с. 416, 417, 421). Не сомневается в том, что Гайсмайер был убежденным республиканцем, и Г. Франц (38, с. 158).

Биография Гайсмайера во многом примечательна. Он родился в 1490 г. в горной деревушке близ Штерцинга. Его дед был крестьянином, отец, Якоб Гайсмайер, весьма предприимчивый и деятельный человек, являлся одним из видных пайщиков товарищества, занимавшегося добычей руды в Штерцинге, брал подряды на дорожное строительство, состоял на имперской службе (дорожным мастером) и, кроме того, владел двумя крестьянскими дворами, один из которых получил в дар от самого императора Максимилиана I. Паями в одном из горнорудных товариществ в Шваце владел Михаэль (26, с. 379). Вероятно, связи отца дали возможность Михаэлю получить место личного секретаря сначала у видного местного чиновника, ландсхауптмана и бургграфа Тироля барона фон Фельса, а затем - у епископа Бриксенского. Незадолго до восстания в Южном Тироле Гайсмайер занял должность таможенного чиновника. Итак, Гайсмайер происходил из семьи крестьянина и горнопромышленника, но социально больше принадлежал к канцелярскому чиновному люду, тому неистребимому "крапивному семени", ненавидимому во все времена и всеми народами. Бунтари из этой среды выходят крайне редко. Чаще, наоборот, атмосфера канцелярий формирует приверженцев существующего порядка вещей и сторонников охранительной идеологии.

Духовное становление Гайсмайера пошло в ином направлении. Некоторое представление об этом дают записи, сделанные самим Гайсмайером на полях документов, проходящих через его

руки: "Добро осталось не вознаграждено, зло не отмщено", "Дворянское право больно, бедняцкое коротко, имперское долго", "Я страдаю и молчу, и терплю со всеми невинными", "Медленно тоже можно идти далеко" (33, с. 32; 38, с. 157; 44, с. 148). За этими сентенциями видится натура глубоко совестливая, душа мятежная и мятушаяся, преисполненная сомнений и одновременно сочувствия к бедам простого народа. Нравственно Гайсмайер оказался готов к тому, чтобы не только принять идеи народной реформации, но и весьма активно участвовать в их реализации. В то же время было бы ошибкой видеть в Гайсмайере скорбного мыслителя, грустящего о несовершенстве мира, или склонного к аскетизму религиозного фанатика. В числе его "записей на полях" есть и такой, наспех рифмованный стихок: "Кто не любит вино, женщин и песен, тот до конца дней своих останется дураком" (44, с. 148). Сегодня можно лишь строить предположения о смысле высказывания Гайсмайера о том, что "медленно тоже можно идти далеко". Возможно, что это - знак о существовании в Бриксене тайной организации, готовящей народ к восстанию, однако убедительные документальные свидетельства на этот счет отсутствуют. Что же касается апогея Крестьянской войны в альпийских землях, особенно в Тироле и Зальцбурге, то выдающаяся роль в ней Гайсмайера прослеживается вполне ясно.

Восстание в Тироле началось 9 мая 1525 г., когда в Бриксене народ освободил из тюрьмы приговоренного к смертной казни крестьянина Петера Песлера, личного врага местного епископа. Спустя несколько дней, 13 мая, Гайсмайер был избран "капитаном" восставших крестьян Южного Тироля. Восстание быстро распространилось и на другие районы Тироля, захватив территорию от Боцена до Триеста, вовлекло в свою орбиту горожан и горняков, сопровождалось захватами монастырей и рыцарских замков. По словам Г. Франца, в это время Гайсмайер правит Тиролем, "как князь" (38, с. 157). Здесь, однако, нужно отдать должное и тому, кто был легитимным сувереном - графу Тирля, наместнику и брату императора Карла V эрцгерцогу Австрийскому Фердинанду Габсбургу. Не имея сначала достаточно средств для подавления восстания, он собирает 12 июня 1525 г. в Инсбруке ландтаг для рассмотрения требований инсургентов, находит в себе силы примириться с невозможностью участия в заседаниях ландтага католического духовенства. С открытием ландтага, сыгравшего роль своего рода "громоотвода революционной бури" (см.: 7), начал борьбу резко снижается, а заседания ландтага, в соответствии со "старой доброй традицией", проводятся солидно и без спешки, с присущей тирольцам добросовестностью и обстоятельностью. Все это дает правительству бесценный выигрыш во времени, а после того, как в июне были приняты некоторые требования оппозиционного княжеским властям движения (ограничение рос-

товщичества и деятельности крупных торговых компаний, подчинение духовенства светским властям, установление единых мер и весов), от этого движения отошло зажиточное крестьянство. Такой поворот событий дал возможность правительству в конце августа арестовать Гайсмайера, обезглавив тем самым восстание, которое быстро идет на убыль.

В ночь с 6-го на 7-е октября 1525 г. (после семинедельного тюремного заключения) Гайсмайеру удалось совершить побег из крепости в Инсбруке. В тот же день (7 октября) дворцовый княжеский совет издал мандат, предписывавший принять исчерпывающие меры к поимке "первейшего и величайшего в стране бунтовщика" (44, с. 353). Однако теперь, наученный горьким опытом, Гайсмайер действует значительно осмотрительней. Поняв, что восстание в Тироле потерпело поражение, он скрывается в соседней Швейцарии, в ноябре мы видим Гайсмайера в Цюрихе, где он обсуждает со знаменитым реформатором Цвингли план совместных действий (44, с. 364-369).

Дружба с Цвингли, несомненно, оказала влияние на взгляды Гайсмайера. Летом 1525 г., возглавляя восставших тирольцев, он поддерживал их достаточно умеренные требования. Но в дальнейшем его позиция резко изменилась. После встреч с Цвингли (зимой 1525-1526 гг.) из-под пера Гайсмайера выходит "Земское Устройство", программа во многом необычная и содержащая требования, которые не могли возникнуть в крестьянской среде. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что наряду с непосредственным использованием Гайсмайером реформационного учения и особенно программы деятельности Цвингли и возглавляемой им группировки радикального бюргерства (принцип республиканизма в проведении реформы церкви, организация института общественного призрения бедных и больных, создание системы народного образования), преобладает все же более тонкое и опосредованное влияние, заключающееся в расширении общего кругозора, уточнении политической позиции, апробировании собственных, ранее потаенных мыслей - словом, то, что может дать общение с интересным и умным собеседником, каким, несомненно, был блестяще образованный гуманист и "реформатор Цюриха" Ульрих Цвингли.

Тем временем габсбургское правительство все более овладевало ситуацией в Тироле; надо полагать, ожидание нового революционного подъема становилось нестерпимым для деятельной натуры Гайсмайера. Весной 1526 г., когда вновь вспыхнуло восстание в соседнем с Тиролем княжестве, Зальцбурге, он спешит туда из Швейцарии с отрядом своих приверженцев. В Зальцбурге Гайсмайер провел блестящую военную кампанию, разбив в серии сражений княжеские войска. Однако социально-политическая ситуация к тому времени для революционных сил кардинальным образом изменилась к худшему: крестьянские отряды в Швабии, Тюрингии и других местах "Старой Германии"

были разгромлены, руки Швабского Союза оказались развязаны, и он поспешил на помощь архиепископу Зальцбурга. Окруженный в конце концов многократно превосходящими силами противника, Гайсмайер в июле сумел альпийскими перевалами увести свой отряд в Италию, где поступил на службу Венецианской республики.

Деятельность Гайсмайера в Венеции быстро обнаружила его причастность к большой политике того времени. Мечта о независимости Тироля сделала Гайсмайера союзником антигабсбургски настроенной республики св. Марка и флорентийский изгнанников, знаменитых банкиров Строцци (49, с. 115 след.). Теперь он уже стал не просто "мятежником", но и политическим противником могущественнейшего монархического дома Европы, человеком, который мог успешно осуществлять роль связующего звена между антигабсбургскими силами Северной Италии, Швейцарского Союза и Южной Германии. В таких случаях тайная дипломатия Габсбургов редко допускала осечки, и 15 апреля 1532 г. Гайсмайера нашел кинжал наемного убийцы. Смерть великого тирольского революционера в известном смысле подвела итоги Крестьянской войны не только в Австрийских Альпах, но и во всех германских землях, подчеркнула окончательное ее поражение.

Приведенный ниже текст перевода "Земского Устройства" сделан по тексту известной публикации Г. Франца (см.: 45, с. 285-290), причем по возможности сохранен стиль источника, текст адаптирован в самой незначительной степени. Слова, заключенные в квадратные скобки, - от переводчика.

ЗЕМСКОЕ УСТРОЙСТВО ТИРОЛЯ*

[1.] Прежде всего присягаем и клянемся, объединив силы и средства, друг от друга не отступать, но в любое время действовать заодно и в совете, быть верными и послушными своей законной власти¹, и во всех делах искать не личной выгоды, а в первую очередь божьей чести и вслед за нею общей пользы², за что нам всемогущий Бог (как это многократно случалось со всеми, кто послушно следовал его заповедям) дарует милость и защиту. Поэтому мы должны быть всецело уверены, что он действительно истинный и никого не обманет³.

2. Все безбожные люди⁴, которые вечное Слово Господне преследуют, отягощают бедных простых людей и препятствуют общей пользе, должны быть изгнаны из страны.

3. Должен быть установлен и окончательно утвердиться совершенный христианский порядок⁵, основанный во всех делах на священном Слове Божьем⁶.

4. Чтобы не было ни у кого преимущества перед другим, должны быть отменены все вольности⁷, так как они направлены против Слова Божьего и фальсифицируют право.

5. Все стены вокруг городов, а равным образом и все зам-

ки и крепости, должны быть разрушены⁸, и на месте городов должны быть лишь деревни, чтобы не было различий между людьми, когда один хочет быть выше или удачливее другого, отчего вместо всеобщего равенства⁹ во всей стране может возникнуть разобщенность, а также высокомерие и мятеж.

6. Из церквей следует изъять иконы, реликвии и капеллы, так как они не являются святынями; также и месса по всей стране должна быть отменена¹⁰, поскольку это мерзость перед Богом и совсем не по-христиански.

7. Нужно верно и правдиво проповедовать повсеместно на Гайсмайерской земле слово Божье, искоренить всю софистику и писаное право и сечь его книги¹¹.

8. Суды по всей стране должны быть организованы по возможности таким же образом, как и церковные службы, чтобы их деятельность была связана с наименьшими затратами¹².

9. Каждая община ежегодно избирает полный [состав] суда, состоящего из судьи и восьми присяжных [заседателей], которые в этом году обязаны вершить суд.

10. Каждый понедельник должен вершиться суд, и любые дела не следует передавать в другой суд, а необходимо довести [их] до конца на следующий день; судьи, присяжные [заседатели], писцы, защитники, посыльные при судопроизводстве ни у кого ничего не берут¹³, но получают жалованье от государства, и поэтому по своей службе обязаны каждый понедельник появляться в здании суда и быть готовыми вершить суд¹⁴.

11. В стране должно быть установлено единое правительство, удобнейшим местом для которого был бы Бриксен, потому что там много церковных зданий и других удобных мест, и находится он посредине страны; регенты должны быть избраны от всех четвертей¹⁵ страны, а также несколько [членов правительства следует избрать] от горных разработок¹⁶.

12. С этого времени все жалобы следует направлять правительству, и никто не идет в Меран¹⁷, так как это связано с расходами и в этом нет нужды, и [такой порядок] должен войти в обычай.

13. В месте, где находится правительство страны, должна быть открыта высшая школа¹⁸, где следует учить слову Божьему, и три ученых мужа из высшей школы, которые искусны в слове Божьем и достаточно осведомлены в Священном Писании (из которого единственно и может быть разъяснена Божественная справедливость¹⁹), обязаны заседать в правительстве и во всех делах судить и выносить решение по Божьему велению²⁰; в какой мере оно относится к христианскому народу.

14. О податях все население страны после совета друг с другом должно решить, брать ли их сейчас или же захочет, призвав [на помощь] Закон Божий, объявить один свободный год, но сегодня [неотдленно] собирать налоги для общих нужд страны, так как необходимо иметь в виду, что вся стра-

на некоторое время будет нуждаться в военных расходах²¹.

15. Что касается пошлин, то я вижу общую пользу в том, чтобы повсюду в стране их отменить, но на границе их необходимо регулировать следующим образом: то, что идет в страну, не облагать пошлиной, с того же, что идет из страны, пошлину взимать²².

16. Что касается десятины, то ее обязан давать каждый²³, исходя из заповеди Божьей, и это происходит так: каждый приход, согласно учению [апостола] Павла²⁴, имеет священника, проповедующего слово Божье, который получает достаточное содержание из средств десятины и остаток из [собранной] десятины отдает бедным людям; по отношению к беднякам следует придерживаться только такого порядка, [согласно которому] никто не должен попрошайничать по домам, чтобы [таким образом] отвратить от безделья праздных людей, которые вполне могут работать²⁵.

17. Монастыри и здания Тевтонского Ордена²⁶ должны быть превращены в госпитали. В некоторых из них следует поместить больных, которых необходимо содержать со всей заботой и врачебным уходом, в других - стариков, которые [уже] не могут работать, а также бедных, не получивших [должного] воспитания детей, которые обязаны там учиться и получать воспитание. И где будут такие дома для бедняков, там необходимо после совета судьи со всей администрацией с целью лучшего изучения потребностей [принятых в эти дома] оказывать им помощь из средств десятины или милостыни. [Где же десятины [будет] недостаточно для содержания священника и бедняков, там должно [каждому] подавать милостыню, честно сообразуясь со своим благосостоянием. А где же сверх того будет недостаток, тому следует дать полное возмещение из доходов [всей страны]. И в каждом доме призрения следует поставить начальника госпиталя и, кроме того, назначить старшего фогта²⁷, или аммана²⁸, над всеми госпиталями, которые не делают ничего иного, как ссуществляют присмотр за ними и проявляют заботу о всех больных и бедняках; и с этой же целью все судьи, каждый в своем округе, обязаны помогать средствами десятины и добровольных подаваний несостоятельным и бедным людям. Бедняки должны иметь не только пищу и питье, но и [их] следует снабдить одеждой и всем необходимым.

Далее, чтобы повсюду в стране во всех делах был добрый порядок, должны быть назначены четыре капитана²⁹ и один старший капитан над всей страной, которые во время войны и во всех [других] делах проявляют заботу о нуждах страны, а также о водоемах, горных перевалах, мостах, плотинах, дорогах и делают все, что стране необходимо, и верно служат стране во всех ее нуждах; о всех же недостатках после про-

верки и разведки они обязаны тотчас же извещать правительство и принимать меры по совету последнего.

Болота, пойменные луга и другие неплодородные места в стране следует превратить в плодородные, и общая польза не должна ущемляться из-за своекорыстия некоторых лиц³⁰. Необходимо осушить все болота в окрестностях Мерана и Триеста, и после этого содержать здесь скот - коров и овец, а также во многих местах выращивать как можно больше зерна, и [таким образом] страна будет обеспечена мясом. Можно будет также во многих местах сажать маслины, выращивать шафран³¹, возделывать ценные сорта винограда, вино делать как в романских странах, а между [рядами виноградников] выращивать зерно, так как в зерне страна испытывает недостаток. И это будет иметь следствием, что дурные испарения на болотах исчезнут и [воздух] в стране будет свежим. Прекратятся многие болезни, которые порождались тяжелыми почвами виноградников, наступит изобилие вина и зерна и время справедливых цен для тех, кто работает. Но горные виноградники, где зерно не выращивают, позволено будет сохранить.

18. Далее, ежегодно каждая община целиком положенное время обязана работать на [общественных] полях и общинных землях, чтобы их расчистить, улучшить и украсить повсюду страну. Никто в стране не должен заниматься торговлей, ни на ком не должно лежать греха ростовщичества³². Однако чтобы при этом не появился недостаток и соблюдался добрый порядок, никто не обмеривал и не обвешивал, а каждый мог бы купить по справедливой цене хороший товар, следует прежде всего установить в стране место, к чему более всего подходит Триент, так как он лежит на скрещении торговых путей, организовать там все ремесла и перевести туда из всей страны производство тканей, беретов, латунных изделий, бумажен, обуви и прочего³³. И необходимо незамедлительно назначить генерального амтмана, который надзирает бы за всеми делами. И что в стране, как пряности и другое, нельзя получить, то должно быть заказано за ее пределами. Для этого в некоторых местах страны по возможности содержать магазины и там продавать всякого рода товары; и никто не должен извлекать из этого прибыли, а только покрывать расходы, которые возникают [в самой торговле]³⁴. Это предотвратит весь обман и фальсификацию, и можно будет иметь все товары по справедливой цене, а деньги останутся в стране, что принесет простым людям большую пользу. Этому амтману над торговлей и его служащим следует выдавать определенное вознаграждение.

19. Должна быть восстановлена добрая полновесная монета, как во времена герцога Сигизмунда³⁵, а нынешнюю монету [следует] изъять из обращения в стране и впредь не допускать обращения неполновесной монеты ни в большом, ни в малом количестве, для чего брать пробу с монет и проверять

их, а те, что наносят ущерб пользе страны, изымать из обращения.

20. Необходимо изъять из всех церквей и монастырей все кубки и драгоценности, которые [следует] переделать в монеты и использовать на общие нужды страны.

21. Следует также установить добрые отношения с соседними странами. Савойцам впредь не следует разрешать торговлю вразнос. Нужно проводить одну ярмарку в Эче³⁶ и одну на Ине³⁷. Следует иметь про запас достаточную сумму денег на случай, если стране придется внезапно вступить в войну. Имущество изгнанных дворян и других лиц должно быть использовано на возмещение судебных расходов.

22. О горном деле: прежде всего все плавильни, паи горных разработок, руда, серебро, медь и все, что к ним относится и может поступить в страну, принадлежащее дворянам, иноземным купцам и таким компаниям, как Фуггеры, Хохштеттеры, Паумгартнеры, Пиммели и им подобным³⁸, должно стать общей собственностью страны; это по отношению к ним справедливо, так как они попирали справедливость незаконным ростовщичеством³⁹: давали деньги на пролитие человеческой крови⁴⁰, отягощали простых людей и рабочих, обманывая их при начислении заработной платы и выплачивая ее плохими товарами по высокой цене⁴¹, вдвое превышающей обычную, благодаря их спекуляции поднялись цены на пряности и другие товары, что стало причиной обращения неполновесной монеты; и все владельцы монетных регалий⁴², получавшие у них серебро, должны были после [такой сделки] думать, чем оплатить свои издержки, или же взять у бедных [людей], сократив им заработную плату; также и владельцы плавильни не возмещали расходов за приобретенную руду, а на все товары, сосредоточенные в их [владельцев компаний] руках, поднимали высочайшие цены. И так они отягощали весь мир нехристианским ростовщичеством, что должно быть по справедливости наказано и устроено.

После этого во главе всех горных разработок страны должен быть поставлен один главный фактор⁴³, который ведет все дела и ежегодно отчитывается [перед правительством]. И никто не имеет права плавить руду сам⁴⁴, а выплавка всех металлов в стране должна производиться с разрешения [главного] фактора, он же устанавливает справедливую цену руды, а рабочие всех разработок должны получать заработную плату наличными деньгами, а не товарами, чтобы сельчане и горняки пребывали между собой в добром мире.

Таким же образом, в хорошем порядке необходимо содержать солеварни; и страна должна получать хороший доход от горного дела, которое следует вести как можно лучше, чтобы правительство страны имело возможность поддерживать всех отягощенных и нуждающихся, но если в стране появится недоста-

ток, и необходимых доходов для снабжения страны нельзя будет получить, то тогда возникнет нужда ввести налог или оброк, и это бремя равномерно распределить по всей стране. И также мы должны все усердие и все средства страны направить на то, чтобы в стране можно было развивать и сооружать горные разработки, которые принесут стране необходимый доход для ее разнообразных нужд.

—
*

Перевод "Земского Устройства" выполнен и вступительная статья написана А.Ф.Чуяновым, автором комментариев к тексту документа (за исключением прим. 14) является Ю.К.Некрасов.

1

Гайсмайер имеет в виду, судя по тексту "Земского Устройства", не княжескую администрацию, а избранные народом органы власти. Идею необходимости послушания "законным образом избранным народом властям" развивал и обосновывал в своих трудах и Цвингли, поскольку видел в таких властях орудие реализации "Божьего промысла" (см.: 46, с. 51, 111-130).

2

Под дефиницией "общей пользы" в немецкой публицистической литературе того времени подразумевался приоритет общественных интересов над частными и корыстными интересами, благо "простых людей" и общества, которое противопоставлялось тирании князей или эгоизму ростовщиков и богатых купцов.

3

Есть основания полагать, что в последнем предложении этой статьи отражено отношение к Богу и его заповедям "простодюдина", исполняющего нормы "конституции" Гайсмайера.

4

Под "безбожными людьми" Гайсмайер имел в виду всех противников общественных преобразований, т.е. княжескую администрацию, дворянство, католическое духовенство и владельцев крупных юднонемецких (прежде всего аугсбургских) компаний, которые, по его убеждению, попирали "общую пользу".

5

Тезис о "совершенном христианском порядке" дает основания полагать, что ст. 3 "Земского Устройства" появилась под непосредственным влиянием концепции Цвингли о "христианском государстве" (см.: 46, с. 40 след.).

6

Апелляция к "слову Божьему" как первоисточнику общест-

венного правопорядка сближает точку зрения Гайсмайера с учением об общественном перевороте представителей народной реформации - Мюнцера и радикальных деятелей в движении анабаптистов.

7

Автор "Устройства" вполне определенно имеет в виду сословные привилегии феодального дворянства, католического духовенства и средневекового бюргерства.

8

Многие историки видят в таком намерении Гайсмайера проявление его антибюргерских настроений, что вряд ли правомерно. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что Гайсмайер ставит в один ряд "стены городов", "замки и крепости" в качестве символов ненавистного ему феодального режима и требует их разрушения ради установления "всеобщего равенства".

9

Идею равенства людей перед Богом представители радикальных еретических течений уже в XIV-XV вв. переносили на почву общественных отношений и требовали восстановления изначально присущего людям, но затем утраченного ими равенства в "земном царстве", причем сама идея равенства могла выступать "в двух вариантах - уравнивания сословий и уравнивания имуществ" (см.: 2, с. 307). Приверженность Гайсмайера требованию "уравнивания сословий" сомнения не вызывает, что же касается идеи "уравнивания имуществ", вывод о том, что он ее разделял, может носить только гипотетический характер, поскольку текст "Земского Устройства" скорее свидетельствует о передаче собственности "безбожных людей" в распоряжение правительства и о ее "социализации", чем о намерении автора обобществить принадлежавшие последним имущества с целью установления социального равенства.

10

По сути дела это бюргерская программа реформы католической церкви, которую выдвигали и поддерживали Лютер, Цвингли и другие реформаторы.

11

Возможно предположение, что Гайсмайер имел в виду как сочинения "отцов церкви", поскольку признавал в качестве источника веры только Библию и "слово Божье", так и книги по юриспруденции (неприязнь автора "Устройства" к последним объясняется тем, что в XV-XVI вв. в германских землях происходила рецепция римского права, преследовавшая консервативную цель сохранения "старого порядка").

12

Гайсмайер следует бюргерскому требованию "дешевой церкви" и в преобразовании судопроизводства, а вместе с ним и всей системы административного управления.

13 Гайсмайер введением бесплатного для всех граждан республики суда, вероятно, намерен был, с одной стороны, добиться его демократизации, с другой - положить конец широко распространенной в судопроизводстве того времени коррупции.

14 Здесь необходимо пояснить, что в Тироле (как, впрочем, и почти повсюду в средние века в Западной Европе) компетенция и функции судов были значительно шире современного представления о предназначении этих органов. Судьи назначались князем и фактически являлись представителями княжеской администрации на местах, исполняя, помимо отправления правосудия, еще и отчасти функции политического, административного, военного (в том, что касалось снабжения, набора войск) управления. Судебные округа являлись прочной, исторически сложившейся территориальной общностью, и обозначались в документах того времени тем же термином, что и судебный орган - Gericht.

15 Возможно лишь предположение, что под "четвертями" (Vierteln) страны Гайсмайер имел в виду географически более или менее обособленные территории Шваца (центра горнорудных разработок и правильного производства), долины рек Эч и Ин, а также Южного Тироля, по преимуществу с итальянским населением (ныне автономная область Триенто-Альто-Адижде Итальянской республики).

16 Фердинанд Габсбург (как суверен Тироля) впервые пригласил горняков на заседания ландтага, в котором до того были представлены только сословия духовенства, дворянства и делегаты свободных крестьянских общин. Заседания этого ландтага открылись в Инсбруке 12 июня 1525 г. и продолжались до конца июля; на них были рассмотрены требования оппозиции, часть которых правительство удовлетворило. Гайсмайер намерен был пойти дальше фердинанда и ввести представителей горняков в правительство страны, уравнив их таким образом с другими сословиями. Заседания ландтага позволили фердинанду и его правительству предотвратить новое восстание в княжестве.

17 В Меране находилась резиденция княжеского суда.

18 Гайсмайер хотя и называет это учебное заведение "высшей школой" (Hochschule), но, несомненно, имеет в виду открытие в столице Тироля университета.

19 Вопрос об источнике веры приобрел к тому времени большую актуальность. Католики при его решении апеллировали

не только к Священному Писанию (Библии), но и к "священному преданию", т.е. к учениям "отцов церкви" (Августина Блаженного, Фомы Аквинского и других), постановлениям церковных соборов и авторитету римского первосвященника (папы). Реформаторы (Лютер, Цвингли и другие) признавали в качестве источника веры только Священное Писание. Мюнцер и анабаптисты не отвергая значения Библии в постижении "истинной веры", выше Библии, однако, ставили "животворное слово", "внутреннее откровение" и "озарение". В данном случае Гайсмайер, казалось бы, разделяет точку зрения идеологов буржеского направления в реформационном движении. Но сравнение данной статьи со ст. 3 того же "Земского Устройства" делает возможным вывод, что Гайсмайер в решении этого вопроса проявлял колебания между цвинглианством и учением народной реформации.

20

Здесь также вполне очевидно влияние учения Цвингли, который объявлял Бога творцом всего "сущего", видел в человеке прежде всего орудие божьего промысла. Но в то же самое время цюрихский реформатор призывал всех христиан к активной деятельности во всех сферах мирской жизни, в том числе экономической, поскольку, по его убеждению, такое поведение индивидов и является реализацией "божьей воли", направленной в первую очередь на служение "общей пользе" и "общественному благу" (46, с. 20, 25-26, 30, 49).

21

Гайсмайер понимал, что Габсбурги, Швабский Союз и князья не примирятся с утратой Тироля, населению которого придется с оружием в руках защищать свою свободу и независимость.

22

При решении экономических вопросов Гайсмайер руководствуется идеей автаркии, т.е. создания такой хозяйственной системы, которая сама производила бы все, необходимое для ее нормального функционирования.

23

Мюнцер, анабаптисты и представители радикального крыла в крестьянском движении выступали вообще против уплаты любых церковных десятин.

24

Это единственная конкретная ссылка Гайсмайера на Библию и учение апостола Павла, согласно которому "человек оправдывается верою, независимо от дел закона" (см.: 1.Послание к Римлянам святого апостола Павла, 3, 28). В средние века это учение нередко служило идеологическим оружием радикальным еретическим сектам, любой оппозиции официальной католической церкви (в частности, немецким мистикам XIV в. во главе с Таулером), а затем и Лютеру в его учении об "оп-

равдании верою" и борьбе с римской курией. Однако нет ясности, в какой мере Гайсмайер руководствовался самим учением Павла, так как есть основания полагать, что автор "Устройств" все же воспринял паудистское учение в трактовке Цвингли (см.: 46, с. 49 след.).

25

В этой и следующих статьях, обращаясь к злободневной для того времени проблеме нищенства и бродяжничества, Гайсмайер высказывает точку зрения (в этом убеждают посвященные данной теме исследования последних лет) (см.: 28, с. 100-115; 4, с. 114-127; 3, с. 53-61, 160-163; особенно статью В.А. Дятлова в настоящей книге), которая вполне очевидным образом согласуется с социальной политикой, проводившейся в жизнь в немецких городах при активном участии деятелей буржуазной реформации. Отсюда можно заключить, что позиция Гайсмайера в этом вопросе вступает в известное противоречие с идеями уравнительного коммунизма, которые во время ранней буржуазной революции выдвигали идеологи народной реформации.

26

Тевтонский (Немецкий) Орден был основан еще в 1190 г. немецкими феодалами во время крестовых походов западноевропейского рыцарства в страны Ближнего Востока. После изгнания оттуда Тевтонский Орден развернул энергичную деятельность в Европе и в XIII-XIV вв. превратился в крупнейшего землевладельца, а в 1237 г. по существу подчинил себе и поглотил Орден Меченосцев. В 1242 г. объединенный Орден предпринял попытку вторжения в земли Северо-Западной Руси, но на Чудском озере был разгромлен князем Великого Новгорода Александром Невским. Захватив, однако, в 1283 г. земли пруссов, Тевтонский Орден создал обширное и фактически самостоятельное государство между устьями Вислы и Немана, образовав вместе с Бранденбургом плацдарм для экспансии немецких феодалов в Центральной и Восточной Европе. Началом упадка Ордена явилось сокрушительное поражение в 1410 г. в битве при Грюнвальде, которое ему нанесли Литва и Польша. В этой битве на стороне победителей приняли участие и смоленские полки. Реформация завершила ликвидацию Тевтонского Ордена и его государства, создав одновременно предпосылки для возвышения Пруссии.

27 -

Фогт - светское должностное лицо церковного учреждения, осуществлявшее на территории феодального иммунитета судебные, полицейские и фискальные функции.

28

Амтман исполнял фактически те же функции, что и фогт, но назначался светским учреждением или юридическим лицом. Впрочем, название должности "фогт" сохранялось обычно и в

том случае, если иммунитетная территория переходила от церкви под контроль светских властей, как это, к примеру, происходило на территории некоторых кантонов Швейцарского Союза.

29

Гайсмайер обозначает этих должностных лиц термином "Hauptmannen" и имеет в виду командующих ополчениями "четвертей" страны и ответственных за состояние обороны.

30

Этому месту в тексте "Устройства" трудно найти ясное и точное толкование. Можно лишь предполагать, что Гайсмайер имеет в виду территории, которые феодальные сеньоры имели обыкновение превращать в парки, где они занимались охотой, которая в средние века была своего рода спортом аристократов.

31

Шафран в средние века использовался как в виде приправы (специи) к пище, так и в качестве красителя при производстве тканей (см.: 10, с. 113).

32

Здесь и далее в этой статье "Устройства" Гайсмайер предлагает собственный рецепт преобразования ремесла и торговли, логика которого, между прочим, до сих пор не получила убедительного объяснения в современной историографии. К тому же, отметим, что Гайсмайер не остался в стороне от острой полемики по вопросу о так называемых "монополиях", с которыми различные социальные слои населения Империи связывали свои беды (см.: 18, с. 196-233).

33

Трудно сказать, что имел в виду Гайсмайер под "прочим" производством, но что касается перечисленных в "Устройстве" изделий, то они определенно являлись товарами экспортного ремесла. Поэтому есть основания полагать, что Гайсмайер собирался осуществить централизацию и жесткий контроль над отраслями производства (сюда же следует отнести и горнодобывающую промышленность), имеющими экспортное значение.

34

Продолжение упомянутой выше темы борьбы широких слоев общественности против "монополий" и ростовщичества (см.: прим. 32), в ходе которой в повестку дня были поставлены принципиальные вопросы экономической жизни. Если Лютер допускал возможность получения "умеренного процента" в качестве своего рода вознаграждения "за риск", Гайсмайер формулирует требование, которое, с экономической точки зрения, носило антирыночный характер. Однако такое требование проистекало не столько из неприятия автором "устройства" товарного производства, сколько из того факта, что командным

позиции в хозяйственной жизни Тироля занимали феодальное дворянство и "иноземные компании". Поэтому Гайсмайер и уделяет такое внимание программе преобразования отношений собственности, носившей ярко выраженный антифеодальный характер.

35

Требование восстановления "доброй полновесной монеты" времени герцога Сигизмунда, правившего в Тироле во второй половине XV в. (до 1490 г.), может служить красноречивым примером показательного для средневековья осознания социальной действительности посредством обращения к образу, как правилу, идеализируемого прошлого с прагматической целью исправления положения вещей в настоящем или использования уроков прошлого в планах на будущее.

36

По всей видимости, Гайсмайер имеет в виду ярмарку в Триенте.

37

Всею скорее речь идет о ярмарке в политической и административной столице графства Тироль городе Инсбруке.

38

Гайсмайер с большим знанием дела пишет о горнорудной промышленности Тироля, в том числе о деятельности в ней южнонемецких фирм. Эта отрасль народного хозяйства, несомненно, играла ведущую роль в общественном производстве этого альпийского княжества, что находит подтверждение в трудах современных исследователей; в том числе советских историков (см.: 26, с. 120-213; 10, с. 146-192; 12, с. 176-198; 13, с. 42-44; 20, с. 146-163). В тексте "Устройства" большой интерес представляет не только предлагаемый Гайсмайером проект преобразований в горнорудной промышленности, но и факт умолчания о судьбах горнорудных товариществ (Gewerkschaften), занятых добычей руды и ведущих ее на капиталистических началах. Последнее обстоятельство, помимо прочего, может быть объясняется и тем, что Гайсмайер происходил из семьи горнозаводчика и сам владел паями горных разработок.

39

Гайсмайер, как, впрочем, и многие его современники, использует дефиницию "ростовщичество" (Wucherei) в большей мере в морально-этическом, чем экономическом смысле.

40

Гайсмайер имеет в виду враждебное отношение владельцев южнонемецких фирм к Реформации и народному движению вообще. Выразительные факты на этот счет на примере Фуггеров приводит А. Норден (см.: 17, с. 79-81, 111-120, 128-140).

41

Речь идет о так называемой "Trucksystem", т.е. опла-

те труда наемных рабrcих скобяными изделиями (орудиями труда в забоях) и салом (для освещения в тех же забоях), товарами первой необходимости, особенно сельскохозяйственными продуктами. К такой оплате труда, присущей раннекапиталистической стадии развития, прибегали и местные горнозаводчики (см.: 10, с. 184-187; 12, с. 189-191).

42

Монетная регалия давала право ее обладателям на чеканку собственной монеты.

43

Факторы в южнонемецких компаниях возглавляли их отделения (фактории) в тех географических пунктах, где эти компании осуществляли торговые или банковские операции, а также инвестировали средства в производство. У Гайсмайера "главный фактор" выступает в роли государственного чиновника, который был поставлен над всей горнорудной промышленностью Тироля и подчинялся правительству страны.

44

К началу Крестьянской войны южнонемецкие компании, главным образом аугсбургские, почти полностью вытеснили из горнорудной промышленности Тироля местных предпринимателей - "плавильщиков" (см.: 10, с. 172-174; 20, с. 155). Отсюда становится понятным, почему Гайсмайер намерен был прервать такую тенденцию развития и национализировать плавильное производство, поставив его под жесткий контроль правительства, на которое и возлагалась обязанность исправить положение в этой отрасли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Новый Завет.
2. Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI-XV вв.). М., 1984.
3. Дятлов В.А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV-XVI вв. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
4. Евдокимова А.А. Законодательство Фрейбурга в Брейзгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.
5. История средних веков / Под ред. С.Д.Сказкина. М., 1977. Т. 2.
6. История средних веков / Под ред. Н.Ф.Колесниченко. М., 1986.
7. Мацек Я. Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня - 31 июля 1525 года) // СВ. 1962-1963. Вып. 21-22.
8. Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.

9. Мор, Томас. Утопия. М., 1978.
10. Некрасов Ю.К. Очерк из экономической истории Германии конца XV - начала XVI вв. (по материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV-XVI вв. Вологда, 1969.
11. Некрасов Ю.К. Проблемы раннего капитализма в Германии в освещении М.М.Смирна // ЕГИ. 1971. М., 1973.
12. Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.
13. Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984.
14. Некрасов Ю.К. Концепция "революции простого человека" в современной западногерманской историографии // ЕГИ. 1985. М., 1986.
15. Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории...
16. Немилов А.Н. Великая крестьянская война 1525 г. в советской историографии // Проблемы всеобщей истории: Историографический сб. Л., 1967.
17. Норден А. Некоронованные властители. М., 1978.
18. Платон. Государство // Соч. В 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1.
19. Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии в первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979.
20. Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
21. Семенов В.Ф. История средних веков. М., 1970.
22. Сказкин С.Д. Фальсификация Крестьянской войны в фашистской "историографии" // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939.
23. Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.
24. Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.
25. Смирин М.М. Гайсмайер // СИЭ. 1963. Т. 4.
26. Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV-XVI вв.). М., 1969.
27. Смирин М.М. Германия в преддверии нового времени // Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1.
28. Смирин М.М. Гайсмайер // БСЭ. 3-е изд. М., 1971. Т. 6.

29. Штекли А.Э. От приютов милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47.
30. Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 2.
31. Чуянов А.Ф. Политическое содержание "Земского Устройства" Михаэля Гайсмайера // Социальные отношения ...
32. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.
33. Benedikter H. Was hat uns Gaismair noch heute zu sagen? // Die Bauernkriege und Michael Gaismair. Innsbruck, 1982.
34. Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkriege 1524-1526. 2. Aufl. Berlin, 1970.
35. Blickle P. Die Revolution 1525. Wien; München, 1975
36. Blickle P. Die Krise des Ständestaats Tirol als Modell zur Lösung des Konflikts von 1525 // Die Bauernkriege...
37. Deutsche Geschichte. Bd. 1. Von den Anfängen bis 1789. Berlin, 1967.
38. Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956.
39. Franz G. Der Bauernkrieg 1525 in heutiger Sicht // Die Bauernkriege...
40. Hoyer S. Das Gefecht bei Schladming im deutschen Bauernkrieg // MG. 1973. H. 3.
41. Hoyer S. Die Tiroler Landesordnung des Michael Gaismair // Die Bauernkriege...
42. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen Frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974.
43. Legere W. Der gefürchtete Gaismair. Berlin, 1976.
44. Macek J. Die Tiroler Bauernkrieg und Michael Gaismair. Berlin, 1965.
45. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsg. von G. Franz. München, 1963.
46. Rother S. Die religiösen und geistigen Grundlagen der Politik Hyldrych Zwinglis: Ein Beitrag zur Problem des christlichen Staates. Erlangen, 1956.
47. Seibt F. Utopia: Modelle totaler Sozialplanung Düsseldorf, 1972.
48. Steinmetz M. Die Stellung des Tiroler Bauernkrieges in der deutschen frühbürgerlichen Revolution // Die Bauernkriege...
49. Stella T. Michael Gaismair "cavaliere degli Strozzi" e la sua fanaglia durante il soggiorno padovano (1527-1532) // Die Bauernkriege...
50. Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg 1524-1526. Berlin, 1975.
51. Vogler G. Tendenzen der sozialen und politischen Problematik im deutschen Bauernkrieg: Ein Vergleich mit Gaismairs Tiroler Landesordnung // Die Bauernkriege...

АНАБАПТИСТЫ ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ:
"СВИДЕТЕЛЬСТВА О БЕРЕ" МИХАЭЛЯ ЗАТЛЕРА И ГАНСА ШМИДА
(Вступительная статья, перевод и комментарий)

Курфюрст Пфальцкий Людвиг V в письме от 11 мая 1528 г. жаловался эрцгерцогу Австрийскому Фердинанду на то, что до сих пор пламя "мятежа простого человека" еще не погасло в сердцах его подданных и свидетельством тому, по словам курфюрста, могут служить анабаптисты, "которых появилось немало в нашем княжестве" (20, с. 206). После Крестьянской войны страх власть и богатства имущих перед новыми восстаниями с появлением на исторической арене анабаптистов (см.: 1, 7, 11, 46) получил обильную пищу, что имело следствием обострение социальных противоречий почти по всей Германской империи. Что же представляло собою быстро распространившееся по многим городам и территориям последней и даже за ее пределами и почти повсюду жестоко преследуемое движение анабаптистов?

Есть основания полагать, что в его рядах объединились различные общественные течения, представители которых еще не утратили веры в возможность победы "божьих избранников" над "отвергнутыми Богом" властями и преобразования "мирской юдоли" в "царство божье" на земле. Как внешний знак приверженности анабаптизму его адепты не признавали крещения младенцев и принимали в свои общины только крещенных в зрелом возрасте. В условиях того времени это обстоятельство приобрело значение важного идеологического фактора. С другой стороны, новое понимание таинства крещения отразило изменение отношения широких народных масс не только к официальной церкви (причем как католической, так и протестантской), но и всему существующему общественному строю. Новое понимание таинства крещения дало имя и всему движению.

Движение анабаптистов возникло практически почти одновременно на территориях Швейцарии и Саксонии с Тюрингией. Чем больше Цвингли ориентировался в своей реформационной деятельности, прежде всего по политическим соображениям, на городской совет Цюриха (43, с. 184), тем решительнее радикально настроенная группировка его сторонников порывала со своим лидером. 21 января 1525 г. Конрад Гребель крестил в Цюрихе Георга Блаурока (см.: 12, с. 42-47; 16, с. 21-22; 22, с. 289; 34, с. 29-30; 35, с. 12-13), священника расположенной поблизости от города деревни Цолликон. Вскоре в этой деревне появилась первая община анабаптистов, которая, однако, через несколько недель после ее основания была разогнана по приказу магистрата. Но анабаптисты, несмотря на преследования, продолжали свою деятельность. а многочислен-

ные их общины стали появляться и в других местах. В Саксонии и Тюрингии вопрос о таинстве крещения сначала не играл значительной роли, поскольку здесь было известно учение Мюнцера, который не придавал особого значения этому таинству. Впрочем, здесь же на процесс формирования идеологии анабаптизма оказали влияние и "цвиккауские пророки" во главе с Никласом Шторхом (см.: 13). Это влияние усилилось после Крестьянской войны. В движение анабаптистов теперь влились и элементы, принадлежавшие к "мюнцеровской партии", характер деятельности которых, однако, сильно изменился после поражения крестьянского восстания 1525 г. Активная готовность к революционным акциям теперь у многих из них сменилась пассивным ожиданием конца света. В то же время личное знакомство некоторых руководителей движения адептов "новой веры" с Мюнцером и влияние последнего на их образ мышления является общепризнанным фактом. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует послание, которое Конрад Гребель направил Томасу Мюнцеру в сентябре 1524 г. (40, N 14, с. 13-21). На преемственность деятельности Мюнцера и движения анабаптистов указывают и другие факты, в том числе судьба таких лидеров этого движения, как Ринк и Гут.

Сын бедного гессенского крестьянина Мельхиор Ринк благодаря незаурядному дарованию и большому трудолюбию сумел получить гуманистическое образование. Он изучал в Эрфурте, который к тому времени приобрел значение крупного центра гуманистической культуры (см.: 2, с. 155 след.), древнегреческий и латинский языки и затем во многих местах служил капелланом, проповедником и школьным учителем, везде неустанно пропагандируя учение Мюнцера. Ринк не только участвовал в битве при Франкенхаузене (15 мая 1525 г.), но и продолжал революционную деятельность после Крестьянской войны. Он уверял своих сторонников, что во Франкенхаузене Бог ему приказал стать преемником "дела Мюнцера" и, главное, победоносно его завершить (44. Приложение 1, N 12). Ринк был глубоко убежден, что "хотя Мюнцера нет в живых, его дело живет" (42, с. 50), и с большой энергией пропагандировал идею неизбежного, по его мнению, общественного переворота в окрестностях Эйзенаха, Ваха и Херсфельда где вовлек в движение "многих людей". Ринк на 20 лет пережил Мюнцера, но из них до своей смерти в 1545 г. 17 лет провел в тюрьмах.

Такой же по существу характер носила деятельность Ганса Гута. До 1524 г. жизнь и деятельность Гута в качестве церковного служки, переплетчика и торговца книгами протекала в небольшом местечке Бибр, расположенном около города Майнингена во Франконии. В сентябре того же года он вступил в "Вечный союз божий" в Мюльхаузене (Тюрингия) и взял на себя

заботы об издании трудов Мюнцера в Нюрнберге. После битвы при Франкенхаузене, в которой так же, как и Ринк, принял личное участие, Гут продолжил борьбу против феодальных властей и господ у себя на родине в Бибре. При приближении княжеской армии он бежал в Аугсбург, где примкнул к анабаптистам. В дальнейшем Гут проявил большую энергию, создавая анабаптистские общины на обширных территориях от Тюрингии до Тироля и от Вюртемберга до австрийских земель. В 1527 г. он был арестован в Аугсбурге и там вскоре умер в тюрьме.

Если влияние Ринка на швейцарских и южнонемецких анабаптистов вряд ли было сколько-нибудь значительным, то Гут оставил достаточно глубокий след в их истории.

Почвой, на которой вырос анабаптизм, была как оппозиция широких народных масс существующему общественному строю, так и недовольство радикальных элементов в реформационном движении ограниченностью программы социальных преобразований не только Лютера, но и Цвингли. К тому же происходившие перемены в обществе не приводили к улучшению жизни большинства обездоленных и угнетенных. После Крестьянской войны многие тысячи ее участников нашли в движении анабаптистов единственную возможность продолжения борьбы в новых условиях. В движении приняли участие представители различных слоев населения, но большинство в нем составляли наемные рабочие, городские ремесленники и деревенская беднота. Участниками движения также были зажиточные бюргеры и даже дворяне. Многие ремесленники благодаря своей профессиональной деятельности устанавливали контакты с различными слоями населения. Это обстоятельство использовалось для распространения идеологии анабаптизма. Дома таких ремесленников порою превращались в центры общин, места тайных собраний или служили убежищем для преследуемых "братьев и сестер". Среди ремесленников особенно активное участие в движении приняли ткачи, портные, сапожники, плотники, кузнецы и слесари. В деревнях к нему присоединялись или сочувствовали ему прежде всего беднейшие их жители. Особую роль в движении играли представители низшего духовенства и школьные учителя; из их числа обычно рекрутировались руководители и идеологи движения adeptов "новой веры".

Вряд ли возможно дать однозначный ответ на вопрос об идейных истоках движения. Анабаптисты ссылались на Библию, ранние произведения Мартина Лютера и Ульриха Цвингли; их учение включало элементы мистики, гуманистические идеи Эразма Роттердамского и некоторые положения доктрины радикально-бюргерской ориентации Андреаса Карлштадта (см.: 28, с. 177; 29, с. 425). Еще в конце прошлого века протестантский историк церкви Л. Келлер, опираясь на идею континуитета в развитии общественных движений в Западной Европе, выводил анабаптизм из средневековых еретических сект (см.:

30, с. 365). По-разному воспринималось анабаптистами и учение Мюнцера: радикальные элементы среди них объявляли себя последователями этого учения, умеренные - отвергали идею наследственного общественного переворота (см.: 10, с. 224 след.). Анабаптисты, называвшие всех стоявших вне их братства "безбожниками" (см.: 43, с. 254), хотя и создали уже на раннем этапе движения довольно стройную систему мировоззрения, она в то же время вряд ли представляла собою единую идеологию. Об этом свидетельствует отношение различных группировок анабаптистов к властям, требованию установления общности имущества, а также разногласия между ними по другим вопросам. Отрицательное отношение к властям находило выражение в отказе анабаптистов занимать государственные должности, брать в руки оружие, присягать властям и "давать налоги на войну". Но среди них не было единства мнений по вопросу о том, каким образом следует реализовать идеалы анабаптизма. В этих разногласиях ярко проявились две тенденции в самом движении: представители одного направления занимали пассивную позицию ожидания, когда все изменится путем обособления адептов "новой веры" от "греховного мира" и вмешательства в земные дела самого Бога; представители другого направления ориентировались на достижение конечной цели насильственными средствами, с помощью заговора или даже восстания. Всех анабаптистов объединяло, однако, враждебное отношение к официальной церкви, причем как католической, так и "реформированной", а также к феодальному обществу и государству, от которых они стремились "обособиться", поскольку только в братствах "избранных" и "истинно верующих" они видели единственную достойную и приемлемую для себя форму социального бытия. В их враждебности властям находил выражение протест как против феодальных отношений угнетения и эксплуатации, так и против мануфактурной организации труда или непосредственно предшествующих ему форм, присущих стадиям раннекапиталистического производства. Признавая над собой власть только Бога и отвергая все правительственные учреждения как нехристианские, анабаптисты уже в силу этой причины вступали в конфликт с официальной церковью и государственными органами. Движение анабаптистов, несмотря на религиозную мотивацию их деятельности, представляло угрозу существующим политическим институтам, которые развернули с ним энергичную борьбу.

Карательные меры властей, как правило, не приносили желаемых результатов, и движение анабаптистов продолжало стремительно набирать силу. Движение распространилось не только на Швейцарию, Тюрингию и Саксонию, но и на Франконию, анабаптисты "которой избрали своим центром Аугсбург, рейнские области, где такую же роль играл Страсбург, а также на Вюртемберг, Баден, Баварию и Пфальц. Вслед за ними движение

охватило Вестфалию, Фрисландию, Голландию и пустило глубокие корни на севере Германии в ганзейских городах. Оно же нашло также многочисленных приверженцев в альпийских землях и создало крупный центр в Моравии. На преследования со стороны властей анабаптисты ответили активизацией своей деятельности, которую они вели не только в таких метрополиях движения, как Аугсбург, Ульм и Страсбург, но и во многих других городах и деревнях. Крупные общины адептов "новой веры" появились в Аугсбурге, Вальдсхуте, Ратенберге, Цолликоне, Эслингене, Пассау, Зальцбурге и Кицбюгеле; значительные по численности их общины образовались в Вене, Линце, Вормсе, Кауфбойрене, Швебиш-Гмюнде, Галле в Тироле и Мюльхаузене в Тюрингии. В общей сложности на территории Германской империи и Швейцарского Союза в движение было вовлечено более 500 городов и деревень. Адепты "новой веры" использовали разнообразные формы пропаганды и агитации, благодаря которым стало возможным быстрое распространение их идей, увеличение числа сторонников движения и создание нескольких сотен общин. Отметим также, что анабаптисты большое значение придавали организации движения: они конспиративными средствами поддерживали друг с другом постоянные контакты (см.: 45, с. 122 след.).

Феодальные властители и правящая верхушка городов по вполне понятным причинам не могли относиться безучастно к успехам деятельности адептов анабаптизма, которая носила откровенно враждебный к любым институтам власти характер. Поэтому представители последних видели в этих успехах большую для себя опасность и быстро перешли к политике подавления движения анабаптистов. Отсюда становится понятным, почему анабаптисты, спасаясь от преследований, порою вели бродячий образ жизни. Впрочем, такой образ жизни был связан во многом и с их миссионерской деятельностью. В 1527 г. вожаки и активисты движения из Франконии, Баварии и Австрии собрались в Аугсбурге, чтобы обсудить вопрос об объявленном Гуттом "конце света" и последний раз предупредить о его наступлении "греховный мир". Некоторое время анабаптистам удавалось, прибегая к строгой конспирации, вести работу "аугсбургского синода" в тайне от властей. Однако узнав о "синоде", власти обрушили на анабаптистов жестокие репрессии, жертвами которых стали многие тысячи участников движения адептов "новой веры".

Многие видные деятели этого движения приняли смерть "мучеников за веру". Так, один из лидеров швейцарских анабаптистов, Феликс Манц, 5 января 1527 г. был приговорен к утоплению цюрихским судом. Георг Блаурок 14 августа 1529 г. сожжен на костре инквизиции в Тироле. Таким же образом еще 10 марта 1528 г. в Вене закончил свой жизненный путь Бальтазар Хубмайер. Между тем он после Крестьянской войны скло-

нялся к точке зрения, согласно которой не меч, а убеждение должно стать способом решения религиозных разногласий. Он теперь полагал, что "злых" можно подавлять с помощью силы, прибегая к "мечу", но такой способ недопустим по отношению к "безбожникам". По мнению Хубмайера, Бог поставил всех живущих на земле перед выбором - верить или не верить, потому что, по словам того же Хубмайера, не дело людей решать силой споры между сторонниками "истинной веры" и "безбожниками" или "верующими" и "неверующими". Таким образом он пропагандировал, как утверждает Т.Бергстен, не только свободу выбора вероисповедания, но и свободу от религиозных убеждений вообще, т.е. свободу атеизма (15, с. 175). В этой связи отметим, что, во-первых, признание Хубмайером за любой креатурой права выбора конфессии вряд ли предполагало допущение атеизма; во-вторых, эволюция во взглядах анабаптистов (об этом можно сказать вполне определенно) не приводила к смягчению по отношению к ним репрессий со стороны властей.

Когда во время судебного процесса над анабаптистами во владениях Габсбургов в Юго-Западной Германии (Передней Австрии) одного из них, Михаэля Затлера, приговорили к смертной казни, приговор гласил, что осужденный "должен быть передан в руки палача, который обязан привезти его на площадь и там отрезать ему язык, затем приковать его к повозке и потом раскаленными клещами вырвать два [куска] тела, после этого доставить к [городским] воротам и [там] вырвать [еще] пять [кусков тела]. Когда все это произойдет, тогда его как еретика сжечь" (23, с. 332). Этот приговор был приведен в исполнение в Роттенбурге-на-Неккаре 21 мая 1527 г. в присутствии большого числа горожан. Когда же власти ожидали будто бы подготовленного анабаптистами восстания, преследования достигли апогея. Власти связывали с движением анабаптистов планы восстаний и заговоров, видели в их деятельности прямое продолжение Крестьянской войны. В большинстве случаев анабаптистов обвиняли не в ереси и богохульстве, а в подготовке мятежей и неповиновении "законным властям"; поэтому дела адептов "новой веры" рассматривались не церковными инквизиционными трибуналами, а светскими судами. Власти территориальных княжеств и магистраты городов издавали мандаты против анабаптистов, которые предусматривали суровые наказания и зачитывались с церковных кафедр. 4 января 1528 г. был обнародован первый императорский указ, направленный против анабаптистов и угрожавший им смертными казнями. Шпейерский рейхстаг 23 апреля 1529 г. принял закон, установивший, что анабаптисты, особенно лидеры и идеологи движения, за их взгляды "без всякого снисхождения" должны предаваться смертным казням. Аугсбургский рейхстаг 1530 г. еще раз подчеркнул в одном из своих постановлений необходимость строгого соблюдения зако-

на. Приведенные факты красноречиво свидетельствуют об отношении властей к движению анабаптистов и его участникам.

Правда, необходимо отметить также, что раздавались голоса и тех, кто призывал к милосердию, выступал против вынесения анабаптистам смертных приговоров и вообще против их наказания "как уголовных преступников". Проповедник Швებიш-Галля и реформатор Франкони и Вюртемберга Иоганнес Бренц уверяли своих оппонентов, что "анабаптистов нельзя наказывать за их учение смертными казнями, так как они учат, что люди должны принуждаться к обобществлению земных имущества силой, и они сами [никого] не принуждают к тому силой, поэтому на них [также] нельзя воздействовать силой" (33, с. 332-333). Кое-кто из судей разделял точку зрения Бренца. Однако такое отношение судей к анабаптистам все же было исключением из правила: в большинстве случаев судьи менее всего обнаруживали склонность к христианскому милосердию, когда вставал вопрос о наказании анабаптистов, которые неизменно носили суровый и даже жестокий характер. Причиной тому было убеждение "власть имущих", что анабаптисты являются противниками любых государственных институтов и частной собственности.

Среди тех, кто публично проклинал и объявлял анабаптистов вне закона, видел в них "воплощение [самого духа] дьявола", были Ульрих Цвингли, Мартин Лютер, ближайший сподвижник последнего и "учитель Германии" Филипп Меланхтон и другие реформаторы. Они связывали с деятельностью анабаптистов "воскресение духа Мюнцера" и угрозу "новой Крастьянской войны". Известный деятель бюргерской реформации Юстус Мениус писал: после того как дьявол в образе Мюнцера несколько лет тому назад вынужден был замолчать, дьявол стал вести свои дела в глубокой тайне и воплотился в "бандах анабаптистов" (см.: 37). Ссылка на преемственность деятельности анабаптистов с учением Мюнцера давала католическим и протестантским теологам достаточные основания, чтобы призывать к суровым наказаниям участников их движения.

Усиление репрессий со стороны властей заставило многих анабаптистов покинуть родину. Для значительного их числа местом убежища от преследований стала Моравия. Здесь летом 1526 г. образовался крупный центр движения, пользовавшийся благосклонным вниманием со стороны представителей некоторых местных аристократических семейств. Тогда же были предприняты первые попытки установления общности имущества. Придапни этому намерению анабаптистов соответствующих организационных форм содействовали неоднократные посещения Моравии в течение 1523-1535 гг. Якобом Хуттером. Обосновывая необходимость введения общности имущества, Хуттер упрекал сторонников бюргерской реформации в том, что среди них "каждый смотрит на собственное поле, [видит только] собственную вы-

году и корысть; поэтому каждый делает только то, что наполняет его собственный мешок" (26, с. 184). Иоганнес Бретли, один из основателей общины анабаптистов в Цолликоне, некоторые члены которой после ее разгона властями переселились в Моравию, еще в феврале 1525 г. утверждал, что каждый христианин должен стремиться к тому, чтобы "жить своим трудом и не быть никем отягощенным" (40, N 36, с. 44-45). Хутеровские братья занялись поисками таких форм производственной деятельности и социального бытия, которые позволили бы им выполнить заповеди Христа на практике. В установлении общности имущества они видели надежную гарантию реализации "божественной воли", так как, по их убеждению, если собственность связывает людей с мирской суетой, общность имущества дарует им такую свободу, которая открывает перспективу построения "царства божьего" в посюсторонней действительности. И эта идея под покровительством феодальных властителей, преследовавших собственные цели, была претворена в жизнь (см.: статью М.В.Васильевой в настоящей книге).

Однако ситуация, возникшая в Моравии, все же была редким явлением: на большей части территории Германской империи и Швейцарского Союза власти, что уже известно читателю, проводили по отношению к анабаптистам политику преследований и репрессий. Почти повсюду анабаптистов по приказу властей бросали в тюрьмы, предавали суду, под пытками принуждали давать показания и подвергали наказаниям смертными казнями, многолетними тюремными заключениями, конфискациями имущества, крупными денежными штрафами, изгнаниями из родных городов и деревень, выставляли у позорного столба. Порою возникала реальная угроза всему населению разделить судьбу адептов "новой веры". Когда в ноябре 1529 г. в Швешин-Гмюнде было арестовано несколько анабаптистов, магистрат обратился с просьбой к руководству Швабского Союза, чтобы оно немедленно направило в город карательный отряд на том основании, что "арестованные [недавно] анабаптисты имеют немало друзей среди простых людей в городе" (19, с. 17). Официальные власти в данном случае принуждали бюргеров к действиям против анабаптистов, чтобы таким путем "положить конец критике в свой адрес". 1 декабря отряд вступил в город, но неожиданно для магистрата ландскнехты высказались против строгих мер по отношению к адептам "новой веры". Этот эпизод хотя бы отчасти объясняет, почему власти порою проявляли несвойственную им веротерпимость.

После Крестьянской войны борьба анабаптистов против церковных и светских правителей в городах и деревнях продолжала оставаться существенным компонентом антифеодальных настроений во всем обществе. Однако большинство анабаптистов теперь уже открыто не выступало за реализацию идеи "божественной справедливости" насильственными средствами, упоая

прежде всего на прямое вмешательство в земные дела самого Бога и второе пришествие Христа. Анабаптисты; утратив веру в возможность общественного переворота "во всем земном царстве", обратились к практической деятельности, которая, как правило, сводилась к созданию касс взаимопомощи, участию в организации новых форм благотворительности и бесплатных школ для бедняков. Только в редких случаях, как это произошло в Моравии, адепты "новой веры" вставали на путь обобществления имуществ, чтобы таким образом способствовать достижению конечной цели движения и реализации своей социальной программы.

Однако радикальные и даже экстремистские силы в рядах анабаптистов и в начале 30-х гг. XVI в. еще не были полностью подавлены и умиротворены репрессивными мерами властей. История Мюнстерской коммуны (6, с. 149-182; 11, с. 233-286; 18, с. 45 след.; 21, с. 258 след.; 33, с. 345-351) убедительно показала, что "мятежный дух", о котором курфюрст пфальцкий писал эрцгерцогу австрийскому, и на самом деле даже к 1534 г. еще не погас в сердцах подданных Империи и ее князей. И только поражение Мюнстерской коммуны нанесло сокрушительный удар по радикальному крылу в движении перекрестцев и открыло принципиально новый этап в истории анабаптизма. Под влиянием ее трагических событий в движении анабаптистов окончательно возобладало непротивленческое (пацифистское) направление, в роли идеолога и лидера которого выступил Менно Симонс, давший, по общепринятому в советской историографии мнению, имя консервативному религиозному течению - меннонитству, представители которого категорически отрицали "революционные методы переустройства существующих общественных порядков" (см.: 8, с. 17; ср. также: 11, с. 334-335 след.).

Переводы публикуемых ниже документов по истории движения анабаптистов представляют интерес по следующим соображениям. Во-первых, они служат иллюстрацией к предваряющему публикации очерку по истории раннего анабаптизма. Во-вторых, они же открывают перспективу (поскольку эти документы отделяет друг от друга время в три десятилетия) исследования эволюции анабаптизма XVI в. В-третьих, оба документа обнаруживают глубокую генетическую связь, что бросает дополнительный свет и на исторический феномен анабаптизма в целом. И, наконец, в-четвертых, русскому читателю до сих пор неизвестны подлинные источники по истории движения адептов "новой веры", и публикация упомянутых выше документов определенным образом восполняет этот пробел.

Первый из публикуемых документов (см.: 26, с. 37-40) представляет собою текст обвинения, предъявленного судом

одному из лидеров и идеологов движения "швейцарских братьев" в Южной Германии Михаэлю Затлеру, и его ответы на эти обвинения. О Затлере известно, что он родился около 1490 г. в небольшом городке Штауфен в Брейсгау, был монахом обители св. Петра бенедиктинского ордена в той же области и даже приором этой обители (см.: 39, с. 25; 17, с. 29). Под влиянием реформационного движения Затлер разочаровался в католическом вероучении и, покинув стены монастыря, отправился в Швейцарию, где присоединился к общине анабаптистов Цюриха и активно включился в деятельность по пропаганде их учения, за что решением магистрата (18 ноября 1525 г.) был выслан из города (40, N 84-85, с. 73-75; N 133, с. 136). Попытка Затлера вернуться на родину оказалась неудачной: преследования со стороны властей вынудили его отправиться в славившийся своей веротерпимостью Страсбург, где он был принят в доме одного из видных деятелей реформационного движения в Юго-Западной Германии Вольфганга Капито (Копфеля). Здесь же Затлер встретился с такими известными вожаками движения анабаптистов, как Ганс Денк и Людвиг Хетцер (17, с. 29-30). В конце 1526 - начале 1527 гг. он развернул активную проповедническую деятельность на территории к северу от Роттенбурга-на-Неккаре, создав оловный пункт движения в городе Хорбе (17, с. 30-31).

24 февраля 1527 г. Затлеру удалось организовать и провести большое собрание анабаптистов в Шлаттене (сегодня - Шлейтгейм в швейцарском кантоне Шафхаузен). На этом собрании состоялась обсуждение документа, получившего название "Братское объединение некоторых детей Божьих относительно семи статей..." (в научной литературе чаще фигурирует как "Шлейтгеймские статьи"), на основе которого была предпринята попытка обособления "тихих" перекрещенцев от "лодных братьев", вообще всего "греховного мира" и их объединения с целью восстановления основанной еще Христом "святой общины" (38, с. 76-77; 17, с. 31). Эти "Шлейтгеймские статьи", обнаруженные у Затлера во время его ареста в конце февраля 1527 г., были использованы против него на судебном процессе в Роттенбурге (см.: 40, N 224, с. 250-253; 17, с. 30-38). Выдвинутые против Затлера и его единомышленников в ходе судебного разбирательства 17-18 мая того же года статьи обвинения и ответы на них Затлера в пересказе анонимного (явно разделявшего взгляды обвиняемых) очевидца событий, легли в основу публикуемого документа (приложения к тексту продолжавших распространяться в анабаптистской среде и после мученической смерти Затлера "Шлейтгеймских статей"). Отметим также, что судебный процесс состоялся в Роттенбурге-на-Неккаре, который с 1381 г. стал главным городом принадлежавшего Габсбургам княжества Хозенберг и резиденцией ландграфа (см.: 32, с. 436), но в то же время сохранил за со-

бою статус "имперского города".

Второй документ (см.: 26, с. 266-270) связан с именем выдающегося хуттеровского миссионера Ганса (Хенселя) Шнида по прозвищу Райфер (выходца из местечка Райфах в Тироле, казненного в Аахене в октябре 1556 г.). Он был, очевидно, составлен во время его проповеднической деятельности в рейнских областях Германии в 1556-1557 гг. (см.: 41, с. 108, 128; 24, с. 75-76). В этом документе речь идет о событиях 1556 г., когда Шниду после долгих переговоров удалось обратиться группу "швейцарских братьев" из Крейцмаха в свою веру и склонить ее к переселению в Моравию. "Братское объединение между нами (повествование в документе ведется от имени хуттеровских братьев Моравии. - Н.В.) и некоторыми швейцарскими братьями" содержит диалог Шнида с одним из бывших лидеров "швейцарских братьев" Лоренцом Хуфом, в ходе которого Шнидом в семи статьях были изложены основные принципы хуттеровского вероучения. На этом документе вполне определенно сказались влияние уже упоминавшегося ранее затлеровского "Братского объединения некоторых детей Божьих относительно семи статей...", причем это влияние нашло отражение не только в содержании текста источника, но и в его названии. На значимость "семи статей" Шнида для хуттеровцев указывает, в частности, то обстоятельство, что позже они были включены в хуттеровскую хренику (25, с. 270-278). О том же, что этот документ долгое время продолжал оставаться актуальным для движения анабаптистов, свидетельствует его использование в виде "приложения" к известному "Посланию..." 1650 г. А.Эренпрейса, одного из лидеров хуттеровских братьев, также попытавшегося объединить различные группировки анабаптистов (41, с. 111). Историки и сегодня придают большое значение этому источнику, поскольку он позволяет не только проследить эволюцию идеологии и программных установок анабаптистов и их реализацию в практической деятельности, но и пролить достаточно яркий свет на характер отношений между "хуттеровскими" и "швейцарскими" братьями, а также определенным образом восполнить небогатую источниковую базу истории "швейцарских братьев" этого периода (см.: 41, с. 108, 128; 27, с. 75-76).

И еще одно замечание. Несомненный научный интерес представляет также сравнительно-исторический анализ источников, о которых речь шла выше, с текстами "Земского Устройства" Михаэля Гайсмайера, перевод которого дан в настоящей книге, и утопии Ганса Гергота "О новом преобразовании христианской жизни" (4, с. 256-268). Комплексное изучение упомянутых выше и других аналогичного содержания памятников эпохи Реформации позволит продвинуть решение спорной сегодня в отечественной историографии проблемы социальной сущности утопии коммунистического толка.

Переводы публикуемых документов выполнены по изданию, подготовленному Л.Мюллер (см.: 26, с. 37-40, 268-270). В их редактировании неоценимая помощь была оказана профессором В.М.Павловым. Документы публикуются с некоторыми сокращениями подробностей событийного характера. В квадратных скобках дается текст, отсутствующий в оригинале.

СТАТЬИ И СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ МИХАЭЛЬ ЗАТЛЕР В
РОТТЕНБУРГГ-НА-НЕККАРЕ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛ
СВОЕЙ КРОВЬЮ
(1527 г.)

После всевозможных событий (дня своего расставания с этим миром)¹, когда было [ему предъявлено] много статей, Михаэль Затлер снова потребовал огласить ему таковые... Против этого выступил шультгейс (как поверенный своего господина)² и не пожелал [этого] допустить. На это Михаэль выразил протест... На что секретарь городского [совета] Энзисхайма³... высказался следующим образом: "Предусмотрительные, почтенные и мудрые господа, он прославляет себя святым духом⁴, поэтому, мне кажется, нет необходимости разрешать ему подобное, так как если он обладает святым духом, как он похваляется, тот ему скажет, о чем шла речь". На это Михаэль ответил: "Служители Бога⁵, я надеюсь, в этом мне не будет отказа..." Городской секретарь ответил: "... Ему следует снова зачитать статьи".

[Далее] следуют статьи.

Во-первых, что он и его близкие [сподвижники] действовали против императорского мандата⁶.

Во-вторых, он учил, считал и верил, что в причастии нет плоти и крови Христа⁷.

В-третьих, он учил и верит, что крещение детей не способствует спасению [души]⁸.

В-четвертых, они⁹ отвергали таинство помазания¹⁰.

В-пятых, мать Божью¹¹ и святых¹² принижали и хулили.

В-шестых, он говорил, [что] не следует присягать властям.

В-седьмых, [они] положили начало новому неслыханному обычаю Господней вечери: вино и хлеб помещали в одну чашу и это вкушали¹³.

В-восьмых, он вышел из [монашеского] ордена и взял де-ну¹⁴.

В-девятых, он говорил, что если турок придет в страну, то ему не следует оказывать сопротивления, а если бы война была справедлива¹⁵, он лучше предпочел бы выступить против христиан, чем против турок, в [чем] его особенно большая вина: привлечь против нас, нашей святой веры самых боль-

ших [наших] врагов. (Окончание статей.)

На это он (Михаэль Затлер) бесстрашно ответил так:

Во-первых, [того], что мы действовали против императорского мандата, мы не признаем, поскольку такие [его] указания, что не следует придерживаться лютеровского учения и соблазна, а только евангелия и слова Божьего, - мы это соблюдали¹⁶. Свидетельствую об этом на слове Христа, так как против евангелия и слова Божьего я [никогда] не выступал.

Во-вторых, [то], что причастие не является подлинной плотью Христа, мы признаем, так как в [Священном] Писании говорится: "Христос вознесся на небо, сидит справа от своего небесного отца [на престоле], откуда в будущем он станет судить живых и мертвых". Из этого следует, что поскольку он [пребывает] на небе, а не в хлебе, его нельзя вкушать физически.

В-третьих, по поводу крещения мы говорим, [что] крещение детей бесполезно для спасения [души], так как записано [в Библии], что мы живем только благодаря вере. Итак, кто верует и будет крещен¹⁷, тот будет спасен. [Апостол] Петр говорит так (1 Пет., 3, 21): "То, что делает вас спасенными в крещении, означает не плотской нечистоты омытие, а союз доброй совести с Богом через воскресение Христа".

В-четвертых, мы не отвергали ел¹⁸, так как это - творение Бога. [То], что сделал Бог, - хорошо и неизменно. А тому, что папа, епископы, монахи и попы пожелали сделать лучше, мы не придаем значения, так как папа никогда ничего не делал хорошо. [Тот елей], о котором идет речь в послании Иакова, не является папским елеем¹⁹.

В-пятых, мы не хулили Богоматерь и святых, а напротив, мать Христа [как мы полагаем] следует превозносить над всеми женщинами, так как на нее снизошла [такая] милость, что она родила спасителя всего мира. Но на то, что она - посредник [между верующим и Богом] и заступница [верующего перед Богом], [Священное] Писание не указывает, так как она должна ждать [Божьего] суда вместе с нами. [Апостол] Павел говорит Тимофею: "Христос - наш посредник и заступник перед Богом". Что касается святых, то мы говорим, что те святые, которые живут и верят [на земле]²⁰, что я удостоверяю посланиями [апостола] Павла к Римлянам, Коринфянам, Ефесянам и другим, где он всегда пишет: "возлюбленным святым". Поэтому мы, которые здесь [на земле] веруют, - святые. Умерших же в вере мы почитаем за спасенных.

В-шестых, мы считаем, что не следует присягать властям, так как Господь говорит (Матф., 5, 34-37): "Вы не должны клясться, а ваша речь должна быть: <<да, да>>, <<нет, нет>>".

В-седьмых, когда Бог призвал меня свидетельствовать о своем слове, и [я], читая [апостола] Павла, обдумывал при-

этом то опасное нехристианское состояние, в котором я пребывал, имея в виду роскошь, тщеславие, корысть и большой разврат монахов и попов, я ушел и взял [себе] по велению Бога жену, так как [апостол] Павел пророчествовал [в послании] Тимофею (1 Тим., 4, 1-3) о том, [что] в последние дни [перед Страшным Судом] произойдет то, что некто запретит брак и еду, сотворенную Богом для того, чтобы вкушать [ее] с благодарностью.

В-восьмых, когда придет турок, не следует ему оказывать сопротивления, так как написано [в Библии]: "Не убий". Мы не должны сопротивляться турками и другим нашим преследователям, а строгой молитвой к Богу вопрошать, чтобы он [им] препятствовал и дал отпор²¹. А тому, что я говорил: "Если бы война была справедлива, то я бы скорее предпочел выступить против мнимых христиан, которые христиан благочестивых преследуют, ловят и убивают, чем против турок", - причина [следующая]: турок есть турок, и ничего не знает о христианской вере, он - турок по плоти. Вы же хотите быть христианами, похваляетесь [именем] Христа, но преследуете благочестивых свидетелей Христа и являетесь турками по духу.

В-девятых и заключение. Служители Бога, я, увещаю вас задуматься [над тем], для чего вы поставлены Богом, а именно: [ваше назначение] - карать злодеев, а благочестивых [верующих] защищать и оберегать²². Так как мы не выступали против Бога и евангелия, то вы должны были заключить, что я, мои братья и сестры не действовали против власти ни словом, ни делом. Поэтому, служители Бога, поскольку вы слова Бога не услышали, не прочитали, пошлите за учеными [людьми] и за божественными книгами, Библией, на каком бы языке они не были [написаны], и велите обсудить все это с нами по слову Божьему²³. Если они убедят нас с [помощью] Священного Писания, что мы во [всем] этом не правы, то мы охотно встанем и отречемся [от заблуждений], а также охотно претерпим приговор [суда] и наказание за нашу вину. Но если не будет доказано то, что мы заблуждались, надеюсь на Бога, [тогда] вы позволите обратить себя [в нашу веру] и поучать [вас в ней].

1

Речь идет о событиях второго дня судебного разбирательства (18 мая 1527 г.), когда Затлеру был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение 20 (21) мая (о дне казни в источниках имеются расхождения)(см.: 17, с. 36).

2

Председательствовал на суде ландесхауптман (в данном

случае не только командующий армией, но и - глава княжеского правительства) граф Иоахим фон Цоллерн. В качестве поверенного Габсбургов (представителя обвинения) на суде выступал шультгейс Роттенбурга Якоб Хальбмайер. Почувствовав, что не справляется с поставленной перед ним задачей, он фактически передал в ходе слушания дела свои функции секретарю городского совета Энзисхейма Эберхарду Хофману, поручив ему выступить в качестве своего "защитника" (см.: 17, с. 32).

3

Из Энзисхейма (бывшей резиденции австрийского правительства в Эльзасе) в Роттенбург в качестве судей было направлено два представителя. Их приглашение на суд прежде всего было обусловлено тем, что правительство в Энзисхейме имело большой опыт в проведении религиозных процессов. Упомянутый в документе секретарь городского совета Энзисхейма Эберхард Хофман сыграл не последнюю роль в вынесении роттенбургским судом "кровавого приговора" и, следовательно, в судьбе Затлера и других анабаптистов (см.: 17, с.32-36, 40, № 224, с.251).

4

Анабаптисты, заявляя о "снисхождении" на них "святого духа", искренне верили, что они действуют по приказу самого Бога и только ему обязаны полным и безусловным послушанием.

5

Называя судей "служителями Бога", Затлер, вероятно, не столько пытаясь пробудить их совесть и милосердие, сколько иронизировал по поводу того, что среди них не было священнослужителей, хотя судьи, по его мнению, должны были принять решения по сугубо религиозным вопросам. Дело в том, что университеты Штутгарта, Тюбингена и Фрейбурга отказались прислать своих богословов и юристов в Роттенбург, так как все они были посвящены или собирались принять священнический сан, что не позволяло им участвовать в "кровавом процессе" (см.: 17, с. 31-32). Отметим также, что источники в составе роттенбургского суда называют представителей Иберлингена, Штокхаха, Радольфцелля, Филлингена, Тюбингена, Фрейбурга, Энзисхейма, Штутгарта, Роттенбурга и других городов (см., например: 40, № 224, с. 251). В соответствии с данными хроники Филлингена, в процессе приняли участие 24 судьи (см.: 17, с. 32). Однако имена большинства судей, вынесших приговор, остались неизвестны.

6

Обвинение имеет в виду, что с достаточной очевидностью, помимо прочего, следует и из ответов на него Затлера, Вормский эдикт 1521 г. императора Карла V, который был направлен против "лютеровской ереси" и по сути дела ставил как реформатора, так и всех, кто следовал его учению, вне

закона.

7

В причастии отвергали присутствие "плоти и крови Христа" не только анабаптисты, но и цвинглианцы. Те и другие под влиянием идеологии гуманизма трактовали таинство причастия как воспоминание о тайной вечери, на которой Христос поведal апостолам о предстоящих ему страданиях во имя спасения рода человеческого. В таком понимании таинства причастия вполне отчетливо проступали черты "религиозного рационализма".

8

Идеологи народной реформации видели в вере прежде всего пробуждение сознания человека и по этой причине полагали, что вступление в "общину верующих" (символом которого являлся обряд крещения) должно происходить в "сознательном возрасте".

8

Вместе с Затлером перед судом предстали: его жена, Маттиас Хиллер (скорняк из Санкт-Галлена), Файт Ферингер (из Роттенбурга) и еще более десяти человек (источники называют разное число подсудимых) (см., например: 17, с. 33; 40, с. 250-251).

10

Имеется в виду таинство елеосвящения (соборования) католической церкви (см.: Иак., 5, 14).

11

В средние века в Западной Европе сильное развитие получила культ богородицы, с критикой которого выступили реформаторы Лютер, Цвингли и другие. Анабаптисты по сути дела разделяли эту точку зрения последних.

12

Большинство реформаторов объявили почитание святых, икон и реликвий "нехристианским обычаем" и потребовали их удаления из церквей. Это требование получило поддержку и со стороны анабаптистов.

13

С одной стороны, источники дают основание выразить сомнение в правомерности этого обвинения (по крайней мере в отношении самого Затлера, который даже не считал нужным давать судьям ответ по этому пункту); с другой - обычай совместных трапез, во время которых анабаптисты смешивали вино с хлебом и вкушали из общей чаши, утвердился среди них еще с начала 1525 г. в общине Цолликона. Это убедительно показал историк первой общины адептов "новой веры" Ф.Бланке (см.: 16, с. 25-26).

14

Жена Затлера была арестована вместе с мужем, осуждена и по приговору суда утоплена в Неккаре (см.: 40, с. 253).

15

Слова документа "если бы война была справедлива" ("wenn kriegem recht were") можно истолковать как допущение Затлером возможности ведения "справедливой войны" (войны за "истинную веру") и, как в таком случае следует из контекста, участия в ней "истинно верующих". Но это противоречит пацифистской позиции Затлера, достаточно четко обозначенной при его ответе на последнее и самое тяжелое обвинение суда. Скорее всего, указанное выражение надо понимать следующим образом: "если бы война [как таковая] была [нравственно] оправдана [и допустима]", что Затлер на самом деле категорически отрицал...

16

Это утверждение Затлера соответствует истине, так как анабаптисты и на самом деле не придерживались "лютеровского учения и соблазна", поскольку решительно разошлись во взглядах с инициатором Реформации в Германии и оказались в числе его наиболее непримиримых критиков.

17

Имеется в виду безусловное признание учения и догматов анабаптизма и сознательное совершение обряда крещения только взрослым человеком. Анабаптисты считали, что приход "истинной веры" (который возможен только в том возрасте, когда человек уже может ее "осознать") должен предшествовать акту крещения. Крещение, в их понимании, - лишь "знак" свершившегося факта прихода к человеку веры, поэтому в младенчестве оно не имеет смысла.

18

С помощью елеса (также см.: прим. 10) в католической церкви осуществлялось таинство соборования (елееосвящения).

19

За спорами о таинствах и догматах христианства речь шла о важных для того времени вопросах. И в данном случае таким образом католическая церковь заявляла о своей роли посредника между верующими и Богом, тогда как анабаптисты (как и представители других реформационных течений) претендовали на установление между ними непосредственного контакта. Затлер, по всей видимости, имеет в виду учение католической церкви, согласно которому только она и ее глава, папа, являются обладателями "благодати", созданной искупительной жертвой Христа.

20

Учение анабаптистов наделяло атрибутом святости всех "истинно верующих", сознательно принявших крещение.

21

Гечь идет не только об отказе оказывать сопротивление туркам (как указывалось в обвинении), но и об отрицании насилия как такового. Только в этом контексте может быть пра-

вильно понято высказывание Затлера о "справедливой" войне.

22

Затлер по сути дела повторяет, с одной стороны, сформулированное еще Лютером положение о назначении государственной власти, которая, выполняя свои общественные функции, должна служить интересам всех "благочестивых людей", искоренять "зло" и карать "злых". С другой стороны, на практике анабаптисты выражали сомнение в необходимости существования института государственной власти как такового.

23

Хорошую богословскую подготовку и знание языков Затлер получил, вероятно, посещая занятия на богословском факультете университета Фрейбурга (см.: 17, с. 29). Обращением к "служителям Бога" он по сути дела выражал недоверие суду в Роттенбурге по причине недостаточной компетенции последнего в решении конфессиональных вопросов.

БРАТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ МЕЖДУ НАМИ И НЕКОТОРЫМИ ШВЕЙЦАРСКИМИ БРАТЬЯМИ (1556-1557 гг.)

... В 1556 г. в [на берегах] полноводного Рейна¹ случилось то, что некоторые швейцарские братья² с именами Лоренц Хуф, Руп Гельнер, Штро Матес и Вильгельм Хэнхен вместе с другими своими братьями и сестрами в общине Крейцнаха³, которых также называют швейцарцами, вышли [из нее] из-за своих грехов и нарушений, которые проявились в той же общине Крейцнаха [в следующем]:

Во-первых, [в том], что они учили: необходимо всецело и полностью жертвовать себя Богу и его святым⁴ со всем [имуществом], которое кто-либо имеет⁵. Вслед за этим [однако] вопреки собственному своему учению, они признавали, что свое [имущество] можно использовать для себя и давать бедным [людям только] то, что [было бы] им во благо⁶.

Во-вторых, [они учили] относительно общности [имущества], что никто не должен ничего иметь в собственности, а то, что имеет один, должно быть общим: как добро твоего ближнего, так и свое; вместе с тем, когда кто-то в чем-либо нуждается, он должен был [это] покупать у другого.

В-третьих, что касается первородного греха, то они, по правде [говоря], этому учат неправильно⁷.

В-четвертых, пятых, шестых: [они учили] давать налог на войну, [приносить] жертвы идолам⁸, [выносили] нечестоплотные решения при разборе [различных нарушений], не имея подлинного [желания] строго наказывать несправедливость, а

[предпочитая] наказывать тайно, чтобы это не стало известно народу⁹.

В-седьмых, [они] также не имеют полного обособления от других народов¹⁰, а во многом с ними смешиваются.

В-восьмых, [в том], что их учителя [слова Божьего] не были в согласии между собой и [часто] спорили, а это доходило до народа.

Поэтому они [те "швейцарские братья" из Крейцнаха, которые впоследствии приняли решение об исходе в Моравию] отделились от них [оставшихся в Крейцнахе] и разговаривали с такими нашими братьями, как Ганс Шмид, служитель слова [Божьего]¹¹, и с его спутниками, которые были присланы из Моравии, и потребовали от них обоснования [их] веры... [Один из недовольных порядками в общине Крейцнаха] по имени Томан Невман... после того, как он услышал, что в Моравии есть народ, который [ведет] братскую жизнь в единстве и истинном христианском сообществе, ... [побудил их к тому], что все они до единого пожелали услышать братьев из Моравии, как называют хуттеровцев... Тогда они послали за братьями из Моравии, находившимися за пределами [общины], а именно: за Гансом Шмидом, служителем слова [Божьего], который странствовал в это время в Вюртемберге и Гессене вместе со своими спутниками..., и те дали им разъяснение [сущности веры]¹², особенно об избрании и призвании служителей [слова Божьего] и их обязанностях, об обобществлении [имущества], о порядках в доме Божьем¹³, воспитании детей, о браке, об обособлении от всех [прочих] народов. [После этого они совещались далее] по следующим статьям: 1. О браке. 2. О налоге или платже кровью. 3. Об обособлении от других народов, которые хотят, чтобы их [представителей] называли братьями¹⁴. 4. Относительно содержания служителей [слова Божьего]. 5. О приношениях идолам. 6. [О том], чтобы дома выкупали на общинные [средства]. 7. [О том], почему следует переселяться в Моравию.

Тут они [принявшие решение об отделении от общины Крейцнаха] потребовали от наших [хуттеровцев], чтобы они соизволили дать им эти [разъяснения] письменно, ... и эти статьи, которые им написал Ганс Шмид, служитель слова Божьего, были следующего содержания:

Во-первых, относительно брака: союз, установленный Богом, является высочайшим и величайшим браком, он длится вечно и должен оставаться нерушимым, и не следует ему в том препятствовать [ничем], что бы [ему] в том не мешало, будь то внешний брак¹⁵, имущество или деньги, а также никакая креатура¹⁶. Внешний союз или брак, как это называют, который совершается без участия святого духа, [является союзом] человеческого рода и характера, а не божественного. Когда они [супруги] отказываются от грехов и истинно передают себя

Богу, им через очищение от грехов и святость духа будет освящен брак¹⁷, чтобы он был по божественной воле, а что соединено Богом, то не должен разделять человек.

Но если случится, что некто [станет] отделяться [от общины хуттеровских братьев, и окажется], что он останется вне брака или [некто] снова примирится с исполненной раскаяния жизнью и до совершения покаяния [не отделившийся от общины супруг или супруга] не захочет вступать в брак с ним [с нею]..., то в этом [его поведении] тогда было бы божественное основание. Если отделившийся прикнул к [каким-либо] чужим народам, которые желают называть себя братьями [и сестрами], а вместе с тем ведут беспорядочную жизнь, [то] его следует избегать. Если отделившийся смешивается с миром, но наряду с этим не опускается в распутство и когда-либо по настоятельной потребности возжелает своего супруга [супругу], который [которая] еще привязан [привязана] к Господу и [при этом он] не намерен [намерена] препятствовать [верующему] служить Господу, то верующий волен остаться с Богом в своей общине, которая тогда для него [нее] наиболее безопасна, и в этом случае верующий [верующая] не будет уличен перед Богом, так как Господним словом не выражено то, что должно служить Богу при падшем. Но если [это] когда-нибудь случится, то это должно произойти по совету Господа¹⁸. И если бы произошло такое, что среди язычников¹⁹ одна часть [из числа] состоявших в браке обязывалась служить в вере Богу в истинном сообществе Христа и его святых²⁰, а другая [их] часть не могла [еще] достигнуть веры, но все же склонна к вере, [желает] жить с верующим и не препятствовать [ему или ей] в вере, касается ли это того, чтобы идти к Господнему слову, правильно воспитывать детей или оказывать поддержку благочестивому [верующему], в таком случае пусть верующий живет с неверующим с надеждой, что Бог протянет руку помощи и другому [т.е. неверующему]...

Но если неверующий верующему упорно препятствует и стремится увести его от Бога, то верующий, будь он братом или сестрой, в таком случае не связан в отношении внешнего брака тем, что провинится перед Богом, если он [или она] ради Господа и также ради своей души от него [или от нее] отступит... Знаешь ли ты, верующий, победишь ли ты неверующего? Смотри, как бы он тебя не победил!...

Во-вторых, относительно налога или службы, которую требуют власти: [последним] нужно давать по справедливости, когда и как надлежит и установлено Богом. Но что касается платы кровью на войну или подобное этому, или намерений властей из их собственных, а не из божественных установленных, требовать исполнения их службы и этим отягощать совесть [верующего], того благочестивый [верующий] не должен давать [и делать], так как Бог от него требует возлюбить

врага, и благочестивый [верующий] обещал это Богу. К тому же, не следует делать оружия, которое служит подобному [безбожному делу], чтобы благочестивый [верующий] не делал себя соучастником их [властей] злодеяния и кровавой вины.

В-третьих, об обособлении от тех, которые хотят, чтобы их называли братьями, но [на практике] не следуют учению и указанию духа, а беспорядочны [в своей жизни]: не следует с такими [людьми] иметь ничего общего, чтобы от Господа свои [адепты] не были переименованы благодаря их показной видимости самозванного благочестия, через которое они стремятся соблазнить благочестивых [верующих] (2. Кор., 11; Еф., 4).

Но о [Божьем] приговоре тем, которые являются свидетелями [Христа] вне нашего сообщества или умирают за веру, мы говорим: так как они [еще] не пришли к полной вере, но все же стремятся к ней, то мы передоверяем их Господу, который знает, каким был каждый [из них] и как страдал [в земной жизни] Он может даровать им спасение, так как они иначе [по-своему] всем сердцем его искали. Доверим же это Господу и подождем о том [его] Господней воли, поскольку плоды и сок молодого дерева будут опознаны, когда их сорвут. И поэтому я считаю, что тем, кто стремился к абсолютной основе [веры], Господь из милости дарует спасение.

В-четвертых, о еде и питье служителей [слова Божьего] и потребностях их тела: в то время как дух Христов управляет телом²¹, которое есть его община [благочестивых верующих], и для созидания и проживания тела нуждается во всех членах, и указывает, что один [член] другому должен оказывать помощь, так как дух действует в каждом члене, каждый должен исполнять свое дело и отвечать за него [перед Богом], выражаясь иносказательно: когда руки трудятся и готовят пищу телу, дух в них и в теле совершает то, что сок и сила подаются ногам, которые несут тело. Подобное этому происходит в духовном теле: общинные руки, то есть все благочестивые [верующие], служат телу и охотно готовят пищу, так как они испытывают влияние в теле духа через ноги, а это - служители Господа, и [они] также имеют повеление Господа, чтобы они своих служителей [слова Божьего] держали в чести, и подобное [этому есть] в Ветхом и Новом завете. И хотя духовные руки, которые есть благочестивые [верующие], дают телу обильно еды, но ноги, понимаете - служители [слова Божьего], получают не больше, чем им выделяет дух в теле и предполагает к этому развитие²². Они [служители слова Божьего] воспринимают это с благодарностью как бы от Господа, чтобы с даром, полученным от Бога, служить телу и переходить через грязь, перенося величайшее унижение²³. Итак, благочестивые [верующие] из божественной любви и по указанию Господа и ради Господа и его народа сохраняют своих

служителей [слова Божьего] в высокой цене и достойными двухкратного уважения и вознаграждения²⁴.

В-пятых, о покупке домов и имущества: так как однажды все благочестивые [верующие] должны освободиться и оставить все земные вещи, [как] этого от них потребовал Бог и впредь пожелал, [чтобы они этих вещей] имели значительно меньше, [чем в прошлом и сейчас], и так как они должны выступать против собственного владения креатурами, то они впредь обязаны покупать [что-либо] в собственность значительно меньше, [чем раньше]. Но так как Бог управляет телом через свой дух и заботится о своем теле [через] своих [адептов] и дал каждому члену [тела - хуттеровской общины] свое занятие под [началом] рук, то [его] глаза поэтому должны смотреть, где тело живет или где ему Господь уготовил место [для проживания]. И так как они [глаза] не по собственному побуждению высматривают кров или ищут [чего-либо] своего, а это [побуждение] исходит от тела, и Бог их предназначил к тому, что им надлежит [делать], то поэтому справедливо, чтобы они руководствовались духом Господа и искали благочестивым [верующим] кров; будь то путем купли или за что-нибудь, что Бог даст, чтобы тот, кто покупает, был таким же, как тот, кто это не сохранил²⁵.

В-шестых, о жертвах идолам: так как идолопоклонство - отход от Бога и оно [идолопоклонство] сурово ненавидит Бога и [глубоко] враждебно ему, и все те, кто тому способствует, слушат не Богу, а дьяволу, то совершенно очевидно то, что апостолы не делали [никаких] идолов, будь то из дерева, камня, золота или серебра; [они] также не велели делать ни одного храма из камня или дерева, серебра или золота, но, более того, [они] против этого выступали и свидетельствовали, что Богу [это] не угодно и [он] не живет в таких [храмах]... Ибо видно также, что они [такие храмы] ведут свое происхождение от язычников, являются плодом человеческого разума и сооружались благодаря ложному божественному служению, а также все еще сооружаются благодаря тому же, если им для этого [что-нибудь] дают, дарят или покупают²⁶. И так как служители идолов ложно берут на себя евангелическую должность, чтобы проповедовать и кормиться за счет идолов, то они правомерно избегают благочестивых [верующих], когда приносят с собой ложное учение. Поскольку они [благочестивые верующие] делают их [служителей идолов] голос неслышным, потому что они - чужие, и Господь их не посылал, не вкушайте с ними [хлеба насущного] и не занимайтесь с ними совместной работой, покупкой или продажей²⁷; чтобы не сделаться соучастниками их грехов.

В-седьмых, о стремлении [вступить] в общину: так как Бог через свой дух всегда направлял благочестивых [верующих] по своему слову и воле к тому месту, которое ему понравилось

или которое он им предусмотрел, и таким образом он руководит [ими] и обособляет [их], так как делает быть их герцогом и правителем²⁸ и имеет особое удовольствие в совместном проживании благочестивых [верующих], поэтому он имел особое удовольствие и радость в первой церкви [Христа]²⁹ и собрал своих [адептов] из [всех] разноязычных [народов], [имеющихся] под небом³⁰, подготавливая этим свое небесное дело и господство на земле³¹, дал [возможность] увидеть и привел в порядок понравившееся ему на земле место в пустыне³², определенное [им] своей невесте³³, чтобы она могла, отдохнув некоторое время перед родами, родить свое дитя³⁴. Ради этого Божий дух имеет в благочестивых [верующих] сердечное желание там жить. И поскольку все благочестивые апостолы и верные пастыри собрали вместе овец Христовых, этим они, насколько было возможно, проявили перед Богом свое усердие, и чтобы овцы не были разорваны волками³⁵, благочестивые [верующие] снова [настолько], насколько возможно, проявили свое усердие [перед Богом] и направились туда [в Моравию]³⁶, и поэтому это справедливо.

[Таким образом, братья с Рейна] были удовлетворены [ответами посланцев] общины Бога [в Моравии] во всех подробностях и в самой основе христианской веры. После такого их признания наши [хуттеровцы]... молились, чтобы Бог пожелал их [принявших решение об исходе в Моравию] убедить в рукоположении в знак союза и принятия в общину святых и в тело Христа, что и произошло 26 ноября 1558 года. После этого они [швейцарские братья из Крейцнаха] устремились в Моравию к общине Бога.

1

Именно так можно перевести на русский язык дефиницию самого источника "Rheinstrom" (об этом см.: 14, с. 133 след.). В "Исторической книге хуттеровских братьев" сказано более конкретно - в Пфальце (25, с. 270).

2

Анабаптисты Швейцарии первыми подверглись репрессиям и преследованиям со стороны кантональных властей; по этой причине они вынуждены были эмигрировать в соседние земли Германской империи и даже за ее пределы. Этих первых эмигрантов-анабаптистов современники называли "швейцарскими братьями". В дальнейшем такое название в известном смысле приобрело значение имени нарицательного и стало употребляться для обозначения одной из многочисленных группировок перекрещенцев. В тексте настоящего документа под "швейцарскими братьями" подразумевается особая группировка анабаптистов, которая к Швейцарии непосредственно отношения не

имела.

3

По всей видимости, Речь идет о городе Крейцнахе, расположенном в Пфальце.

4

Как известно, "святыми" анабаптисты объявляли всех принявших крещение членов своих общин.

5

То есть анабаптисты Крейцнаха в теории признавали идею общности имущества в качестве одного из основополагающих принципов жизни и деятельности своей организации.

6

На практике, однако, как это можно заключить на основании анализа текста самого документа, они же сохраняли частную собственность. Идея общности имущества сводилась в общине Крейцнаха к оказанию благотворительной помощи бедным ее членам.

7

В соответствии с анабаптистским учением избавиться от первородного греха, наследуемого "всею родившейся от Адама плотью" и обрекающего человека и его душу на "вечную погибель", можно было только через его "возрождение в духе". "Возрожденные" верующие считались априори безгрешными.

8

Идолами анабаптисты называли иконы, статуи и реликвии с изображениями, изваяниями и останками святых католической церкви.

9

О том, как карались такие нарушения в хуттеровских общинах, свидетельствует изгнание из братства хуттеровцев Йерга Цауринга, о чем рассказывает их хроника (см.: 25, с. 72).

10

Под дефиницией "другие народы" в тексте документа, по всей видимости, имеются в виду, прежде всего, представители иных (т.е. нехуттеровских) анабаптистских группировок. Далее в тексте документа уточняется, что речь идет о тех "народах, которые хотят, чтобы их называли братьями".

11

"Служитель слова" (*der diener des worts*) - проповедник хуттеровского учения, который, как правило, вел образ жизни странника и миссионера. Ганс Шмид был "служителем слова" с 1548 г. (41, с. 126).

12

Употребленный в данном случае термин "Rechenschaft" (буквально - "отчет") использовался анабаптистскими авторами довольно часто (например, см.: 26, с. 190 след., 205 след.; 38, с. 19 след.). Обычно под ним подразумевались со-

чинения вероисповедательного характера, содержащие изложение основных пунктов их вероучения.

13

Возможно несколько вариантов толкования "порядков в доме Божьем" (ordnungen im haus Gottes). Под "домом Божиим" могла подразумеваться вся "невидимая церковь Иисуса Христа" или только хуттеровское братство. Другой вариант, который представляется наиболее вероятным, состоит в том, что под "домами Божиими" имелись в виду хуттеровские братские дворы (Haushaben), предназначенные для совместного проживания членов их общин. В связи с этим целесообразно напомнить, что в утопии Ганса Гергота "О новом преобразовании христианской жизни", которая, есть основания так полагать, оказала значительное влияние не только на теоретические воззрения, но и на практическую деятельность анабаптистов, "Божьи дома" - своего рода общежития, где жили членн "флора" (этим термином Гергот обозначал деревенскую общину), т.е. изначальная общественно-политическая ячейка нового социального порядка, в основу организации которого был положен принцип равенства, реализуемый через установление общности имущества (см.: 3, с. 144, 145, 147; 4, с. 259, 270 прим. 15).

14

И здесь имеются в виду анабаптистские группировки, не входившие в хуттеровское братство.

15

Речь идет о браке, освященном авторитетом официальной церкви (католической или протестантской), т.е. о браке, который был заключен вне хуттеровского братства.

16

Под "креатурой" в богословии подразумевается любое "божье творение", или любой исполнитель "божьей воли"

17

Когда оба супруга вступали в хуттеровское братство, их брак подтверждался и соответствующим образом освящался авторитетом общины самого братства.

18

Оговаривается исключительный вариант сохранения брака при уходе в "мир" одного из супругов, что было возможно только с соответствующего разрешения общины.

19

"Язычниками" анабаптисты называли представителей всех иных конфессий.

20

То есть речь идет об имевшем место на практике вступлении "язычников" в хуттеровское братство.

21

Обычный для того времени способ осмысления социума

путем отождествления потребностей общества и различных его структур с жизненными функциями человеческого организма. На это обстоятельство, как составной элемент средневековой культуры, обратил внимание А.Я.Гуревич (см.: 5, с. 49, 56, 178, 281).

22

У хуттеровцев питание было строго регламентировано в зависимости от возраста, профессии и состояния здоровья человека.

23

Вероятно, автор текста документа имеет в виду преследование хуттеровских проповедников со стороны официальных властей.

24

Трудно сказать определенно, что имел в виду Шмид под "двухкратным уважением и вознаграждением" "служителей слова Божьего". Если речь идет о двухкратном, по сравнению с рядовыми членами общины, материальном вознаграждении и почете, которые им оказывало братство, то тогда возникает вопрос: существовало ли у хуттеровцев (по крайней мере к моменту появления данного документа) провозглашаемое ими полное равенство всех членов общины?

25

В данном случае, скорее всего, речь идет о равных правах всех членов общины на приобретенное ею имущество, когда "покупающие" должны быть, "как не приобретающие" (1. Кор., 7, 29-30). При этом личной собственности как таковой общинники не имели, и распоряжаться имуществом общины могла только она сама.

26

Анабаптисты вообще отвергали необходимость существования храмов, полагая, что богослужение может совершаться в любом месте, в том числе и под открытым небом.

27

Данное требование запрещало "истинно верующим" вступать в деловые контакты со "служителями идолов", проповедниками "идолопоклонства" (см. прим. 8), но отнюдь не со всем "внешним миром".

28

Отсюда следует, что Бог сосредотачивал в своих руках не только духовную, но и светскую власть над анабаптистскими общинами, что и являлось обоснованием для этих общин необходимости выполнения только тех предписаний светских властей, которые не вступали бы в противоречие с "Божьей волей".

29

Под "первой церковью" в тексте документа имеется в виду община верующих, основанная еще самим Христом (см.:

Деян., 2; 4; 11). Представители радикальных течений в реформационном движении апеллировали к образу раннехристианской церкви с целью обоснования собственного понимания "христианского благочестия". Кроме того, в образе этой церкви они видели идеальное общественное устройство и пример для подражания.

30

Анабаптисты объявили свою организацию наднациональной, преодолевшей все национальные противоречия и различия.

31

Этот текст свидетельствует о сильных хилиастических чаяниях хуттеровцев, которые они связывали с установлением "царства Божьего" на земле. Правда, теперь, когда революционные потрясения остались в прошлом и "мятежный дух" давно уже "погас в сердцах" адептов "новой веры", хуттеровцы свои надежды на преобразование мира возлагали исключительно на вмешательство в "земные дела" самого Бога и второе пришествие Христа.

32

Под "пустыней" в тексте источника имеется в виду место, где "истинно верующие" могли укрыться от своих преследователей. Здесь и далее автор прибегает к аллегории, образы которой были заимствованы им из апокалипсических "знамений" о рождении младенца "женой, облеченной в солнце", и преследовании ее "красным драконом", от которого она "убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога" (Отк., 12; также см.: 28, с. 185).

33

Представители радикальных течений в реформационном движении в образе "невесты Христа" видели возрожденную церковь, объединяющую "всех верующих в истину". В тексте настоящего документа под дефиницией "невесты" Христа имеется в виду хуттеровское братство, которое формировалось прежде всего по религиозному признаку. Якоб Хуттер также называл моравскую общину "невестой" и даже "любимой и благодатной супругой" Христа (см.: 25, с. 150).

34

В образе "дитя" в тексте документа, скорее всего, подразумевается хуттеровское братство, которое и должно было стать орудием исполнения "божьей воли", преобразования посягательной действительности и строительства "царства Божьего"

35

Обычная для публицистической литературы того времени аллегория, которую, в частности, использует и анонимный автор политического памфлета "Собранию простого крестьянства", увидевшего свет в разгар событий Крестьянской войны (см.: 9, с. 88, 90; статью Ю.К. Некрасова в настоящей кни-

ге). Эта аллегория в том и другом случае служит средством противопоставления категорий "добра" и "зла"; символом последней выступают невинные и беззащитные овцы, символом "вселенского зла" - алчный волк, угрожавший самой жизни овец.

36

В Моравии анабаптистам долгое время удавалось, как это уже известно читателю настоящей книги, под покровительством некоторых ее аристократических семейств избегать жестоких преследований, на которые они фактически были обречены на большинстве территорий не только Империи, но и за ее пределы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бецольд Ф. История Реформации в Германии. СПб., 1900. Т. 2.
2. Володарский В.М. Эрфуртские гуманисты и Реформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.
3. Володарский В.М. Утопия Ганса Гергота // ИСУ. 1986.
4. Володарский В.М. Ганс Гергот и утопия "О новом преобразовании христианской жизни" // ИСУ. 1987.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
6. Зингер Я.С. Плебейские массы Мюнстера у власти // СВ. 1963. Вып. 23.
7. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 2. Коммунизм в германской реформации. М., 1919.
8. Крестьянинов В.Ф. Меннониты. М., 1967.
9. Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.
10. Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества // ИСУ. 1987.
11. Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964.
12. Die älteste Chronik der Hutterischen Brüder/ Hrsg. von A.J.F.Zieglschmid. Ithaca, New York, 1943.
13. Bachmann R. Nicklas Storch der Anfänger der Zwickauer Wiedertäufer. Zwickau, 1880.
14. Bader K.S. Der deutsche Südwest in seiner territorialstaatlichen Entwicklung. Stuttgart, 1950.
15. Bergsten T. Balthasar Hubmaier: Seine Stellung zur Reformation und Täufern: 1521-1528. Kassel, 1961.
16. Blanke F. Brüder in Christo: Die Geschichte der

ältesten Täufergemeinde: (Zollikon 1525). Zürich, 1955.

17. Bossert G., Hein G. Sattler Michael // ML. 1959. Bd. 4.
18. Brendler G. Das Täuferreich zu Münster 1534-1535. Berlin, 1966.
19. Clasen C. P. Die Wiedertäufer in Herzogtum Württemberg und in benachbarten Herrschaften: Ausbreitung, Geistwelt und Soziologie. Stuttgart, 1965.
20. Deutsche Reichsaktien unter Karl V / Bearb. J. Kühn. Stuttgart, 1965. Bd. 5. H. 1.
21. Dühlmen R, van. Reformation als Revolution: soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977.
22. Egli E. Schweizerische Reformationsgeschichte. Bd.1. 1519-1525. Zürich, 1910.
23. Flugschriften aus den ersten Jahren des Reformation / Hrsg. von O.Clemen. Leipzig, 1908. Bd. 2.
24. Friedmann R. Schmid Hans // ML. 1952. Bd. 4.
25. Geschicht-Buch der Hutterischen Brüder / Hrsg. von R.Wolkan. Wien, 1923.
26. Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter/ Hrsg. von L.Müller. Leipzig, 1938.
27. Gross L. The Golden years of the Hutterites: The Witness and Thought of the Communal Moravian Anabaptists during the Walpot era, 1565-1578. Scottdale; Kitchener, 1980.
28. Hillerbrand H.J. The Origins of Sixteenth century Anabaptism Apotek Look // ARG. 1962. Bd. 53.
29. Holl K. Luther und Schwärmer // Ders. Gesammelte Aussätze zur Kirchengeschichte. Tübingen, 1932. Bd. 1.
30. Keller L. Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs zu Münster. Münster, 1880.
31. Köhler W. Huldrych Zwingli. 2. Aufl. Leirzig, 1954.
32. Das Königreich Württemberg. Stuttgart, 1905. Bd. 2.
33. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974.
34. Loserth J. Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge der Wiedertaufe in Mahren. Brünn, 1893.
35. Mau W. Balthasar Hubmaier. Berlin; Leipzig, 1912.
36. Mecenseffy G. Die Herkunft des oberösterreichischen Taufertums // ARG. 1956. Bd. 47.
37. Menius, Justus. Der widertauffer lere vnd geheimnis des heiligen schrift. Wittenberg, 1533.
38. Müller L. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer. Leipzig, 1927.
39. Peachey P. Die soziale Herkunft der Schweizer Täufer in Reformationszeit: Ein religionssoziologische Untersu-

chung. Karlsruhe, 1954.

40. Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz
Bd. 1. Zürich / Hrsg. von L. von Muralt u. W. Schmid. Zürich,
1952.

41. Die Schriften der huterischen Täufergemeinschaften:
Gesamtkatalog ihrer Manuskriptbücher, ihrer Schreiber und
ihrer Literatur: 1529-1667 / Zstg. R. Friedmann u. A. Meis.
Wien, 1965.

42. Urkundliche Quellen zur hessischen Reformations-
geschichte. Bd. 4. Wiedertäuferakten 1527-1626. Marburg,
1951.

43. Vasella O. Zur Geschichte der Täuferbewegung in der
Schweiz // Zeitschrift für Schweizer Kirchengeschichte.
Bern, 1954. Bd. 1.

44. Wappler P. Die Stellung Kursachsen und Landgraph
Philipp von Hessen zur Täuferbewegung. München, 1910.

45. Weswedel W. Die alten Taufgemeinden und ihr mis-
sionärischen Wirken // ARG. 1948. Bd. 41.

46. Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewe-
gung nach dem Großen Bauernkrieg. Berlin, 1958.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ - Вопросы истории
ЕГИ - Ежегодник германской истории
ИСУ - История социалистических учений
КГПИ - Кемеровский государственный педагогический институт
МГУ - Московский государственный университет
СВ - Средние века
СГУ - Саратовский государственный университет
СИЗ - Советская историческая энциклопедия
УЗ - Ученые записки
AOG - Archiv für österreichische Geschichte. Wien
ARG - Archiv für Reformationsgeschichte. Gütersloh
SDS - Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis zum 16. Jahrhundert. Leipzig
Hz - Historische Zeitschrift. München
JbGF - Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin
JGVV - Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft
JLG - Jahrbuch für Luthergeschichte. Göttingen
LB - Lebensbilder aus dem Bayerischen Schwaben. München
MG - Militärgeschichte. Berlin
MGB1 - Memminger Geschichtsblätter
ME - Mennonite Encyclopedia. Scottdale
ML - Mennonitisches Lexikon. Frankfurt a. M.; Karlsruhe
MQR - Mennonite Quarterly Review. Goshen
NF - Neue Folge
RGG - Die Religion in Gesellschaft und Gegenwart. Tübingen
VSWG - Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart
ZfG - Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin
ZMV - Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Ф. Чуянов РЕЯХСТАГ- И ИМПЕРАТОР СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.	3
А. А. Михешин ГЕЙЛЬБРОНСКАЯ ПРОГРАММА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	20
В. А. Дятлов РЕФОРМА ГОРОДСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНИИ (1522-1524 ГГ.)	36
Ю. К. Некрасов ГОРОДА И БЮРГЕРСТВО В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ШВАБИИ)	54
М. В. Васильева К ИСТОРИИ РАННЕГО АНАБАПТИЗМА: ХУТТЕРОВСКОЕ БРАТСТВО	81

ПУБЛИКАЦИИ

А. Ф. Чуянов МИХАЭЛЬ ГАЙСМАЙЕР И ЕГО "ЗЕМСКОЕ УСТРОЙСТВО". (Вступительная статья, перевод и комментарий)	100
Ю. К. Некрасов, М. В. Васильева АНАБАПТИСТЫ ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ: "СВИДЕТЕЛЬ- СТВА О ВЕРЕ" МИХАЭЛЯ ЗАТЛЕРА И ГАНСА ШМИДА. (Вступительная статья, перевод и комментарий)	120
Принятые сокращения	150

**ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ**
Межвузовский сборник научных трудов

Компьютерный набор — *М. В. Васильева*
Редактор — *Ю. С. Кудрявцева*

Подписано к печати *10.12.93*. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 10,72. Усл. печ. л. 8,8. Тираж *300*.
Заказ 9. Цена руб.

160600, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6, ВГПИ, издательство «Русь».
Отпечатано в литографии Северного лесостроительного предприятия,
150014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.